

ISSN 2949-5016 (print)
ISSN 2949-5008 (online)

**ПРО
СВЕТ**
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

*215 лет
со дня рождения
Н. В. Гоголя*

ФЕНОМЕН АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА
ГОГОЛЯ: ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ЖЕЛАЕМОМ
И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

ПОГРАНИЧНЫЙ ХРОНОТОП
В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н. В. ГОГОЛЯ
И «РАССКАЗАХ ЛЯО ЧЖАЯ О НЕОБЫЧАЙНОМ» ПУ СУНЛИНА

АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
С ЧИТАТЕЛЕМ В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»
Н. В. ГОГОЛЯ

2024 / № 2

ISSN 2949-5016 (print)

2024 / № 2

ISSN 2949-5008 (online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Отечественная филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

"Russian Studies in Philology" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2949-5016 (print)

2024 / № 2

ISSN 2949-5008 (online)

RUSSIAN STUDIES IN PHILOLOGY

Учредитель журнала «Отечественная филология»:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Королевство Испания);

Киселева И. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. — д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

Рецензируемый научный журнал «Отечественная филология» — печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений, изучение теории литературы).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Отечественная филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Отечественная филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках "eLibrary" (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philologymgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Отечественная филология» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Отечественная филология. — 2024. — № 2. — 120 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Founder of the journal "Russian Studies in Philology":
Federal State University of Education

Issued 5 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Kopusov – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E. Y. Titarenko – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Professor, Crimean V. I. Vernadsky Crimean Federal University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Russian Studies in Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works, study of theory of literature).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Russian Studies in Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Studies in Philology" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philologymgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Russian Studies in Philology. – 2024. – No. 2. – 120 p.

© SUE, 2024.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

site: www.philologymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

215 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ

Представляем тему номера.....	6
<i>Маркелова Т. В., Петрушина М. В.</i> Феномен аксиологического портрета Гоголя: противоречие между желаемым и действительным	8
<i>Сунь Вэньцзюнь.</i> Пограничный хронотоп в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжяя о необычайном» Пу Сунлина	20
<i>Яровой С. А.</i> Авторские стратегии взаимодействия с читателем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя	29

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Гимаев Я. А.</i> К вопросу о происхождении состава автомобильной терминологии, заимствованной из английского языка, в современном русском языке	36
<i>Грекова О. К.</i> Общефактическое значение глагола и количественные смыслы простого предложения	45
<i>Гридина Т. А., Коновалова Н. И.</i> Модели номинации образовательных учреждений в свете ценностных ориентиров современного общества	55
<i>Топорков П. Е.</i> Релятивизм оценок и состояний (на материале предикативов русского языка)	64

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Гущина А. И.</i> Поколение «отцов» vs поколение «детей» в современной литературе Германии (на примере романа Б. Шлинка «Три дня»)	75
<i>Линьлинь Чжан.</i> Математика как основа художественного мышления: к вопросу о соответствиях между романами «Петербург» А. Белого и «Мы» Е. Замятина	83
<i>Нин Шилэй.</i> Перевернутый мир психически больных пациентов в изображении русских и китайских писателей-врачей (на материале произведений А. П. Чехова и Лу Синя)	94
<i>Чжан Явень.</i> Дуэль Печорина с Грушницким в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» как суд главного героя над миром	103

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Климчукова В. Н.</i> Международная научная конференция «VI Смирновские чтения» ..	110
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Никитин О. В.</i> Запечатлённые образы Пушкиногорья. Рецензия на книгу: Козмин Б. М. Миражи памяти. Великие Луки: Великолукская типография, 2020. 492 с. . .	115
---	-----

CONTENTS

215TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF N. V. GOGOL

Introducing the Theme of the Issue.	6
<i>T. Markelova, M. Petrushina.</i> Phenomenon of Gogol's Axiological Portrait: Contradiction between the Desired and the Actual.	8
<i>Sun Wenjun.</i> The Borderline Chronotope in Nikolai Gogol's "Evenings on a Farm Near Dikanka" and Pu Songling's "Strange Tales from Chinese Studio".	20
<i>S. Yarovoy.</i> Authorial Strategies of Interaction with the Reader in "Evenings on a Farm near Dikanka" by N. V. Gogol.	29

LINGUISTIC STUDIES

<i>Ya. Gimaev.</i> On the Issue of the Origin of the Composition of Automotive Terminology Borrowed from English in the Modern Russian Language.	36
<i>O. Grekova.</i> General Factual Verbal Meaning and Quantity Meaning of the Simple Sentence	45
<i>T. Gridina, N. Konovalova.</i> Models for Nominating Educational Institutions in the Light of Value Guidelines of Modern Society	55
<i>P. Toporkov.</i> Relativism of Appraisal and States (Based on the Material of Predicatives in Russian)	64

LITERARY STUDIES

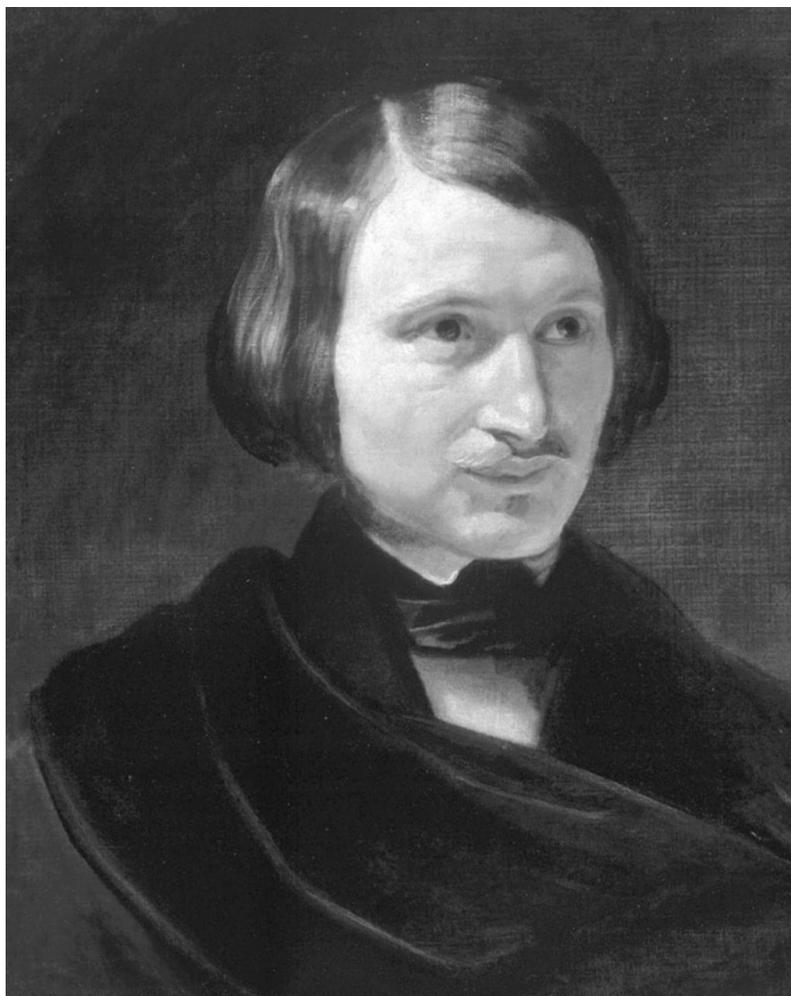
<i>A. Gushchina.</i> Generation of "Fathers" vs Generation of "Children" in Modern German Literature (Using the Example of B. Schlink's Novel "The Weekend")	75
<i>Linlin Zhang.</i> Mathematics as the Principle of Artistic Thinking: On the Question of Correspondences between the Novels Petersburg by A. Bely and We by E. Zamyatin	83
<i>Ning Shilei.</i> The Inverted World of Mentally Ill Patients Depicted by Russian and Chinese Doctor-Writers (Based on the Works of A. P. Chekhov and Lu Xin)	94
<i>Zhang Yawen.</i> The Duel Between Pechorin and Grushnitsky as Protagonists's Judgement over the World in the Novel "A Hero of Our Time" by Mikhail Lermontov	103

SCIENTIFIC LIFE

<i>V. Klimchukova.</i> International Scientific Conference "VI Smirnov's Readings"	110
--	-----

REVIEWS

<i>O. Nikitin.</i> Captured Images of Pushkinogorye. Book Review: Kozmin B. M. Mirages of Memory. Velikiye Luki, Velikiye Luki Publ., 2020. 492 p.	115
--	-----

215 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ

Первого апреля 2024 г. исполнилось 215 лет со дня рождения Николая Васильевича Гоголя, по словам П. Я. Чаадаева, «одного из самых ярких представителей критической мысли России XIX века»¹.

Н. В. Гоголь, признанный классик русской литературы, в десятках произведений которого переплетается реальность и фантастика, трагическое и комическое, занимает одно из самых почётных мест среди выдающихся представителей мировой культуры. Гениальные произведения мастера слова, имеющие особую интонацию, образность, ритм, и сегодня издаются стотысячными тиражами. Покоряющие своим художественным совершенством поэма «Мёртвые души», комедия «Ревизор», повести «Вий», «Тарас Бульба» и другие были экранизированы более пятидесяти раз, а постановки по ним продолжают показывать во многих театрах России и других стран.

В юбилейный год проводятся различные мероприятия, посвящённые жизни и творчеству писателя: Санкт-Петербургские «Гоголевские чтения», организованные мемориальным музеем и научной библиотекой «Дом Гоголя» совместно с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук и Национальным драматическим театром России (Александринский театр); фестиваль «Гоголевская весна»; выставка «Знаю, что моё имя после меня будет счастливее меня...» в Российской национальной библиотеке; реализуются другие проекты, позволяющие осмыслить творческое наследие писателя, актуальное и в XXI веке.

К юбилею Н. В. Гоголя – хорошему поводу напомнить о месте и роли классика в современности – помещаем в нашем журнале статьи учёных, исследующих своеобразие фантастических образов потустороннего мира, выявляющих авторские техники повествования в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки», создающих аксиологический портрет Гоголя в контексте лингвоаксиологических изысканий на материале повестей «Шинель» и «Нос».

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
современного русского языка имени профессора П. А. Леканта
Государственного университета просвещения,
академик Международной академии наук педагогического образования,
главный редактор научного журнала «Отечественная филология»*

¹ Гоголь и его взгляд на творчество – в материалах президентской библиотеки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/news/1180876> (дата обращения: 12.04.2024).

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-8-19

ФЕНОМЕН АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ГОГОЛЯ: ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ЖЕЛАЕМОМ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

Маркелова Т. В., Петрушина М. В.

АНУ ВО Институт современного искусства

121309, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27а, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Описание и обоснование стремления Гоголя к положительным оценкам в поиске положительного героя. Создание аксиологического портрета Гоголя в контексте лингвоаксиологических изысканий.

Процедура и методы. Теоретическую основу исследования составили труды по исследованию категории оценки в полипарадигмальном контексте (Е. М. Вольф, В. И. Карасик, Т. В. Маркелова); по исследованию языка Гоголя с его богатым лексическим составом (В. В. Виноградов, Б. Н. Эйхенбаум), поэтике (В. А. Воропаев); по когнитивистике (В. И. Карасик) В данном исследовании были использованы методы компонентного семантического анализа, лингвокогнитивного анализа, лингвостилистического анализа речевого полотна художественного текста в интерпретационном контексте парадигмы автор – адресант – художественный текст – читатель – адресат; прагматилистический анализ эстетического знака; интерпретационный анализ.

Результаты. Познание мира в художественном мышлении проходит через познание языка, который создаёт возможность для творческого диалога субъекта с языком, и здесь совершается в буквальном смысле открытие языка, его системы и возможностей. Таким открытием был для современников и до сих пор остаётся для нас язык «смеющегося судь», воодушевлённого жадной познания России и русского человека. Аксиологический портрет Гоголя рассмотрен как феноменальное явление русской жизни, актуальное «вчера» и «сегодня», воодушевлённое жадной положительного героя, вынужденного в анализируемом художественном пространстве удаляться от того реализма, которым его благословил его талант. Выявлены особенности оценки-фантазии, отражающей парадоксальные и абсурдистские смыслы, выходом из которых является обнаружение положительных смыслов в русском человеке и русской жизни. В качестве оценочного противопоставления описывается приём «превращения» похвального в порицательное, отрицательного в положительное, чиновник-мертвец превращается в благородного рыцаря. Демонстрируется роль прагмем в выражении двойной оценки как базиса оценки-фантазии. Несуществующее, нереальное предстаёт в оценочной ипостаси.

Теоретическая и/или практическая значимость. Опираясь на теоретические данные, оценочную классификацию и современный когнитивно-дискурсивный подход к тексту, выявлены специфические черты оценки-фантазии, показана её роль в исследовании творчества Гоголя – «заколдованного места» русской литературы, сокровищницы «бессмертного смеха», пространства ирреального в реальном. Предпринята попытка современного прочтения гоголевских предвидений.

Ключевые слова: абсурд, аксиология, ирония, оценка, парадокс, прагмема

PHENOMENON OF GOGOL'S AXIOLOGICAL PORTRAIT: CONTRADICTION BETWEEN THE DESIRED AND THE ACTUAL

T. Markelova, M. Petrushina

Institute of Modern Art

ul. Novozavodskaya 27a, Moscow 121309, Russian Federation

Abstract

Aim. To describe and justify Gogol's desire for positive assessments in the search for a positive character. To create an axiological portrait of Gogol in the context of linguistic-axiological research.

Methodology. The theoretical basis of the study was made up of works on the study of the assessment category in a multi-paradigm context (E. M. Wolf, V. I. Karasik, T. V. Markelova); on the study of Gogol's language with its rich lexical composition (V. V. Vinogradov, B. N. Eikhenbaum), poetics (V. A. Voropaev); in cognitive science (V. I. Karasik) This study used the methods of component semantic analysis, linguistic-cognitive analysis, linguistic-stylistic analysis of the speech canvas of a literary text in the interpretive context of the author-addresser – literary text – reader-addressee paradigm; pragmatic-stylistic analysis of an aesthetic sign; interpretive analysis.

Results. Knowledge of the world in artistic thinking passes through the knowledge of language, which creates the opportunity for a creative dialogue between the subject and language, and here the discovery of language, its system and its capabilities is literally accomplished. The language of the “laughing judge,” inspired by the thirst for knowledge of Russia and the Russian people, was a discovery of this kind for contemporaries and still remains for us. The axiological portrait of Gogol is considered as a phenomenon of Russian life, relevant “yesterday” and “today”, inspired by the search of a positive character forced in the analyzed artistic space to move away from the realism with which his talent blessed him. The features of assessment-fantasy are revealed, reflecting paradoxical and absurdist meanings, the way out of which is the discovery of positive meanings in Russian people and Russian life. As an evaluative contrast, the technique of “transforming” the commendable into the blameworthy, the negative into the positive, the dead bureaucrat turning into a noble knight, is described. The role of pragmemes in the expression of double evaluation as the basis of assessment-fantasy is demonstrated. The non-existent, unreal appears in an evaluative form.

Research implications. Based on theoretical data, evaluative classification and a modern cognitive-discursive approach to the text, specific features of evaluation-fantasy are identified, its role in the study of Gogol's work is shown - the “enchanted place” of Russian literature, the treasury of “immortal laughter”, the space of the unreal in the real. An attempt has been made to interpret Gogol's visions in a modern way.

Keywords: absurdity, axiology, irony, assessment, paradox, pragmeme

Введение

Новое время даёт возможности нового прочтения – интерпретации художественного текста. Его восприятие зависит от системы ценностей нового читателя, его аксиологического багажа, когнитивных возможностей интерпретатора и его дискурсивных потребностей [9; 12]. Тайна Гоголя, его смеха как разрушительного оружия, как главного героя его художественного пространства, как первого из писателей русских, который был «Провидец будущего и прошлого зарисовал настоящее, но вложил в него какую-то нам неведомую душу. И настоящее стало прообразом чего-то... Но чего?» [2, с. 308] будоражит умы лингвистов, отправляя их на поиски противоречивых оценок как ос-

новы смехового пространства и реализующих его языковых средств. Этому поиску способствует развитие лингвоаксиологии в современной филологической науке, представляющее функционально-семантического поле языковой оценки – выражение ценностного отношения субъекта к предмету речи средствами лексико-фразеологического, словообразовательного и синтаксического уровня [6].

Борьба ценностей и антиценностей, положительного и отрицательного, смешного и грустного, героического и трусливого в художественном пространстве Гоголя [4; 5] отражает поиск положительного героя, поиск победы хорошего над плохим, стремление служить Родине: «Для того, чтобы создать нечто положительное, он должен

был уходить из своей эпохи, удаляться от того реализма, которым благословили, которым проклинали его взыскательные музы таланта» [1, с. 83]. Бесконечное стремление к этому «хорошему», тяга к воплощению гражданских и нравственных идеалов, наконец, любовь к «душе нашей – Родине» – даёт новые смыслы гоголевскому смеху и раскрывает в нём оценки современного состояния России и её геополитического положения. Их ощущал Андрей Белый в его определении «видения Гоголя»: «А теперь мы стоим перед тем же видением – видением Смерти. И потому-то видение Гоголя ближе нам всего, что было сказано о нас и о родине нашей. Мы должны помнить, что покрывало смерти спадает лишь тогда, когда мы души наши очистим для великой мистерии: мистерия это – служение Родине, не только в формах, но в духе и истине. Тогда спадёт с неё саван, явится нам душа наша, родина» [2, с. 314].

«Жизненный ритм души», «экстаз души живой» – эти оценки Андрея Белого управляют на поиск особенностей слога и стиля, специфики речевого портрета писателя, который любил и стремился показать положительные смыслы, но был «обречён» смеяться: «Ведь это – великая скорбь: быть обречённым на то, чтобы смеяться» [1, с. 86]. И тогда он находит положительное в отрицательном, ищет оценки восторженные, похвальные, одобрительные, как бы «подкладывает» их в отрицательную канву художественного образа во всех его ипостасях, и невозможно иногда понять, это серьёзно похвала или видимость её. «Его положительное находится, как мы уже видели, в иной области – там, где царят яркие краски и где он оказывается способным только на гиперболу и риторичность» [1, с. 84].

В повестях «Шинель» и «Нос» Гоголь не просто использовал совмещение риторики похвалы с риторикой порицания, гиперболу восхищения с гиперболой возмущения, но и сумел на этой основе создать **необычное положительное**: наказание зла в «Шинели», затмившее трагичность смерти героя – «маленького человека», и возвращение прежнего вида майора Ковалёва:

«нос тоже как ни в чём не бывало сидел на его лице» в «Носе».

Язык стремящейся к положительно-му души Гоголя – «самой утончённой» (А. Белый) души XIX столетия – реализует этот замысел в фантазии, вымышленных событиях, избирая два сюжетнообразующих объекта – артефакт – **шинель** как символ страданий души «маленького человека» (чиновника самого низкого ранга, титулярного советника) и соматизм **нос** как символ страданий души чиновника (майора). Символический характер [17] двух вожденных предметов – желания от необходимости (выношенная шинель в Петербургский мороз и её кража) и обретения носа, потерянного при непонятных и неопределённых обстоятельствах (происшествие «скрывается туманом»), задаёт особый вектор аксиологического портрета Гоголя в этих текстах – смещение положительного и отрицательного, «преображение» реальности в фантастику, вымысел, осознаваемый читателем как реальность.

Оценка-фантазия в аксиологическом портрете Гоголя

Аксиологические смыслы превращения реального в ирреальное, отрицательного в положительное и наоборот – значимы для души писателя, искавшей идеала, то, **чего не может быть, но есть, тем не менее, на фантазийной основе**. Именно здесь вечное противоречие, раздиравшее Гоголя – между отрицательными и положительными героями, между государством и маленьким человеком, между родиной и ужасами её существования, между необходимостью чиновников в устройстве государства и подлостью их поведения, – ищет своей реализации и преподаёт читателю – «ученику», (не другу, не приятелю) «урок» в занимательной форме – языковые импульсы доброй иронии, пробивающейся через иронию злую и горькую.

Оценка-фантазия имеет свою специфику, основанную на прагматическом содержании термина. Под прагмемой понимаются предметно-оценочные слова,

оценивающие собственную предметность и опредмечивающие собственную оценочность, «свёрнутые» оценочные суждения, выражающие отношение автора к явлению, «самозначимые» слова [11]. Слово «фантазия» – «средняя» прагмема, аксиологическая природа которой основана на семеме 2 «продукт воображения, мечта» и семеме 3: «о том, что является неправдоподобным вымыслом; выдумкой». Семантические шаги – «предмет желаний», «неосуществимый», «не соответствующий истине, действительности», «чрезвычайный», «изобретательный» – отправляют на поиски языковых средств выражения оценки-фантазии и элементов гоголевского идиостиля, об общем содержании которых выразительно писал А. Белый: «... естественная плавность его слога слагается из двух неестественностей: Она слагается из тончайшей ювелирной работы над словом, и притом такой, что остаётся совершенно непонятным, как мог Гоголь, нагромождавший чудо технического искусства на чуде, так что ткань его речи – ряд технических фокусов, – как мог Гоголь именно при помощи этих фокусов выражать экстаз души живой?» [2, с. 314].

Прагмема – идеальный знак для «технических фокусов» Гоголя, так как предметное и оценочное значения в ней тесно связаны, неотделимы друг от друга, реализуют смыслы оценочного слова-предложения, а положительное или отрицательное значение знака специфически совмещено с его прагматической функцией, основывается на ней и несёт в себе поэтому «двойную» оценочность. В категориальном смысле – это одновременность отношения к предмету, обозначенному словом, и отношения субъекта речи к слову.

Прежде чем обратиться к поискам «технических фокусов» и построить аксиологические модели повестей как основу аксиологического портрета Гоголя, определим оценку как основу языкового творчества, понимая под ней «функционально-семантическую категорию, реализуемую в речевой деятельности системой разноразрядных речевых средств» и выра-

жающую ценностное отношение оценивающего субъекта к объекту с позиций разных видов оценки – сенсорной, интеллектуальной, утилитарной, эстетической, моральной. Особую роль в формировании аксиологического портрета художника слова как языковой личности играет взаимодействие в категории оценки трёх элементов: динамика коммуникативных намерений в их градации: одобрение – похвала – восхищение // неодобрение – порицание – возмущение; динамика шкалы оценок: хорошо – довольно хорошо – очень хорошо // плохо – довольно плохо – очень плохо; динамика наполнения эмоций: удовольствие – радость – восторг // неудовольствие – презрение – пренебрежение – уничтожение – возмущение – гнев [10, с. 150].

Для языковой личности **оценка**, имея когнитивно-дискурсивную [12] природу языкового знака, с одной стороны, является первоисточником эмоций смеха-плача языковой личности (М. М. Бахтин, Е. М. Вольф, Г. Г. Слышкин, В. И. Карасик и др.), с другой, категория оценки выступает в роли некоего ориентира в жизни общества, что очень важно для Гоголя. Аксиологизм человеческих эмоций – в нашем случае – смеха и плача – детерминирует национальную дифференциацию комического: «Можно сказать, что французский смех отличается изяществом и остроумием (Анатоль Франс), немецкий – некоторой тяжеловесностью (комедии Гауптмана), английский – иногда добродушной, иногда едкой насмешкой (Диккенс, Бернард Шоу), русский – горечью и сарказмом (Гоголь, Салтыков-Щедрин)» [16, с. 18].

Любая разновидность смеха, в том числе смех горький и саркастический, представляет возможность диалога между его субъектом и внешним миром, направленную на возможность исправления мира. Смеховое начало аксиологической эстетики Гоголя, несмотря на многочисленные работы по его языку и стилю (В. В. Виноградов [4; 5], Б. Эйхенбаум [18], А. Белый [3] и мн. др.), не позволяет полностью раскрыть тайну связи эмоции – негативной и позитивной –

с оценочным сознанием автора, его попытки найти положительное в отрицательном и отрицательное в положительном. М. М. Бахтин предупреждал, что эстетике ещё только предстоит проникнуть в глубины мудрого смехового начала, правящего наиболее яркими художественными мирами (с их языковым пространством) в искусстве всех веков [2].

Элементами аксиологического портрета писателя в очерченном нами художественном пространстве повестей «Шинель» и «Нос» являются выделенные нами (перечень может быть продолжен):

- «основные приёмы сказа» и «система их сцепления», по Б. Эйхенбауму;
- языковая фантазийность содержания и формы повествования;
- противопоставленность языковых оценок в образах Башмачкина и «значительного лица».

Лингвоаксиологический анализ

Спецификой аксиологического устройства повествования в «Шинели» является то, что рассказчик-автор говорит как бы «изнутри» описываемого лица, объекта оценки. Большая часть повествования – внутренние ощущения героев, что особенно важно для структурно-семантического анализа оценочных средств – прагматической и коннотативной лексики в её узуальном иokkaзиональном аспектах. Экспрессия этих ощущений идеально передана Б. Эйхенбаумом: «Настоящая динамика, а тем самым и композиция его вещей – в построении сказа, в игре языка. Его действующие лица – окаменевшие позы. Над ними в виде режиссёра и настоящего героя (см. у нас – «изнутри» описываемого лица. – Т. М., М. П.), царит веселящийся и играющий дух самого художника» [18, с. 33]. Исследователь подчёркивает «чистый комический сказ», с приёмами языковой игры и патетической декламацией.

Выступая как языковая личность – субъект оценки – творец текста, Гоголь избирает форму скрытого каламбура в содержании и форме текста повести «Шинель».

«БезОбразные», неоценочные (и без лексического значения) указательные местоимения с помощью повтора выстраиваются в характеристику комического постоянства Башмачкина: *его видели все на одном и том же месте, в том же положении, на той же должности, тем же чиновником для письма¹, восходящего к гротеску порока в его неизменности: *родился на свет... в вицмундире и с лысиной на голове²; ироническая оценка безграничной покорности демонстрируется с помощью отрицательной лексики «молчания» и «невосприимчивости»: *ни одного слова не отвечал, как будто никого и не было перед ним, он не делал ни одной ошибки в письме³; субъективная модальность невозможности реализована в выборе имени «без выбора» *совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно⁴; рефрен мягкого побуждения, «скрытой» повелительности «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?»⁵ обусловлен этимологической игрой и звукописью собственного имени Акакий Акакиевич (греч. – незлобивый, беззлобный, невинный). Вымысел как составляющий элемент оценки-фантазии в полной мере сопровождает проанализированные черты сказа.****

С помощью прагматической сферы оценочной лексики Гоголь раскрывает и социальный феномен Петербурга, играющий особую роль в оценке-фантазии. В первых строках «Шинели» автор повествования обобщает будничную реальность «составляющих» петербургской чиновничьей жизни, обрамляя её в раму из «сильных» отрицательных прагмем-предикатов – *ничего нет сердитее* – в сочетании с усиленной выделительно-определяющей семантикой местоименного выражения *всякого рода – департаментов, полков, канцелярий... должностных сословий; где всякий* – не только «каждый», «всевозмож-

¹ Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 143.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 144.

ный», но и «неавторитетный»¹; развивая неопределённость имени числительного в функции местоимения – *в одном департаменте служил, один чиновник*²; доводя обезличенность чиновничьей среды до петербургской мифологии, говоря от обобщённого имени: *всякий частный человек считает в своём лице оскорблённым всё общество...* Семантика обиды, гнева, унижения, реализуемая прагматемами *сердитее* и *оскорбленным*, в самом начале текста подготавливает читателя к восприятию **всезаставия социальной среды**.

Высока роль местоимённых слов, относящихся в русской лингвистической традиции к числу субъективно-объективных категорий, в формировании аксиологического портрета Гоголя. В роли «технического фокуса» сказа они отражают характеристики, данные А. М. Пешковым: «Местоимения представляют собой такую единственную в языке и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни) ... обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чём он мыслит», представляют собой «форму на форме», выражают понятия «яйности» и «самости» [15, с. 154] «...местоименность врезывается в синтаксический строй языка» [15, с. 158] и помогает Гоголю применять технические приёмы создания сказа и выражения оценки-фантазии.

В текстовом пространстве «Носа» абсурдность фантазмагии подчёркивается лексемой *туман*, завершающей первую часть рассказа о *странном* происшествии в Петербурге, которое *совершенно закрывается туманом*³, и второй части, повествующей о поисках *носа* его владельцем и отдельного от человека существования

носа – прогулки по Невскому проспекту, визиты и так далее: *...но здесь вновь всё происходит в скрывающемся туманом*⁴. Гоголь использует не только главное значение этой «слабой» прагмемы – «непрозрачный воздух», «водяные пары», но и оценочную коннотацию – «о состоянии неясности, смешанности мыслей представлений»⁵. Именно эти смыслы делают незаметной подмену человека «чином» – *нос* не просто стал человеком, но чиновником пятого класса «в шитом золотом мундире». Его – *нос* – видят не как часть лица, а как «штатского генерала».

Способность людей представлять суть человека только как чин и должность, и видеть в нём только их, а не реальное лицо – личность, доводится Гоголем до фантазмагорического абсурда – они не узнают ряженого, а сам *нос* «переживает» превращение в человека-чин.

Гоголь во всей полноте деталей и тесноте лексического ряда рисует абсурдное состояние дел, характеризующее «как отсутствие смысла» там, где смысл должен быть» [8, с. 40], используя «прагматический модус» абсурда, представляющий событие или поступок в иррациональной интерпретации [8, с. 40]. Совмещение реального *носа* майора Ковалёва (с прыщиком), отделившегося от тела, при этом запечённого в хлебе, завёрнутого в бумажку, и *носа* социально обобщённого и художественно изображённого, «явления неизъяснимого» (*господин в мундире ... на нём были замшевые панталонь; при боку шпага*⁶) порождает «технический фокус», который определяет фантастику в «Носе» как вездесущую и одновременно не существующую тайну, абсурдность, иррациональность, неотличимость бреда от реальности, «двуликость» *носа*.

Здесь реализуется «двойственный» характер оценки-фантазии, которая аффек-

¹ Всякий // Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. С. 162.

² Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 141.

³ Гоголь Н. В. Нос // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 52.

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Туман // Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. С. 816.

⁶ Гоголь Н. В. Нос // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 55.

тивнее обычной качественной оценки – гротеск-гипербола, построенная на абсурде, доходит в ней до парадокса, демонстрирует патологию человеческого духа в процессе восприятия действительности, в которой он находится: «Смех-немезида, смех, как выражение укоризны и совести, является одной из отличительных особенностей Гоголя, великого обвинителя, он небратски, невеликодушно подмечает скрытую вину, “комический задор” всякого и каждое встречное существо поворачивает к себе его смешной стороной» [1, с. 82]. Смех оценки-фантазии вызван миром, вывернутым наизнанку: *прогуливающийся ровно в три часа по Невскому проспекту*¹ нос коллежского асессора Ковалёва воспринимается то как «редкий феномен» и «назидателен для юношей», то порождает серьёзное недовольство «почтенных и благонамеренных людей».

Похвала порицаемого, одобрение неодобрительного вызывает особый комизм – комизм несообразности, абсурдности, непостижимости логикой мышления, который в повествовании квалифицируется как *чепуха совершенная, неправдоподобие, сверхъестественное, вздор, несообразность, непонимание*. Эта парадигма отрицательных оценок-прагмем объединяется в лексико-семантическое поле с нейтральным именем **странный**, которым Гоголь начинает повествование и «закольцовывает» его – *точно странно сверхъестественное отделение носа и появление его в разных местах в виде статского советника; но что страннее, что непонятнее всего, – это то, как авторы могут брать подобные сюжеты*². В этом слове и его лексико-семантическом поле заложена борьба двух значений: «отклоняющийся от нормы или в силу необычности и непривычности, или в силу нелогичности, непонятности или необъяснимости того или иного явления действительности» и имплицитное отношение субъекта оценочного суждения,

порождающее сему усиленного неприятия (автор порицает себя самого) события, ибо от него: *нет пользы отечеству (во-первых и дважды – во-вторых)*. «Сильные» отрицательные прагмемы *неприлично, неловко, нехорошо* оценивают происшествие в его абсурдности – объявление о пропаже носа, его прогулки по проспектам и др.

Но парадоксальность оценки-фантазии заключается в отношении Гоголя к обретению майором Ковалёвым вожделенного – утерянного *носа*, в **возвращении к реальности без правдоподобия**. Одобрительные оценки, («хорошо»), постоянное подтверждение бытия («есть нос», «сидит на своём месте»), пребывание Ковалёва «в хорошем юморе», даже комическое олицетворение объекта оценки – *нос тоже как ни в чём не бывало сидел на его лице* свидетельствуют об обретении положительного смысла события: абсурдный смех переходит в комическое отношение, пронизанное иронией. Повтор фразеологизма *как ни в чём не бывало* придаёт особую краску аксиологическому портрету писателя, ибо его семантика – «вовсе не замечая того, что произошло», «как будто бы ничего не случилось» – возвращает к поиску «хорошего», к удалению от «плохой» реальности в область не существующего. Об этом свидетельствуют именно языковые факты, не только «разрушающие» смехом, но и «созидающие» им: «Я не могу перечислить здесь и сотой части всех тех сознательных ухищрений, к которым прибегает стилистика Гоголя. Знаю только одно: в стилистике этой отражается самая утончённая душа XIX столетия, нечеловеческие муки Гоголя отразились в нечеловеческих образах; а образы эти вызвали в творчестве Гоголя нечеловеческую работу над формой» [3, с. 308].

Концепт «ДУША» и его реализация в аксиологическом портрете. В поиске положительного

Сложнейший концепт – «душа Гоголя» – реализуется «душами» его героев в их языковой оценке. На всем протяжении худо-

¹ Гоголь Н. В. Нос // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 88.

² Там же. С. 92.

жественного творчества писателя – это живые и мёртвые души, черти и двойники, в нашем исследовании аксиологического пространства повестей «Шинель» и «Нос» – это душа «маленького» человека, чиновника, сначала обрётшего, а потом потерявшего от злых сил вождельный предмет – шинель, не только спасение от мороза Петербургской зимы, но и смысл всей жизни и душа чиновника, утратившего в абсурдных обстоятельствах нос – «орган обоняния, находящийся на лице человека»¹.

Аксиологические портреты этих душ при всём комизме их изображения отражают парадокс оценки-фантазии: «маленькая» личность вырастает в «большую» – мстителя за всех униженных и обиженных насильственными действиями – мертвеца в виде чиновника, который под видом стащенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели... Душа Башмачкина, наказывающая всех без разбору, обидчиков во всяких шинелях – на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи² добралась и до противопоставленной ей Гоголем души значительного лица, который «чуть не умер». Высокая оценка фантастического мстителя, построенная на парадоксе «похвалы порицаемого», создаётся рядом языковых приёмов, «обрамляющих» аксиологический портрет Башмачкина, настраивающих читателя на положительное восприятие героя при всём комизме его изображения. В этом портрете в «вечной» антитезе живёт «хорошее и плохое».

«Хорошее», одобрительное реализуется писателем с помощью «сильных» положительных прагмем-предикатов: служил с любовью, наслаждением, умел быть довольным своим жребием, питался духовно, нося в мыслях вечную идею будущей шинели. Языковой приём олицетворения шинели как «приятной подруги жизни» и характеристики её

как предмета внутреннего удовольствия с оценочной характеристикой «одно то, что тепло, а другое, что хорошо» оказывается в руках Гоголя-стилиста «мостиком» для оценочного «преобразования» героя: из человека «зацикленного» на переписывании, неуверенного в себе, не замечавшего, «что происходит всякий день на улице», он *сделался как-то живее, даже твёрже характером, как человек, который... поставил себе цель; С лица и поступков исчезло само собою сомнение, нерешительность – словом, все колеблющиеся и неопределённые черты*³. Комические черты рождения, поиска имени, «арбузные и дынные корки!» на шляпе, еда «с мухами» и многое другое превращаются в добрую иронию с помощью палитры «сильных» прагмем, объединённых семантикой изменений в лучшую сторону, приводят Башмачкина сначала к весёлому расположению духа от похвалы шинели, а затем – к трагедии её утраты и бесконечным мучительным поискам, приведшим к смерти человека, предпринявшего смелую попытку достичь цели. В этом весь трагизм писателя, наблюдающего, как «весёлое стало печальным» [1, с. 77], ревниво подмечающего всё «гадкое, жадное, стыдное» [1, с. 78].

В центре трагедии отрицательного, которая описывает поиск украденной шинели, встаёт значительное лицо, изображённое Гоголем с высокой силой сатирической оценки и реализующее антитезу «маленький» – «значительный», «титularный чиновник» – «генеральский чин». Его аксиологический портрет гениально вписан писателем в раму из двух «сильных» прагмем – окказиональной и узуальной – по отношению к герою повести: как много в человеке бесчеловечья, ...свирепой грубости⁴ (в начале повести) и ограблен бесчеловечным образом⁵ – в конце (бесчеловечный – «очень жестокий, безжалостный»⁶).

¹ Нос // Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. С. 422.

² Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 169.

³ Там же. С. 155.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Там же. С. 166.

⁶ Бесчеловечный // Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. С. 47.

Горький смех и позиция в гоголевской «художественной кунсткамере» [1, с. 86] построены на лексической парадигме, в которой сигматическое значение [13] отражает внутренние противоречия личности, изуродованной петербургской чиновничьей мифологией, «электричеством чина»: *почитался незначительным лицом – значительное лицо – одно значительное лицо – ещё более значительнейшее*. Семантика «важности», входящая в семантическую структуру «слабой» прагмемы «значительный»¹, актуализируется как подтекст осуждающего смеха-оценки, с помощью приёма обезличенности – у значительного лица нет ни имени, ни фамилии, и курсив несёт в себе также осуждающий смысл. Включается в текст и приём оценочного «превращения» похвального (реализуемого положительными «сильными» прагмемами) в порицаемое: *он был в душе добрый человек, хороши с товарищами, человек очень порядочный, даже не глупый человек*². Причина отрицательных преобразований весьма характерна для русского человека: *получивши генеральский чин, сбился с пути; приобрёл черты «кунсткамеры» – грозный вид, строгость с низшими, громкий голос, показную строгость (в стилистике оценочных предикатов) и так далее, сурово осуждаемые писателем как субъектом оценки*.

Конфликт как причина смерти «маленького человека» из-за страха от «распекания» *значительным лицом* отражает то качество в аксиологическом портрете писателя, что «Художественное бессилие в области серьёзного Гоголь переживал как драму – оно было для него религиозным страданием. Но оно же было для него и эстетической обидой, потому что в создании положительного он имел не только нравственную потребность. ...его ужаснули его собственные детища» [1, с. 77].

«Социальное христианство» предусматривало идеал братства между людьми, независимо от их социальной принадлежности, и Гоголь вдохновлялся этой идеей в текстах «Шинели» и «Носа» [7, с. 138].

Оценочные смыслы фрагментов болезни и смерти Акакия Акакиевича представлены языковыми средствами, выражающими горькую иронию модальности неодобрения: «Свою негативную оценку Гоголь высказывает опосредованно, делая рупором своих взглядов осуждаемых им же персонажей, как бы в насмешку вкладывая им в уста свои мысли, своё отношение, но не свои чувства, которые остаются глубоко спрятанными» [14, с. 63]. Одно из ярких средств – скопление глаголов с семантикой состояния страха, сильного испуга: *обмер, пошатнулся, затрясся, его ...вынесли почти без движения – всей палитры чувств, вызванных значительным лицом, упоенным мыслью, что его слово может лишить даже чувств человека*. «Превращение» «большого» чина в причину смерти «маленького» описано со всей реалистичностью и натуралистическими подробностями болезни, в которой значительному лицу помог ещё и петербургский ветер. Разговорная лексика болезни *надуло в горло жабу, весь распух, слёг в постель, нахотился в бреду и в жару...* вступает в отрицательный оценочный ансамбль с речью доктора: *через полтора суток непремный капут, закажите теперь же сосновый гроб...*³

Внутренняя сила драматической оценки создаётся кульминацией горькой иронии, где условием «плохого» выступает языковая семантика «хорошего»: *Благодаря великодушному вспомоществованию петербургского климата болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать*⁴, а нейтральное «похоронили» вступает в противоречие с высоким стилем фразеологизма «испустил дух». Апофеоз «ужаса от собственных детищ» выражается у Гоголя внутренней экспрессией «двойного» отрицания, доводящего оценочное суждение до смысла

¹ Гоголь Н. В. Значительный // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 232.

² Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 165.

³ Там же. С. 168.

⁴ Там же. С. 167.

«небытия» как религиозного страдания: перевод реального в ирреальное, горемычной жизни бедного человека – в несуществование. Операторами «двойного» отрицания выступают отрицательные частицы, местоимения, наречия, прагмема «существо», в семантике которой не различаются человек и животное – «живая особь»¹, отрицаемые эпитеты и «злое» сравнение с обыкновенной мухой, и, наконец, Петербург как один из героев повести «Шинель» и одна из причин одиночества главного героя: *И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нём его никогда и не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищённое, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимание и естество наблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть её в микроскоп; существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшего в могилу...*²

Этот образ нереального, небытия подтверждается особенностями речи Башмачкина – она переполнена «бесформенными» [15] словечками – предложениями, наречиями, частицами, лексемами без лексического значения, с высокой степенью грамматического обобщения: *это, право, совершенно того, так вот как! наконец вот что вышло* и т. д. Речь его пуста от мысли, вероятно, изысканный стилист Гоголь обуславливает этим реальность «небытия» маленького человека, исчезновения его даже из мысли «окружающего мира».

Но «светлый гость» – шинель – и принесённое этим гостем несчастье – не дают Гоголю остаться в пространстве всемирного зла, и аксиологическая природа его художественной личности, его индивидуальное стремление передать любовь через

отрицание и выразить хорошее в плохом, показать добрую иронию в злой находит себя в оценке-фантазии, несущей смысл конца-наказания, конца-перевоспитания чиновника. Цель писателя – создать образ-символ «хорошего» конца достигается приёмом «превращения» реального в ирреальное, смерти в жизнь, *чиновника-мертвеца в фантастического мстителя, судьбу с его языковыми оценками.*

Заключение

Применяя в качестве компонентного семантического анализа когнитивную природу языкового знака, можно проникнуть в тайну писателя-судьбы, писателя-ценителя, писателя-критика, найти такую оценку, с помощью которой он пытался достичь желаемого – найти положительный образ и лежащие в его основе положительные чувства.

Когнитивно-дискурсивные возможности читателя-адресата обнаруживают гоголевскую душу в страстном желании положительной оценки в текстовом полотне «Шинели» и «Носа». Это многоцветная палитра оценки-фантазии с её прагматическим и комическим абсурдом, с «техникой фокуса» для открытия «самой утончённой» (А. Белый) души XIX столетия – рисует вымысел как реальное, в котором два сюжетобразующих объекта – артефакт – *шинель* как символ страданий души «маленького человека» (чиновника самого низкого ранга, титулярного советника) и соматизм *нос* как символ страданий души чиновника (майора) – становятся выражением желаемого положительного, которое так важно в аксиологическом портрете Гоголя с точки зрения современного читателя, осознающего фантастическое как реальное. «Быть может, Ницше и Гоголь – величайшие стилисты всего европейского искусства, если под стилем разумеешь не слог только, а отражение в форме жизненного ритма души» [2, с. 308].

Статья поступила в редакцию 01.03.2024.

¹ Существо // Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. С. 782.

² Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 169.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М.: Республика. 1994. 591 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. 478 с.
4. Виноградов В. В. Гоголь как культурно-психологическое и народно-языковое явление // Памяти академика В. В. Виноградова: сборник статей. М.: Московский университет, 1971. С. 13–22.
5. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1934. 287 с.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки (на материале португальского языка). М.: Едиториал УРСС, 2006. 278 с.
7. Воропаев В. А. Мирозерцание и поэтика Н. В. Гоголя в критике Русской эмиграции (1921–2018) // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 4. С. 138–163.
8. Карасик В. И. Коммуникативные характеристики абсурда // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 40–49.
9. Карасик В. И. Языковая лестница познания. М.: Государственный институт русского языка, 2022. 462 с.
10. Маркелова Т. В. Знак-прагмема как семиотическая доминанта аксиологического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 581–592.
11. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М.: Институт современного искусства, 2019. 232 с.
12. Мякшева О. В. Лингвистический анализ художественного текста как ключ к его осмыслению: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 704–718.
13. Новиков Л. А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: Российский университет дружбы народов, 2001. 842 с.
14. Петрушина М. В. Выражение модальности неодобрения в художественной речи Н. В. Гоголя // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2009. № 4. С. 63–71.
15. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 154 с.
16. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 183 с.
17. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia. 2000. 128 с.
18. Эйхенбаум Б. М. Литература: Теория. Критика. Полемика. Л.: Прибой, 1927. 300 с.

REFERENCES

1. Aikhenvald Yu. *Siluety russkikh pisatelej* [Silhouettes of Russian writers]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 591 p.
2. Bahtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iscusstvo Publ., 1979. 423 p.
3. Bely A. *Kritika. Estetika. Teoriya simbolizma. T. 1* [Criticism. Aesthetics. Theory of Symbolism. Vol. 1]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. 478 p.
4. Vinogradov V. V. [Gogol as a Cultural-Psychological and Folk-Linguistic Phenomenon]. In: *Pamyati akademika V. V. Vinogradova* [In memory of academician V. V. Vinogradov]. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 1971, pp. 13–22.
5. Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–19th centuries]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izd-vo Publ., 1934. 287 p.
6. Volf E. M. *Funkcional'naya semantika ocenki (na materiale portugal'skogo yazyka)* [Functional Semantics of Assessment (Based on the Material of the Portuguese Language)]. Moscow, Editorial URSS, 2006. 278 p.
7. Voropaev V. A. [Nikolai Gogol's Worldviews and Poetics in the Literary Criticism of the Russian Emigration (1921–2018)]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 4, pp. 138–163.
8. Karasik V. I. [Communicative Features of Absurdity]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19:*

- Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication], 2021, no. 2, pp. 40–49.
9. Karasik V. I. *Yazykovaya lestnica poznaniya* [Language Ladder of Cognition]. Moscow, Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka Publ., 2022. 462 p.
 10. Markelova T. V. [Sign-Pragmem as a Semiotic Dominant of the Axiological Field]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2019, vol. 10, no. 3, pp. 581–592.
 11. Markelova T. V., Petrushina M. V. *Ocenochnye vyskazyvaniya v kommunikativnom prostranstve russkogo yazyka* [Evaluative Statements in the Communicative Space of the Russian Language]. Moscow, Institut sovremennogo iskusstva Publ., 2019. 232 p.
 12. Myaksheva O. V. [Linguistic Analysis of a Literary Text as the Key to Its Comprehension: Cognitive and Discursive Aspect]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2023, vol. 14, no. 3, pp. 704–718.
 13. Novikov L. A. *Izbrannye trudy. Tom II. Esteticheskie aspekty yazyka. Miscellanea* [Selected works. Volume II. Aesthetic Aspects of Language. Miscellanea]. Moscow, Rossijskij universitet druzhby narodov Publ., 2001. 842 p.
 14. Petrushina M. V. [Expression of the Modality of Disapproval in the Artistic Speech of N. V. Gogol]. In: *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela* [News of Higher Educational Institutions. Problems of Printing and Publishing], 2009, no. 4, pp. 63–71.
 15. Peshkovsky A. M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow, Uchpedgis Publ., 1956. 154 p.
 16. Propp V. Ya. *Problemy komizma i smekha* [Problems of Comedy and Laughter]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 183 p.
 17. Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse* [From Text to Symbol: Linguocultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse]. Moscow, Academia Publ., 2000. 128 p.
 18. Eikhenbaum B. M. *Literatura: Teoriya. Kritika. Polemika* [Literature: Theory. Criticism. Controversy]. Leningrad, Priboi Publ., 1927. 300 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркелова Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, первый проректор-проректор по учебной работе, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций АНО ВО Института современного искусства;
e-mail: tvmarkelova@mail.ru

Петрушина Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций АНО ВО Института современного искусства;
e-mail: mpetrushina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana V. Markelova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., First Vice-Rector-Vice-Rector for Academic Affairs, Professor of the Department of Journalism and Mass Communications, Institute of Modern Art;
e-mail: tvmarkelova@mail.ru

Maria V. Petrushina – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Institute of Modern Art;
e-mail: mpetrushina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Феномен аксиологического портрета Гоголя: противоречие между желаемым и действительным // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 8–19.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-8-19

FOR CITATION

Markelova T. V., Petrushina M. V. Phenomenon of Gogol's Axiological Portrait: Contradiction between the Desired and the Actual. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2, pp. 8–19.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-8-19

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-20-28

ПОГРАНИЧНЫЙ ХРОНОТОП В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н. В. ГОГОЛЯ И «РАССКАЗАХ ЛЯО ЧЖАЯ О НЕОБЫЧАЙНОМ» ПУ СУНЛИНА

Сунь Вэньцзюнь

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1, Китайская Народная Республика

Аннотация

Цель. Выявить смысловую общность пограничного хронотопа в сборнике Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и сборнике новелл Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжая о необычайном».

Процедура и методы. В работе проводится последовательный анализ пограничных хронотопов в прозе Гоголя и Пу Сунлина на предмет обнаружения общих мотивов и их последующего сопоставительного изучения и интерпретации. Основными методами исследования стали анализ и последующий синтез и сравнительный метод в литературоведении.

Результаты. Анализируя разнообразные пограничные хронотопы, характерные для фантастических произведений Гоголя и Пу Сунлина (время: вечер, ночь, праздник; локус: дом, кабинет, окно, дорога, пространство сна и др.), можно прийти к выводу, что у указанных авторов промежуточная точка пространственно-временного существования может быть истолкована как особая сфера, где герой вступает в контакт с иноприродными персонажами в напряжённый момент своей жизни и остаётся живым и целым или погибает в зависимости от принятых им нравственных решений.

Теоретическая и/или практическая значимость работы заключается в том, что её результаты позволяют прояснить своеобразие присутствия фантастических образов потустороннего мира в творчестве Гоголя и Пу Сунлина; результаты исследования могут быть использованы как при изучении творчества Гоголя в китайской аудитории, так и для разработки образовательного курса по сравнительному изучению русской и китайской литературы.

Ключевые слова: пограничный хронотоп, сравнительное литературоведение, фантастика, Н. В. Гоголь, Пу Сунлин

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке стипендии Правительства Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

THE BORDERLINE CHRONOTOPE IN NIKOLAI GOGOL'S "EVENINGS ON A FARM NEAR DIKANKA" AND PU SONGLING'S "STRANGE TALES FROM A CHINESE STUDIO"

Sun Wenjun

Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Shenzhen MSU-BIT University

Guojidaxueyuan 1, Shenzhen, 518172, People's Republic of China

Abstract

Aim. The aim of the work is to identify the semantic commonality of the borderline chronotope in the early prose of Gogol and the collection of short stories by Pu Songling.

Methodology. The work undertakes a consistent and comprehensive analysis of border chronotopes in the prose of Gogol and Pu Songling to identify common motifs and their subsequent comparative study and interpretation. The main research methods were analysis and subsequent synthesis and the comparative method in literary criticism.

Results. Analyzing various borderline chronotopes characteristic of Gogol's and Pu Songling's fantasy works (time: evening, night, holiday; locus: house, study, window, road, dream, etc.), we can come to the conclusion that the intermediate point of spatial-temporal existence can be interpreted as a special sphere where the hero comes into contact with alien characters at a tense moment in his life and remains alive and whole or perishes – depending on the moral decisions he has made.

Research Implications. The significance of the work lies in the fact that its results make it possible to clarify the originality of the presence of fantastic images of the other world in the works of Gogol and Pu Songling; the results of the study can be used both when studying Gogol's work in a Chinese audience, and for developing an educational course on comparative study of Russian and Chinese literature.

Keywords: borderline chronotope, comparative literature, fantasy, N. Gogol, Pu Songling

Acknowledgments: The study was supported by Shenzhen Municipal Government and Shenzhen MSU-BIT University.

Введение

Анализ творчества выдающегося русского писателя Н. В. Гоголя (1809–1852) и знаменитого китайского прозаика Пу Сунлина (1640–1715) имеет давнюю историю в соответствующих литературных средах. Произведения Гоголя стали предметом серьёзного научного описания в конце XIX в. – например, в работах В. И. Шенрока и Н. С. Тихонравова. Рассмотрение Гоголя как явления мировой литературы, первые полноценные компаративные исследования гоголевских повестей относятся к началу XX в. В последние десятилетия такая работа ведётся особенно активно [7]. Новеллистика Пу Сунлина изучалась в Китае ещё при династии Цин (XVII–XX вв.) в трудах известных учёных Фэн Чжэньлуаня (кит. 冯镇峦), Дань Минлуня (кит. 但名伦) и Цзи Сяоляня (кит. 纪晓岚). Сравнительный анализ поэтики Гоголя и Пу Сунлина предоставляет возможность более глубоко изучить их своеобразие и уникальность особенно в свете возрастающего взаимного интереса культур России и Китая в последние десятилетия, что делает типологическое изучение фантастической

прозы указанных писателей чрезвычайно актуальным.

Современное типологическое исследование литературы предполагает значительную активность сознания исследователя, способного благодаря логике и эрудиции проводить рациональные и методологически обоснованные сопоставления текстов, принадлежащих различным культурам [14, р. 303–305]. Сравнение как таковое уходит своими корнями в классическую греческую философию (см. суждение Аристотеля в «Метафизике» [1, с. 360–367]), считающую его неотъемлемой и необходимой характеристикой человеческого мышления [15, р. 35–43]. В своей монографии Е. М. Болдырева выделяет три основных вида параллелей между российской и китайской литературой: установление генетических связей и поиски творческих соответствий между русскими и китайскими авторами; обнаружение схожих мотивов в контексте типологических связей и изучение роли вечных и «странствующих» сюжетов и образов в русской и китайской литературе [3, с. 11–14]. Последние два подхода могут быть использованы для сопоставительного изучения

произведений указанных нами авторов. Так, при анализе «прозаического цикла» (по определению А. С. Янушкевича [13, с. 100]) «Вечера на хуторе близ Диканьки» и сборника «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» можно обнаружить значительное число типологических параллелей. Например, в произведениях анализируемых писателей обнаруживается схожая типология литературных героев (молодые мужчины, вступающие в контакт со сверхъестественными силами; красивые девушки, воплощающие в себе обольстительность иноприродных сил; животные, являющиеся символом присутствия «тёмного» мира и т. п.) и множество схожих сюжетов (например, в рассказах Гоголя и Пу Сунлина часто описывается происходящий ночью переход в параллельную реальность, гибельное соблазнение героя «тёмными» силами и преступление, совершённое из-за отхода от религиозного закона). Более того, оба писателя были мастерами, которые обладали особым мистическим видением реальности. Наконец, их творчество затрагивает религиозное (в частности, религиозно-этические) измерение. По словам И. А. Виноградова, гоголевская «сказка» является нравственным уроком о самой истине [4, с. 220]. Фэн Чжэньлуань считал, что Пу Сунлин известен своими новеллами, которые содержат глубокие философские и религиозно-моральные мысли [16, с. 315]. Все вышеперечисленные составляющие позволяют провести сравнительный анализ двух авторов в контексте трактовки мифологических, фантастических мотивов, мотивов, связанных с народной демонологией в их творчестве.

Термин «хротопоп», по определению М. М. Бахтина, обозначает «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2, с. 220]. Ю. М. Лотман в своей работе о семиосфере выделяет дихотомию культурных разделений, где всякие культуры начинаются с разделения мира на «внутреннее» (своё) и «внешнее» (чужое) пространство. Интересно отме-

тить, что несвязанные цивилизации могут иметь совпадающие выражения для описания мира по ту сторону границы [10, с. 191]. Последнее и даёт нам новый ориентир для типологического изучения творчества Гоголя и Пу Сунлина.

Пограничное бытовое время

Важным пространственно-временным аспектом в ранней прозе Гоголя и новеллах Пу Сунлина является пограничное время – период, когда герой имеет возможность взаимодействовать с загробным миром или проникать в него.

Вечер / ночь. Ноктюрнальная поэтика Гоголя и Пу Сунлина имеет немало общих черт – вечер является не только промежуточной сферой между «своим» и «чужим» миром, но и временем расцвета сверхъестественных сил [9, с. 47]. Для Гоголя в этом заключается народно-поэтическое мышление украинского народа, который выступает на страницах «Вечеров на хуторе близ Диканьки» [6, с. 69].

Ночь в древней китайской беллетристике, в частности *вэньяньсяошо* (кит. 文言小说) (новеллы с динамичным фантастическим сюжетом на старом литературном языке *вэньянь*), является уникальным символом. По мнению современного литературоведа Хуан Линь, «во многих фантастических рассказах династий Мин и Цин действие происходит ночью, и это время окутывает читателя таинственностью и страхом» [18, с. 148]. Соответствующие выражения можно обнаружить в ноктюрнальной поэтике «Ляо Чжая», который включает в себя *ночь, полночь, закат, рассвет, восход солнца на востоке* и т. д; и как дополнение к семантическому комплексу границы здесь также присутствуют образы *свечи, огня и света* и т. п. Исходя из даосских и буддийских учений о сверхъестественных силах, солнце обладает атрибутом *ян* (кит. 阳), в то время как луна является воплощением *инь* (кит. 阴). Инфернальные существа, по народным поверьям, состоят из злой энергии мира, которая накапливается энергией *инь*. Они

не могут сопротивляться земной энергии *ян* при свете дня и осмеливаются выйти наружу только ночью, когда энергия *инь* становится более активной и способна нанести вред. Например, в рассказах «Козни покойницы» (кит. 《尸变》) и «Горное чудовище» (кит. 《山怪》) персонажи из подземного мира используют мрачную атмосферу ночи, чтобы причинить вред главному герою. В других рассказах вечер утрачивает свою мистическую и устрашающую силу и становится поэтичным и романтическим временем. Ночь создаёт благоприятную картину для встречи учёного с обаятельными женскими персонажами из потустороннего мира. Например, в новеллах «Четвёртая Ху» (кит. 《胡四姐》) студент Шан встретил красивых добросердечных лисиц-оборотней и вступил с ними в любовные отношения.

Когда речь идёт о названии гоголевского сборника, то обнаруживаются два значимых компонента: единство пространства и времени повествования. Романтическая ориентация – «вечера» или «ночи» и более локализованное пространственное указание с малороссийским колоритом – «Диканьский хутор». Но поэтика ноктюрнальности является здесь ещё более многомерной: она включает в себя время повествователя, время событий (у Пу Сунлина) и жанровую форму, которая продолжает традицию романтизма в европейской и русской литературе.

Итак, фантастический цикл Гоголя отличается своим заглавием и событиями – время действия в повестях происходит вечером и ночью. У пасечника Рудого Панько проходят вечера («вечерницы»), сопровождаемые огнями, смехом, звуками балалайки и скрипки. Именно вечер и ночь стали подходящим временем для рассказывания страшных историй и приближения хуторян к иномирной реальности.

Вечер и ночь являются основным временем событий в цикле «Вечеров» и в сборнике «Ляо Чжай». Дед Фомы Григорьевича в «Заколдованном месте», как «только стало смеркаться в поле», оказывается в

сатанинском пекле¹; в «Страшной мести» Данила отправляется в замок колдуна в вечернее время, Катерина отпускает отца тоже вечером. Неслучайно также, что договор Грицько с цыганом заключается на закате. Кроме того, вечер снимает запрет на встречу влюблённых. Так, в «Майской ночи» любовь Левко к Гане выразилась «в блеске чистого вечера» в его песне «солнце нызенько, вечер блызенько...»². Встреча Левко с русалкой тоже происходит ночью. Перед её появлением описывается благоухающий ночной пейзаж: «странное, упительное сияние», «серебряный туман», «запах от цветущих яблонь и ночных цветов» и «блистательные песни соловьёв»³. Так, страшная и мрачная ассоциация ночи уступает у Гоголя место сказочному, очаровательному, пронизанному божественной благодатью малороссийскому вечеру.

Карнавалы и праздники. Нельзя не упомянуть, что значительное количество фантастических рассказов русского и китайского классиков основаны на мотиве встречи человека с демоническим персонажем во время карнавального праздника, связанного с хронотопом, обозначенным разгулом сверхъестественной силы. Например, большинство сюжетов из цикла «Вечеров» разворачивается на празднично-ритуальном фоне, или в преддверии праздника («Вечер накануне Ивана Купалы», «Ночь перед Рождеством»), или в особом праздничном локусе и карнавалы атмосфере («Сорочинская ярмарка», «Майская ночь», «Страшная месь» и «Заколдованное место») [8, с. 12]. В ляо-жаевских рассказах праздник упоминается более чем в сорока рассказах, включая праздник Цинмин, праздник Фонарей, праздник Луны и Дуанью. В своих фантастических новеллах Пу Сунлин часто

¹ Гоголь Н. В. Заколдованное место // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. С. 243.

² Гоголь Н. В. Майская ночь, или Утопленница // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. С. 128.

³ Гоголь Н. В. Майская ночь, или Утопленница // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. С. 130.

представляет читателям праздничную сцену, где герои освобождаются от феодальных уз и, наконец, получают возможность общаться друг с другом. В повести «Смешливая Иннин» (кит. 《嬰寧》) праздник Фонарей становится лучшим моментом для осуществления поездки студентом Ваном и встречи с красивой лисицей-оборотнем Иннин. А праздничный цветок – «ветка цветущей дикой сливы» – символ верной любви – играет важную роль в развитии сюжета. Однако праздники иногда символизируют и неудачу. Например, в новелле «Беседы зрачков» (кит. 《瞳人語》) учёный Фан ослеп на правый глаз после того, как подсматривал за девушкой во время праздника Цинмин. Драма здесь произошла из-за хаотичности и беспорядка, вызванных отступлением от моральных правил во время праздников (что подтверждает концепцию карнавальности природы, предложенную Ю. В. Манном [11, с. 14]).

Карнавалы, представленные в произведениях Гоголя, сочетают в себе два противоположных начала – встречу с inferнальными существами на празднике, исход которой может закончиться победой главного героя над нечистой силой или его гибелью. По мнению В. А. Воропаева, только в контексте христианской истины может быть понят замысел творчества Гоголя [5, с. 67]. В «Вечере накануне Ивана Купала» момент искушения дьяволом-Басаврюком главного героя Петро отличается «пограничностью»: «Завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь в году и цветёт папоротник. Не прозевай! Я тебя буду ждать, о полночи, в Медвежьем овраге»¹. Петро встречается с представителями с «того» света – дьяволом и ведьмой, а затем совершает ужасные преступления и погружается в состояние безумия. По словам К. В. Мочульского, в своей ранней прозе Гоголь объединяет две различные традиции: первая, представленная немецкой романтической демоно-

логией, включает в себя образы ведьм, чертей, заклинаний и колдовства, с которыми писатель знакомился в произведениях Л. Тика и Э. Т. А. Гофмана; вторая традиция представляет украинскую народную сказку с её дуализмом и борьбой между Богом и дьяволом [12, с. 35]. Например, в «Ночи перед Рождеством» сюжет разворачивается накануне Рождества Христова, описываются бесовские персонажи, перед которыми кузнец Вакула смог устоять благодаря своему умению писать иконы и использовать Слово Божие и крестное знамение в качестве оружия.

Пограничные локусы

Само собой разумеется, что поэтика промежуточного времени имеет также и пространственные соответствия. Пространство, в котором обитают персонажи Гоголя и Пу Сунлина, неоднородно: оно не только географическое, но и культурное. Оба писателя акцентируют внимание на «пограничности» этих локусов как на переходе от реального к ирреальному миру. Они могут трансформироваться в мифологический локус или приобретать в значительной степени мистический подтекст.

Закрытые локусы – дом, кабинет.

Мотив вторжения иномирной силы встречается в «Вечерах» и записках «Ляо Чжая». Согласно русской народной пословице, «дома и стены помогают». Однако в гоголевской прозе при вмешательстве колдовских чар дом оказывается незащищённым. Например, в «Пропавшей грамоте» невероятное творится не только с дедом, попавшим в демонический лабиринт, но и с его женой, оставшейся дома; в «Майской ночи» ведьма-мачеха вторглась в дом сотниковой дочери и выгнала её; в «Страшной мести» Катерина пытается защитить себя, запершись в комнате, чтобы избежать трагедии. Однако отцу-колдуну удалось вызвать душу спящей дочери.

В китайско-конфуцианском мировоззрении кабинет (*чжай* – кит. 齋) является местом бытовой жизни учёного, отделён-

¹ Гоголь Н. В. Вечер накануне Ивана Купала // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. С. 104.

ным от семейного двора и отличающимся тишиной и закрытостью [17, с. 353]. В расказах Пу Сунлина от вторжения inferнального существа не исходит опасности. Кабинет представляет собой лишь тихое и уединённое помещение, не посещаемое никем другим, в кабинете тайно происходят встречи, например, между студентом и лисицей-чародейкой. В повести «Фея Лотоса» (кит. «荷花三娘子») студент Цзун был очарован девой-оборотнем и пригласил её вечером в свой скромный кабинет.

«Пороговый» локус – окно. Окно является одним из важнейших мифопоэтических символов в русской и китайской поэтике ужаса: вместо двери оно выступает как негласный, потенциальный вход для сверхъестественных сил. В «Сорочинской ярмарке» через окно дома Цыбули заглянуло страшное свиное рыло, олицетворяющее зло и тьму, которые проникают в «своё» пространство. В «Искусстве наваждений» (кит. «妖术») через окно на постоялом дворе господин Юй заметил ужасного демона, пытающегося управлять им с помощью своей адской силы.

К тому же в творчестве Гоголя и Пу Сунлина прослеживается тенденция использовать окно в качестве средства коммуникации главных героев, по различным причинам ограниченных в возможности войти в дом через дверь. В рассказе «Девушка Яньчжи» (кит. «胭脂») студент Су притворился возлюбленным, и ночью перелез через стену в дом Яньчжи, и постучал в окно, чтобы пообщаться с ней. В «Майской ночи» образ окна является одним из наиболее частых. Так, в некоторые моменты (встреча Левко с Ганной и его встреча с бедной утопленницей) изображения окон появляются даже до десятка раз. Окно – это образ, символ границы между двумя мирами – миром реальным и иномирьем. Прозрачная часть окна является преградой и одновременно её отсутствием. Кроме того, окно выполняет функцию подглядывания, позволяя главному герою раскрыть неожиданную тайну. Подобные мотивы сгущаются в наиболее жуткой сцене в «Разрисованной коже» (кит. «画皮»)

Пу Сунлина: кандидат Ван обнаружил, что дверь его кабинета заперта, и, заглянув в окно, выяснил, что красивая дева на самом деле оказалась «свирепым чёртом», который «разостлал на кровати человеческую кожу и с цветною кистью в руке стоял и разрисовывал её»¹. В «Страшной мести» Данило ночью отправился в замок колдуна, но там «ни ворот, ни дверей не видно», он «полез на дуб, из него прямо можно глядеть в окошко»², и его удивило дьявольское зрелище в доме тестя: он стал свидетелем вызова души Катерины.

Дорога и мотив дорожной путаницы. Дорога, по определению Е. Е. Левкиевской, является пограничным локусом между «своим» и «чужим» пространством, имеющим мифологическую семантику³. Мотив дорожной путаницы характерен для ранней прозы Гоголя и новелл Пу Сунлина. В пути их персонажи неожиданно сталкиваются с действием сверхъестественных сил и попадают в магический локус. Самыми яркими примерами можно назвать повести «Заколдованное место» и «В погоне за бессмертной Цин-э» («青娥»). У Гоголя это мотив путающей героя дороги. Дед, «поколесивши кругом, наткнулся ... на дорожку. ... Глядь, в стороне от дорожки на могилке вспыхнула свечка. ... свечка потухла, вдали и немного подалее загорелась другая. Клад!...»⁴. У Пу Сунлина студент заблудился в погоне за женой в тёмной ночи, но, следуя за огоньком, оказался в потустороннем мире: «Теперь мгла сгустилась туманом ... Студент стал спускаться с горы, но сбился с дороги и не знал, как теперь вернуться обратно ... Вдруг в глубине пещеры показался свет, мерцавший, словно звёздная точка. Студент стал понемногу

¹ Пу Сунлин. Разрисованная кожа // Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2023. С. 261.

² Гоголь Н. В. Страшная месть // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. С. 195.

³ Левкиевская Е. Е. Дорога // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 124.

⁴ Гоголь Н. В. Заколдованное место // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. С. 242.

подходить к нему ... Из дома вышла какая-то красивая женщина. Посмотрел на неё – Цин-э!»¹

Пустынные места – лес, кладбище и заброшенное поместье. Пустынные места являются локусами, куда направляются почти все герои у Гоголя и Пу Сунлина в своих приключениях, сопровождаемых жутким и таинственным подтекстом. В «Вечерах» Петрусь встретился с Басаврюком и ведьмой, нашёл клад и цветущий папоротник в непроходимом лесу за Медвежьим оврагом; на горе, за тёмным лесом, находится замок колдуна; у сотниковой дочки имеется заброшенный дом и пруд, окружённые лесом. В повести «Цинфэн» (кит. 《青凤》) студент Гэн Цюйбин встречает красавицу-лисицу по имени Цинфэн в заброшенном поместье своей семьи, также являющемся важным пограничным локусом. Позже, спасая маленькую бедную лисицу на кладбище, он понимает, что это та самая Цинфэн. Напряжение, создаваемое сценой на кладбище для главного героя, воплощается в «Страшной мести»: кресты на могилах зашатались, а из могил стали вылезать высохшие мертвецы, доведя семью Данилы до состояния крайнего ужаса.

Мифологический лабиринт – сон. Сон помимо своей физической и психологической природы, с точки зрения обоих авторов, также представляет собой путешествие персонажей в загробный мир. В повести «Майская ночь» парубок Левко видит сон о бедной утопленнице, во сне выполняет её просьбу и получает наградную записку. В повести «Лисий сон» (кит. 《狐梦》) студент Би во сне неожиданно сталкивается с демоническим существом – Третьей лисцей. Так что у Пу Сунлина, как и у Гоголя, граница между сном и явью размывается.

Заключение

Используя разнообразные формы времени (*вечер, ночь и время праздника*) и множественные пограничные локусы (*дом, кабинет, окно, дорога, лес, кладбище, пространство сна* и т. д.), автор сборника «Ляо Чжай» представляет вниманию читателей различные волшебные истории, связанные с жизнями людей, богов, бесов, призраков и лисиц-оборотней. В гоголевских малороссийских повестях также присутствует подобная тенденция: мир реальный и мир инфернальный сочетаются, проницаемость границы между мирами живых и мёртвых отчётливо видна. Если для писателя-христианина особую роль в этом процессе играет божественная благодать, то в пусунлиновских рассказах действии «светлой» силы проявляется не так. В отличие от гоголевского дихотомического представления о добре и зле существа из потустороннего мира в творчестве китайского мастера по большей части не искусители, не враги человечества, а, скорее, помощники, утешители, что определяется источниками волшебных историй «Ляо Чжая», основанных на даосском и буддийском учении и большом количестве народных суеверий. Пограничный хронотоп у Гоголя и Пу Сунлина можно интерпретировать как особую сферу, в которой герой встречается с бесовскими персонажами в напряжённый момент своей жизни и выходит оттуда живым и целым или так или иначе гибнет в зависимости от тех нравственных решений, которые он принимает.

Статья поступила в редакцию 14.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА¹

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения: в 4 т. Т. 1 / под ред. В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1976. С. 70–369.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
3. Болдырева Е. М. «Мой далёкий двойник где-то там, на другом берегу...»: Российско-китайский литературный диалог. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. 347 с.

¹ Пу Сунлин. В погоне за бессмертной Цин-э // Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 211.

4. Виноградов И. А. Гоголь художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: Наследие, 2000. 450 с.
5. Воропаев В. А. Нет другой двери...: О Гоголе и не только. М.: Белый город, 2019. 448 с.
6. Гиппиус В. В. Творческий путь Гоголя // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. Л.: Наука, 1966. С. 46–199.
7. Гоголь и мировая литература: сборник статей / отв. ред. Ю. В. Манн. М.: Изд-во ИМЛИ, 2003. 400 с.
8. Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Гоголя. Волгоград: Перемена, 2007. 260 с.
9. Евдокимов А. А. О генезисе ноctурнальности в «Вечерах на хуторе близ Диканьки Н. В. Гоголя» // Поэзия филологии. Филология поэзии: сборник конференций: посвящённой А. А. Илюшину, Тверь, 12 февраля 2017 г. Тверь: Издатель А. Н. Кондратьев, 2018. С. 45–50.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
11. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 742 с.
12. Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 4–150.
13. Янушкевич А. С. Особенности композиции «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Мастерство писателя и проблемы жанра. Томск: Изд-во Томского университета, 1975. С. 100–109.
14. Damrosch D. Comparing the Literatures: Literary Studies in a Global Age. Princeton: Princeton University Press, 2020. 392 p.
15. Ferris D. Why compare // A companion to Comparative Literature. 1st ed. Hoboken: Wiley-Blackwell Publishing house, 2011. P. 35–43.
16. 冯镇峦. 《聊斋志异》点评. 长沙. 岳麓书社. 2022 (Фэн Чжэньлуань. Рецензия на сборник «Ляо Чжай Чжи И». Чанша: Юэлу, 2022).
17. 马瑞芳. 马瑞芳品读《聊斋志异》. 北京. 天地出版社. 2023 (Ма Жуйфан. Ма Жуйфан читает «Ляо Чжай Чжи И». Пекин: Тяньди, 2023).
18. 黄霖. 中国古代小说叙事三维论. 上海. 上海书店出版社. 2009 (Хуан Линь. Теория трёхмерного повествования древних китайских романов. Шанхай: Шанхайское книжное издательство, 2009).

REFERENCES

1. Aristotle. *Metaphysica* (Rus. ed.: Asmus V. D., ed. Metafizika. In: *Sochineniya. T. 1* [Essays. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, pp. 70–369).
2. Bahtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Research from Different Years]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 502 p.
3. Boldyreva E. M. “*Moj dalyokij dvojniki gde-to tam, na drugom beregu...*”: *Rossijsko-kitajskij literaturnyj dialog* [“My Distant Double is Somewhere There, on the Other Side...”: Russian-Chinese Literary Dialogue]. Yaroslavl, RIO YAGPU Publ., 2023. 347 p.
4. Vinogradov I. A. *Gogol' hudozhnik i myslitel': Hristianskie osnovy mirosozercaniya* [Gogol the Artist and Thinker: Christian Foundations of the Worldview]. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 450 p.
5. Voropaev V. A. *Net drugoj dveri...: O Gogole i ne tol'ko* [There is no Other Door...: About Gogol and More]. Moscow, Belyj gorod Publ., 2019. 448 p.
6. Gippius V. V. [Gogol's Creative Path]. In: Gippius V. V. *Ot Pushkina do Bloka* [From Pushkin to Blok]. Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 46–199.
7. Mann Yu. V. *Gogol' i mirovaya literatura: sbornik statej* [Gogol and World Literature: Collection of Articles]. Moscow, IMLI Publ., 2003. 400 p.
8. Goldenberg A. X. *Arhetipy v poetike Gogolya* [Archetypes in Gogol's Poetics]. Volgograd, Peremena Publ., 2007. 260 p.
9. Evdokimov A. A. [On the Genesis of Nocturnality in “Evenings on a Farm near Dikanka by N. V. Gogol”]. In: *Poeziya filologii. Filologiya poezii: sbornik konferencii, posvyashchyonnoj A. A. Ilyushinu, Tver', 12 fevralya 2017 g.* [Poetry of Philology. Philology of Poetry: Collection of the Conference dedicated to A. A. Ilyushin, Tver, February 12, 2017]. Tver, A. N. Kondrat'ev Publ., 2018, pp. 45–50.
10. Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1996. 464 p.
11. Mann Yu. V. *Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma* [Gogol's Works: Meaning and Form]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2007. 742 p.

12. Mochul'sky K. V. [Gogol's Spiritual Path]. In: Mochul'sky K. V. *Gogol'. Solov'yov. Dostoevskij* [Gogol. Solovyov. Dostoevsky]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 4–150.
13. Yanushkevich A. S. [Features of the Composition “Evenings on a Farm near Dikanka”]. In: *Masterstvo pisatelya i problemy zhanra* [Mastery of the Writer and Problems of the Genre]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1975, pp. 100–109.
14. Damrosch D. *Comparing the Literatures: Literary Studies in a Global Age*. Princeton: Princeton University Press, 2020. 392 p.
15. Ferris D. *Why Compare*. In: *A companion to Comparative Literature*. 1st ed. Hoboken, Wiley-Blackwell Publishing house, 2011. P. 35–43.
16. 冯镇峦. 《聊斋志异》点评. 长沙. 岳麓书社. 2022. (Feng Zhenluan. Review of the collection “Liao Zhai Zhi Yi.” Changsha, Yuelu, 2022).
17. 马瑞芳. 马瑞芳品读《聊斋志异》. 北京. 天地出版社. 2023 (Ma Ruifang. Ma Ruifang reads “Liao Zhai Zhi Yi.” Beijing, Tiandi).
18. 黄霖. 中国古代小说叙事三维论. 上海. 上海书店出版社. 2009 (Huang Lin. *The Theory of Three-Dimensional Narrative of Ancient Chinese Novels*. Shanghai: Shanghai Book Publishing House, 2009).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сунь Вэньцзюнь – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Университета МГУ – ППИ в Шэньчжэне;
e-mail: sunventszyun@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sun Wenjun – Postgraduate Student, Department of Russian Literature in Faculty of Philology; Lomonosov Moscow State University, Shenzhen MSU-BIT University;
e-mail: sunventszyun@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сунь Вэньцзюнь. Пограничный хронотоп в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина // *Отечественная филология*. 2024. № 2. С. 20–28.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-20-28

FOR CITATION

Sun Wenjun. The Borderline Chronotope in Nikolai Gogol's “Evenings on a Farm Near Dikanka” and Pu Songling's “Strange Tales from Chinese Studio”. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2, pp. 20–28.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-20-28

УДК: 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-29-35

АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЧИТАТЕЛЕМ В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н. В. ГОГОЛЯ

Яровой С. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проследить пути взаимодействия автора с читателем в сборнике Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Процедура и методы. Обозначены повествовательные стратегии Н. В. Гоголя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» с позиций рецептивной эстетики, отдельно отмечено их воздействие на «воспринимающее сознание». Исследование опирается на дескриптивный и системный подходы к художественному тексту.

Результаты. Установлено, что Гоголь посредством использования художественных приёмов обрамления, «речевой маски», авторского монолога влияет на восприятие текста читателем; также отмечена роль этих приёмов в формировании литературного опыта.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение данной проблемы позволило выявить авторские техники повествования в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки». Полученные результаты могут быть полезны для литературоведческих разысканий, посвящённых роли читателя в процессе рецепции и интерпретации художественного произведения.

Ключевые слова: авторский монолог, адресат, образ автора, образ читателя, обрамление, речевая маска, читательская рецепция

AUTHORIAL STRATEGIES OF INTERACTION WITH THE READER IN “EVENINGS ON A FARM NEAR DIKANKA” BY N. V. GOGOL

S. Yarovoy

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To trace the ways of the author's interaction with the reader in the collection “Evenings on a farm near Dikanka” by N. V. Gogol.

Methodology. Narrational strategies of N. Gogol in “Evenings on a farm near Dikanka” are identified from the standpoint of receptive aesthetics, their impact on the “perceiving consciousness” is also noted. The study is based on descriptive and systemic approaches to literary text.

Results. It was established that Gogol, through the use of artistic framing techniques, “speech masks”, and authorial monologue, influences the reader's perception of the text; the role of these techniques in shaping literary experience is also noted.

Research implications. Studying this problem has allowed identifying authorial narrative techniques in the collection “Evenings on a farm near Dikanka”. The obtained results may be useful for literary research dedicated to the role of the reader in the process of reception and interpretation of artistic works.

Keywords: authorial monologue, addressee, author's image, reader's image, framing, speech mask, reader reception

Введение

Признание литературы способом эстетической коммуникации связано с появлением информационных и семиотических теорий XX в. Категории текста, автора, читателя в теориях психологической школы, структурализма, феноменологии, рецептивной эстетики, постструктурализма приобрели новое значение – участников коммуникативного процесса. В отличие от традиционных взглядов на читателя, который идёт за автором «как лошадь за кучером», по выражению Г. Гессе, новые теории предоставляют ему первенство в творческом процессе художественного восприятия. Читатель в таком случае вступает с автором в диалогические отношения [5].

Отметим, что категория читателя оказалась в поле зрения практически всех литературоведческих школ и направлений и стала точкой пересечения разнообразных теоретических идей в литературно-критической мысли XX в. [10, с. 111]. Диалогическую природу литературы, открытую для бесконечного восприятия и толкования, ранее других заметили писатели. Лев Толстой ещё в конце XIX в. отмечал, что «всякое произведение искусства делает то, что воспринимающий вступает в известного рода общение с производившим или производящим искусство и со всеми теми, которые одновременно с ним, прежде или после его восприняли или воспримут то же художественное впечатление»¹. Автор мировых шедевров в своём понимании диалогичности литературы не случайно подчёркивал значение потенциальных читателей в жизни произведения во времени и пространстве. Толстой интуитивно чувствовал энергию созданного автором коммуникативного поля, в которое постоянно входят новые участники, импульсы восприятия и понимания которых приумножают силу творчества.

¹ Толстой Л. Н. Что такое искусство? // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 30. Произведения 1882–1898 / подгот. текста, комм. В. С. Мишина, Н. В. Горбачева. М.: ГИХЛ, 1951. С. 63–64.

Специфика речевых стратегий в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки»

Творчество Н. В. Гоголя представляет богатый материал для наблюдения за взаимодействием образа автора и образа читателя. Писатель принадлежит к числу великих художников XIX в., однако «программированием» своего читателя, сложной игрой с ним опередил постмодернистские авторские технологии XX в. Интенции, заложенные автором в произведении первого цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», побуждают адресатов к активной эстетической деятельности, поскольку, как известно, «говорящий субъект создаёт своё собственное представление о времени, осмысливая при этом разные модели времени» [11, с. 44; 7], следовательно, «воспринимающему сознанию» необходимо «подстраиваться» под стиль повествования, выстраивать логические связи. С первых страниц сборника, открывающегося предисловием Рудого Панька, заметно взаимодействие автора с читателем. Упомянутая речь Панька выстроена «в тоне подчёркнуто фамильярной болтовни с читателями»². Монолог пасечника выходит за рамки общения персонажей, тематически не связан с сюжетами произведений, следовательно, напрямую обращён к публике, создаёт общую эмоциональную атмосферу. Экспрессивная форма повествования, выбранная Гоголем, позволяет пасечнику напрямую обращаться к читателю, используя речевые обороты, вроде: «У нас, мои любезные читатели, не во гнев будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что пасечник говорит вам запросто, как будто какому-нибудь свату своему или куму)»³; «Ну, я на вас ссылаюсь, любезные

² Бахтин М. М. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) (1940, 1970) // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4 (2): Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса (1965). Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) (1940, 1970). Комментарии и приложение / под ред. И. Л. Попова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 512.

³ Гоголь Н. В. Предисловие // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера

читатели, скажите по совести, слышали ли вы когда-нибудь?.. ... Нет, я не слыхивал об этом. ... Ну, говорите же вы!»¹ Рудый Панько сам предвидит ответы и замечания своих оппонентов, потому и маркирует собственную речь в разговорно-диалогический тон: «Это что за невидаль: “Вечера на хуторе близ Диканьки”? Что это за “Вечера”? И швырнул в свет какой-то пасичник! Слава Богу! ещё мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Ещё мало народу, всякого звания и сброду, вымарало пальцы в чернилах! Дёрнула же охота и пасичника потащиться вслед за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в неё”. Слышало, слышало вещее моё все эти речи ещё за месяц!»²

Однако несмотря на кажущуюся простоту и незамысловатость речи, она чётко структурирована, содержит множество значимой для читателя информации. Так, в предисловии к первой части сообщается место пребывания пасечника и отчасти место действия – хутор, затем следует рассказ о традиционных для сельской молодёжи вечерницах, о дьяке диканьской церкви Фоме Григорьевиче, которому приписано «авторство» трёх повестей цикла, а завершается монолог обещанием выпустить вторую часть и приглашением всех желающих в гости. В предисловии ко второй книге монолог Панька начинается и завершается мотивом прощания с читателем и объяснением, почему это завершающая цикл книга.

Особенности и смысловая значимость обрамлений в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки»

При создании произведения автор предполагает его возможные интерпретации, поэтому изначально стремится донести свои суждения до наибольшего количества читателей [3, с. 21] и, как справедливо замечал А. А. Потебня, «сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его содержании» [8, с. 28]. Однако в повестях всё же присутствуют авторские «указания» к трактовке. Они могут входить в основной текст, могут выступать самостоятельными частями (предисловие, послесловие), что влечёт за собой появление приёма обрамления. Ю. М. Лотман отмечал несколько типов обрамления, среди которых «“нормальное” (то есть нейтральное) построение», которое не вводится в текст, а выполняет роль предупредительных сигналов в начале произведения, формально находясь при этом за его пределами [6, с. 435].

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» примерами такого обрамления являются упомянутые предисловия Рудого Панька. Они выполняют функцию рамы и свидетельствуют о целостности произведения, состоящего из отдельных рассказов. В свою очередь, каждый из этих рассказов имеет собственное обрамление, которое не только не остаётся в стороне от семантики произведения, а и подчас содержит его квинтэссенцию, начиная или завершая повествование. Наиболее частотным вариантом использования рамы в повестях является описание природы («Сорочинская ярмарка», «Майская ночь, или Утопленница», «Ночь перед Рождеством») или же рассказ автора-повествователя («Вечер накануне Ивана Купала», «Пропавшая грамота», «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка», «Заколдованное место»). Примечательно, что рассказчик, завершая своё повество-

на хуторе близ Диканьки / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 82.

¹ Гоголь Н. В. Предисловие // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 165.

² Там же. С. 82.

вание, предостерегает, что нечистая сила хоть и была побеждена, однако продолжает пакостить роду людскому («Вечер накануне Ивана Купала», «Пропавшая грамота», «Заколдованное место») [2, с. 59]. В «Страшной мести» прологом можно считать сцену женитьбы сына есаула Горобца, а эпилогом – песнь бандуриста, поскольку они также обрамляют повесть и объединяют её части.

Более сложными являются случаи, когда основной текст и его обрамление переплетены и по отношению друг к другу выступают одновременно «и обрамляющим, и обрамлённым текстом» [6, с. 436]. Подобное переплетение также наблюдается в нескольких повестях цикла. Так, в «Страшной мести» легенда о Петре и Иване выступает обрамлением к основному сюжету повести, и, наоборот, – изображение жизни последних двух потомков рода Петра является обрамлением к легенде. В «Майской ночи» рассказ Левко об утопленнице выполняет роль рамы к той части повести, где описывается сон Левка, его встреча с панночкой. Сам сон, а также записка, предрешившая участь Левка и Ганны, соединяет начало и конец повести, обрамляет их.

Возможно также такое построение произведения, при котором одна часть повествования подаётся непрерывно, а другие вводятся в неё лишь в виде фрагментов (цитат, реминисценций, эпиграфов) [9, с. 23]. Предполагается, что читатель самостоятельно развернёт эти отрывки иных произведений в самостоятельные тексты (в широком понимании термина). В качестве примеров подобного обрамления в «Вечерах» можно привести эпиграфы из «Энеиды» И. П. Котляревского, комедий В. А. Гоголя-Яновского, малороссийских народных песен к главам «Сорочинской ярмарки», эпиграф к «Майской ночи».

Функции опосредованного описания и авторского монолога в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки»

Отдельного упоминания заслуживают эпизоды повестей, которые не описывают прямо то или иное действие, а подают его косвенно, посредством изображения реакции персонажей произведения, – следовательно, читателю необходимо самостоятельно выстраивать недостающие детали. Так, в «Вечере накануне Ивана Купала» Гоголь детально приводит сцену убийства маленького Ивася в лесу, однако картина смерти самого Петра показана не прямо, а опосредованно, с помощью действий Пидорки, которая «в испуге убежала ... в сени»¹, и перепуганных односельчан: «сбежались люди; принялись стучать; высадили дверь ... кинулись к мешкам. ... Выпуча глаза и разинув рты, не смея пошевелить усом, стояли козачки, будто вкопанные в землю. Такой страх навело на них это диво»². В «Страшной мести» смерть пана Данила опоэтизирована, выписана в соответствии с фольклорными традициями, о смерти же Катерины сообщается также опосредованно – словами автора: «совершилось страшное дело: отец убил безумную дочь свою»³, а о гибели ребёнка читатель узнаёт от Катерины: «“Он убит, он зарезан!” – кричала она и кинулась к колыбели»⁴. В то же время Гоголь достаточно подробно изображает гибель Ивана с маленьким сыном и смерть колдуна. Вероятно, одним из объяснений подобных жестоких эпизодов может быть то, что писатель стремился донести читателям степень вины Петра и последнего из его рода – колдуна,

¹ Гоголь Н. В. Вечер накануне Ивана Купала // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / сост., подгот. текстов, комм. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 125.

² Там же.

³ Гоголь Н. В. Страшная месть // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / сост., подгот. текстов, комм. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 239.

⁴ Там же. С. 235.

которая непременно определяет соответствующее наказание за совершение самого тяжкого греха – убийства.

Одним из средств обращения к эстетическому опыту реципиента может выступать также авторский монолог, который призван убедить читателя в реальности описываемых событий, как, к примеру, в «Сорочинской ярмарке»: «Вам верно, случилось слышать где-то валяющийся отдалённый водопад, когда встревоженная окрестность полна гула. ... Не правда ли, не те ли самые чувства мгновенно обхватят вас в вихре сельской ярмарки?»¹ Посредством авторского монолога создаётся и пейзажная картина украинской ночи, введённая в повествование риторическим вопросом к читателю: «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи!»², – и картина Карпатских гор: «не задорное ли море выбежало в бурю из широких берегов, вскинуло вихрем безобразные волны, и они, окаменев, остались недвижимы в воздухе? Не оборвались ли с неба тяжёлые тучи и загромодили собою землю?»³ Наконец, и описание мистического богатыря в «Страшной мести» начинается с риторических вопросов: «Но кто среди ночи ... едет на огромном вороном коне? Какой богатырь с нечеловечьим ростом скачет под горами ... и бесконечная тень его страшно мелькает по горам?»⁴ Возможно также, будто предугадывая вопрос читателя: «кто же этот голова, возбуждавший такие невыгодные о себе толки и

речи?»⁵, – автор даёт характеристику персонажу: «О, этот голова важное лицо на селе»⁶.

Стратегия «речевой маски» в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки»

Воспроизвести процесс живого общения с читателем помогает также выбранная Гоголем коммуникативная стратегия «речевая маска», которая основывается на обобщённом образе повествователя – пасечника Рудого Панька – и имитирует не только манеру его речи, но и лексикон и картину мира этого человека. Панько не только организует повествование своей точкой зрения, своей жизненной позицией, но и привносит свою речевую манеру, элементы своей «речевой маски», которая не идентифицирует персонажа, а несёт в себе функцию имитации «комических своеобразий провинциально-диалектического устно-монологического повествования» [1, с. 260]. Примеряя на себя речевую маску пасечника, Гоголь будто перевоплощается в иную речевую личность, временно играет роль этого персонажа. При этом перевоплощение происходит на основе собственных его представлений о том, каким должен быть пасечник, как он должен общаться, действовать [9, с. 34]. Речь Панька отображает признаки его социального положения и культурного уровня. Таким образом, скрываясь под маской Рудого Панька, Гоголь выступает и как действующее лицо, не являясь при этом персонажем, доносит читателю свои мысли устами малороссийского селянина, что предоставляет автору повестей «Вечеров» определённую свободу действий и высказываний. Так, можно отметить вслед за М. М. Бахтиным, что маски «дают право не понимать, путать, передразнивать, гиперболизировать жизнь; право говорить, пародируя, не быть буквальным, не быть самим собою; право проводить жизнь через про-

¹ Гоголь Н. В. Сорочинская ярмарка // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / сост., подгот. текстов, комм. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 91.

² Гоголь Н. В. Майская ночь, или утопленница // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 91.

³ Гоголь Н. В. Страшная месь // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / сост., подгот. текстов, комм. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 236.

⁴ Там же.

⁵ Гоголь Н. В. Майская ночь, или утопленница // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / сост., подгот. текстов, комм. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 134.

⁶ Там же.

межуточный хронотоп театральных под-мостков, изображать жизнь как комедию и людей как актёров; право срывать маски с других; право браниться существенной (почти культовой) бранью; наконец, право предавать публичности частную жизнь»¹.

Гоголь мастерски владел приёмами построения речевых образов, соотношения слова с образом говорящего, приёмами объектного изображения слова вместе с человеком, «не как слова общезначимого обезличенного языка, а как характерного или социального типичного слова данного человека, как языка попа, языка рыцаря, купца, крестьянина, юриста и т. п.»². В целом атмосфера «малороссийских повестей», диалоги персонажей, характеры героев, сюжет – всё это изображается «по-народному», имеет фольклорную основу [4, с. 129]. Герои «украинских» повестей Гоголя – синтезированные, обобщённые образы, характерные черты которых маркируются речевыми масками. Эти художе-

ственные приёмы представляется возможным отыскать в большей части повестей «Вечеров».

Заключение

Таким образом, процесс чтения произведений Гоголя всегда сопровождается полифоническим звучанием голосов автора, рассказчиков, персонажей, читателей, которые влияют на процесс рецепции – в чём-то тормозят, поворачивают, ускоряют, отрицают, дополняют. Для писателя это был органический процесс творчества, к которому он призывал и читателя, предлагая ему маски, собственные комментарии, которые помимо своего прямого назначения, имели ещё и скрытый момент игры с настоящим, равным автору читателем, способным понять его интонации, настроения, переживания и развить их дальше уже в своей собственной эстетической деятельности.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Этюды о стиле Гоголя // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: избранные труды / отв. ред. М. П. Алексеев, А. П. Чудаков. М.: Наука, 1976. С. 229–366.
2. Виноградов И. А. Учительство и проповедь в первой напечатанной повести Н. В. Гоголя «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», 1830) // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 54–109.
3. Воропаев В. А. Диалог о душевном и духовном: Н. В. Гоголь и святитель Игнатий (Брянчанинов) // Культура и текст. 2022. № 2 (49). С. 18–23.
4. Воропаев В. А. Нет другой двери...: О Гоголе и не только. М.: Белый город, 2019. 448 с.
5. Левин Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика: сборник научных трудов. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 464–482.
6. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 423–436.
7. Малкина В. Я. Типология лирических субъектов // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 20–31.
8. Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Теоретическая поэтика / сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Муратова. М.: Высшая школа, 1990. С. 22–54.
9. Третьяков Е. О. «Человек без содержания»: «минимальное я» как основа восприятия Н. В. Гоголя как личности и автора (на материале писем А. Я. Булгакова В. А. Жуковскому и первой гоголевской книги «Вечера на хуторе близ Диканьки») // *Gaudeamus Igitur*. 2020. № 1. С. 29–36.
10. Цурганова Е. А. Полифония русских голосов в западном литературоведении XX в. // Современная наука о литературе: основные тенденции и проблемы: сборник научных трудов / отв. ред. Е. А. Цурганова. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 104–118.
11. Шаповалова Т. Е. Лексико-грамматические маркёры категории синтаксического времени в комедии А. Н. Островского «Свои люди – сочтёмся» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 43–55.

¹ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961) / под ред. С. Г. Бочарова, В. В. Кожина. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 415.

² Бахтин М. М. Слово в романе // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961). С. 156.

REFERENES

1. Vinogradov V. V. [Sketches about Gogol's Style]. In: Vinogradov V. V. *Poetika russkoj literatury* [Poetics of Russian Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 229–366.
2. Vinogradov I. A. [Teaching and Preaching in the First Published Story by N. V. Gogol “Bisavryuk, or the Evening on the Eve of Ivan Kupala”, 1830)]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 20, no. 1, pp. 54–109.
3. Voropaev V. A. [Dialogue about the Mental and Spiritual: N. V. Gogol and St. Ignatius (Brianchaninov)]. In: *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2022, no. 2 (49), pp. 18–23.
4. Voropaev V. A. *Net drugoj dveri...: O Gogole i ne tol'ko* [There is no Other Door...: About Gogol and More]. Moscow, Belyj gorod Publ., 2019. 448 p.
5. Levin Yu. I. [Lyrics from a Communicative Point of View]. In: Levin Yu. I. *Izbrannye trudy: Poetika. Semiotika* [Selected Works: Poetics. Semiotics]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1998, pp. 464–482.
6. Lotman Yu. M. [Text in the Text]. In: Lotman Yu. M. *Ob iskusstve* [About Art]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1998, pp. 423–436.
7. Malkina V. Ya. [Typology of Lyrical Subjects]. In: *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Bulletin], 2023, no. 4 (67), pp. 20–31.
8. Potebnya A. A. [Thought and Language]. In: Potebnya A. A. [Theoretical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, pp. 22–54.
9. Tretyakov E. O. [“A Man without Content”: “Minimal Self” as the Basis for the Perception of N. V. Gogol as a Person and an Author (Based on the Letters of A. Ya. Bulgakov to V. A. Zhukovsky and the first Gogol book “Evenings on farm near Dikanka”)]. In: *Gaudeamus Igitur*, 2020, no. 1, pp. 29–36.
10. Curganova E. A. [Polyphony of Russian Voices in Western Literary Criticism of the Twentieth Century]. In: *Sovremennaya nauka o literature: osnovnye tendencii i problemy* [Modern Science of Literature: Main Trends and Problems]. Moscow, INION RAN Publ., 2018, pp. 104–118.
11. Shapovalova T. E. [Lexical and Grammatical Markers of the Category of Syntactic Tense in the Comedy of A. N. Ostrovsky “Our People – We will be Numbered”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2023, no. 2, pp. 43–55.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яровой Сергей Александрович – аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: yarovoysa@my.msu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Yarovoy – Postgraduate Student, Department of the History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: yarovoysa@my.msu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яровой С. А. Авторские стратегии взаимодействия с читателем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 29–35.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-29-35

FOR CITATION

Yarovoy S. A. Authorial Strategies of Interaction with the Reader in “Evenings on a Farm near Dikanka” by N. V. Gogol. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2, pp. 29–35.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-29-35

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'373.45

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-36-44

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СОСТАВА АВТОМОБИЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ, ЗАИМСТВОВАННОЙ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гимаев Я. А.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выделить и описать происхождение наиболее активно развивающихся групп русской автомобильной терминологической лексики, заимствованной из английского языка, в устно-разговорном и непрофессиональном публицистическом дискурсе.

Процедура и методы. Выделяются и описываются наиболее динамично развивающиеся группы калькированной, непосредственно заимствованной (транскрибированной, транслитерированной) и метафорически переосмысленной современным русским языковым сознанием автомобильной терминологической лексики в устно-разговорном и непрофессиональном публицистическом дискурсе.

Результаты. Делается вывод, что автомобильная терминология в русском устно-разговорном и непрофессиональном публицистическом дискурсе активно пополняется за счёт заимствований из английского языка. Акцентируется внимание на всё более заметном переходе технической лексики, обозначающей наиболее динамично модернизируемые узлы, агрегаты и части современного автомобиля, из разряда специальной в разряд общеупотребительной.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы для классифицирования русских автомобильных терминов по происхождению и способам словообразования.

Ключевые слова: автомобильная терминология, заимствованная лексика, метафорическое переосмысление, семантическое калькирование, транскрипция, транслитерация

ON THE ISSUE OF THE ORIGIN OF THE COMPOSITION OF AUTOMOTIVE TERMINOLOGY BORROWED FROM ENGLISH IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Ya. Gimaev

*Financial University under the Government of the Russian Federation
prosp. Leningradskiy 49, Moscow 125993, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify and describe the origin of the most actively expanding groups of Russian automotive terminological vocabulary borrowed from the English language in oral spoken and non-professional publicistic discourse.

Methodology. The most dynamically developing groups of calqued, directly borrowed (transcribed, transliterated) and metaphorically reinterpreted by the modern Russian language consciousness automotive terminology in oral and non-professional publicistic discourse are identified and described by the author.

Results. The article concludes that the automotive terminology in the Russian oral and non-professional publicistic discourse is actively replenished due to borrowings from the English language. The paper also focuses on the increasingly noticeable transition of technical vocabulary denoting the most dynamically upgraded components, units and parts of a modern automobile from the category of special to the category of commonly used.

Research implications. The results of the work can be used for classification of the Russian automotive terms by origin and methods of word formation.

Keywords: automotive terminology, borrowed vocabulary, metaphorical reinterpretation, semantic calquing, transcription, transliteration

Введение

Актуальность изучения автомобильной лексики [11] обусловлена совокупностью нескольких фактов. Во-первых, массовое распространение автомобилей позволило феномену личной легковой машины в настоящее время прочно занять своё место в культуре современного общества. В связи с этим лексика автомобилистов становится неотъемлемой частью не только специального, но и общеупотребительного пласта современного русского языка. Во-вторых, в связи с активным развитием автомобильной промышленности в мире, изобретением дополнительного оборудования и появлением новых элементов конструкции современных транспортных средств мировая автомобильная терминология активно развивается и пополняется.

На наш взгляд, в настоящее время активно русская автомобильная лексика пополняется и развивается за счёт заимствований преимущественно из английского языка. Предполагаем, что аналогичные процессы происходят и с автомобильной лексикой других языков. Таким образом она становится международной.

Состав русской автомобильной лексики описывался учёными как тематическое поле [11], содержание концепта [1], терминосистема [10], корпоративный подъязык [14], были составлены глоссарии автомо-

бильных терминов¹ и разговорных слов². По нашему мнению, в связи с активным распространением данного пласта лексики в устно-разговорном и непрофессиональном публицистическом дискурсах возникла необходимость классифицировать его с точки зрения происхождения.

Д. С. Лотте по способу заимствования поделил термины на несколько типов: оригинальные заимствования; термины, состоящие из заимствуемых или уже заимствованных элементов; переводные заимствования; заимствование морфологических и синтаксических форм [5, с. 10–14]. Исследователь также подчёркивал важность и необходимость классификации терминов по их происхождению и считал целесообразным, во-первых, разделять термины, составленные из элементов одного происхождения, и термины-гибриды, а во-вторых, разделять принадлежность

¹ Стернин И. А., Шаламова Э. В. Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 5: Наименования автомобилей. Воронеж: РИТМ, 2019. 33 с.; Тверитнев М. В. Англо-русский и русско-английский автомобильный словарь: около 28000 терминов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: РУССО, 2005. 568 с.; Учебный англо-русский и русско-английский терминологический словарь-минимум «Автомобильный сервис» / Т. Ю. Полякова, Е. В. Ерещенко, А. Н. Ременцов, В. В. Синявский. Вып. 3. М.: МАДИ, 2014. 144 с.; Учебный русско-вьетнамско-английский терминологический словарь-минимум «Автомобильные дороги». Вып. 5 / под. ред. В. В. Ушакова. М.: МАДИ, 2014. 311 с.

² Стернин И. А., Шаламова Э. В. Русская разговорная автомобильная лексика: словарь. Воронеж: Истоки, 2016. 64 с.

терминоэлементов к определённым языкам [5, с. 37].

Рассматривая автомобильную лексику в целом как совокупность её специальных и общеупотребительных элементов, мы убедились, что центральную её часть составляют термины. На наш взгляд, значительная часть возникающих в настоящее время автомобильных терминов-лексем и в меньшей степени словосочетаний приходит из современного английского языка. Очевидно, до попадания в кодифицированный язык эти слова активно используются в устной речи автомобилистов, в публицистике и письменной речи общающихся автолюбителей в интернете. В зависимости от происхождения заимствованные автомобильные термины нами были разделены на пришедшие в русский язык в виде транскрибирований и транслитераций, семантических калек и метафорических переосмыслений.

Транскрибированные и транслитерированные автомобильные термины

Исследователь Г. Ф. Мусина доказывает, что техническая терминология русского языка в настоящее время пополняется в основном за счёт транскрибирования, транслитерирования и калькирования лексических единиц из английского языка [6, с. 91]. Транскрипция подразумевает звуковую передачу термина графическими средствами языка-реципиента. Транслитерация подразумевает воспроизведение буквенного состава английского слова на русском языке.

В силу различий фонетических систем русского и английского языков, а также преобладающих принципов орфографии (морфологический принцип для русского языка и исторический – для английского) в чистом виде и транслитерация, и транскрипция встречаются редко. Основным способом в практике перевода автомобильной терминологии считается транскрипция с некоторыми элементами транслитерации. Этот способ характерен для

перевода многих технических терминов и стал использоваться ещё до появления автомобилестроения. У эквивалентов в русском и английском языках может отличаться ударение: *motor* ['məʊtər] – *мотор*, *conditioner* [kən'diʃ.ən.ər] – *кондиционер*, *differential* [dɪf.ə'ren.ʃəl] – *дифференциал*. В русском языке может утрачиваться гласная буква некоторых английских морфем: *speedometer* [spi:'dɒmɪtər] – *спидометр*, *tachometer* [tæk'ɒm.i.tər] – *тахометр*. Может также меняться часть речи заимствованного слова, например, автомобильный термин *торсион* (стальной стержень, работающий на скручивание) был образован от английского словосочетания *torsion bar*, в котором транслитерант выступает в роли прилагательного.

Вместе с тем некоторые русские термины, относящиеся сегодня к автомобильным, были заимствованы из других европейских языков, например, из французского: *carbureteur* [kɑʁbyʁatœʁ] – *карбюратор*, *relais* [vələ] – *реле*, *pédale* [pedal] – *педаль*; немецкого: *zylinder* [tsy'lɪndɐ] – *цилиндр*, *filter* ['fɪltɐ] – *фильтр*, *linse* ['lɪnzə] – *линза*, *lampe* ['lampə] – *лампа*, *katalysator* [kataly'za:to:ɐ] – *катализатор*¹. Данные технические термины появились в русском языке до начала XX в., приобрели определённый графический облик и формальные признаки русских грамматических категорий, например, рода. В связи с этим соответствующие английские эквиваленты *carburet(t)or* ['kɑ:bəre(ɪ)tər], *relay* ['ri:leɪ], *pedal* ['pedəl], *cylinder* ['sɪlɪndər], *filter* ['fɪltər], *lens* [lenz], *lamp* [læmp], *catalyst* ['kætəlist] не транскрибируются и не транслитерируются, а переводятся на русский язык в соответствии с традицией. К этой же категории можно отнести заимствованные лексемы, имеющие русские аффиксы вместо иностранных: прилагательные *автоматический* от франц. *automatique* (англ. *automatic* [ˌɔ:tə'mætɪk]), *механический* от греч. *mechanikos* (англ. *mechanical* [mɪ'kænikəl]), *электрический* от греч. *electricus* (англ. *electric* [ɪ'lektrɪk]), *дизельный* от

¹ Большой толковый словарь русского языка: А–Я / сост. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

нем. *diesel* (англ. *diesel* ['di:zəl]), существительные *вентиляция* от франц. *ventilation* (англ. *ventilation* [ˌventɪˈleɪʃən]), *трансмиссия* от франц. *transmission* (англ. *transmission* [trænz'mɪʃən])¹. Такой перевод терминов также называется морфологической передачей.

Транслитерация была использована при заимствовании из английского языка таких автомобильных терминов, как: *молдинг* (*moulding*), *дефлектор* (*deflector*), *круиз-контроль* (*cruise control*), *стартёр* (*starter*), *статор* (*stator*), *кроссовер* (*cross-over*), *хэтчбек* (*hatchback*).

К автомобильным терминам, заимствованным из английского языка при помощи транскрибирования, можно отнести лексемы: *бампер* (*bumper*), *рейлинг* (*railing*), *трейлер* (*trailer*), *бустер* (*booster*), *турер* (*tourer*), *клиренс* (*ground clearance*). Очевидно, что эти слова активно используются как профессиональными автомобилистами, так и любителями, поэтому стремятся войти в общеупотребительный пласт лексики русского языка. Однако на данный момент не все из этих лексем фиксируются в современных академических толковых словарях.

М. А. Никулина отмечает, что условием «успешной ассимиляции термина представляется приобретаемая им способность изменяться в соответствии с грамматической парадигмой принимающего языка» [8, с. 105]. Изучая новую экономическую терминологию, исследователь признаёт, что зачастую электронные, печатные СМИ и переводчики используют для экономии времени и усилий транслитерированные термины, а также слова, написанные латиницей, которые в качестве лексических единиц не способны приобрести признаки русских грамматических категорий. Следует отметить, что подобные термины характерны и для современной автомобильной лексики. Например, наименования новых технологий *хэндс фри* (*hands free*), *пушстарт* (*push start*), *ранфлэт* (*run-flat*) формально представляют собой имена

существительные, зачастую употребляются в письменной речи без кавычек, но не приобретают русских грамматических форм. Исключением можно считать только термин-аббревиатуру *АВС* (от англ. *ABS – anti-lock braking system*, нем. *antiblockiersystem*), который является сокращением русской идиомы *антиблокировочная система*, образованной по законам русской грамматики, и транслитерацией английской аббревиатуры. Данную лексическую единицу можно считать удачным примером стандартизации мировой терминологии.

Стоит отметить, что в рекламных текстах, посвящённых автомобилям, часто используются английские аббревиатуры, написанные латиницей: *SUV* (от англ. *sport utility vehicle*), *шины XL* (от англ. *extra load*), *AWD* (от англ. *all-wheel drive*), *4WD* (от англ. *four-wheel drive*), *EBD* (от англ. *electronic brake distribution*), *CVT* (от англ. *continuously variable transmission*), *DSG* (от англ. *direct shift gearbox*), *ESP* (от англ. *electronic stability program*) и др. Некоторые из этих терминов принято считать безэквивалентными, однако они зачастую не могут быть адекватно растолкованы не только обычными пользователями автомобиля, но и специалистами-механиками, поэтому часто в письменной речи сопровождаются дополнительными пояснениями или дефинициями.

Калькированные автомобильные термины

Калькирование – это создание новой лексической единицы путём воспроизведения составных частей иностранного слова или словосочетания с помощью соответствующих элементов языка перевода. При калькировании создаётся новое слово или словосочетание, воспроизводящее структуру исходной лексической единицы.

Выделяются семантические, словообразовательные и синтаксические кальки. Среди автомобильных терминов-семантических калек, т. е. исконно русских слов, получивших новые значения под влиянием английской терминологии, мож-

¹ Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

но назвать следующие: *подвеска* от *suspension*, *ремень* (*газораспределительного механизма / безопасности*) от (*timing / safety*) *belt*, (*тормозной*) *барабан* от (*brake*) *drum*, *впрыск* от *injection*, *крыло* от *wing*.

Автомобильные термины-словообразовательные кальки, т. е. слова с поморфемным переводом, встречаются довольно редко: *глушитель* от *silencer*, *внедорожник* от *offroader*, *отопитель* от *heater*. Однако синтаксическое калькирование как буквальный перевод словосочетаний достаточно распространено: *коробка передач* от *gear box*, *перчаточный ящик* от *glove box*, *дверная карта* от *door card*, *рулевое колесо* от *steering wheel*, *лошадиные силы* от *horsepower*, *лампы головного света* от *headlamps*. Семантическое калькирование подразумевает перенос метафорического значения иностранного словосочетания в русский эквивалент. Такие кальки могут стать терминами или устойчивыми выражениями в русском языке, только если оригинальная метафора очевидна носителям языка-реципиента и не вызывает у них когнитивного «отторжения». Тем не менее в силу своей распространённости данный способ образования новых лексических единиц представляется достаточно продуктивным.

По нашему мнению, к семантическим калькам нельзя относить свободные словосочетания, которые не содержат метафоры в английском языке, например: *бортовой компьютер* от *on-board computer*, *ручной тормоз* от *handbrake*, *ключ зажигания* от *ignition key*, *вакуумный усилитель* от *vacuum booster*, *воздушный / масляный фильтр* от *air / oil filter*, *полноразмерное запасное колесо* от *full size spare tire* и т. д.

Метафорическое переосмысление

Заслуживают внимания некоторые русские автомобильные термины, которые образованы разными способами, но с учётом значения английских эквивалентов путём метафорического переосмысления: *подушка (безопасности)* – (*safety*) *airbag*, (*номерной*) *знак* – (*number*) *plate*, *рычаг (подвески)* – (*suspension*) *arm*, *шаровая опо-*

ра – *ball socket*, *багажник* – *trunk*, *лобовой – front*, *воздуховод* – *airpath*, *капот* – *hood*¹.

Зачастую такие термины на английском языке сами являются метафорами, однако прозрачными остаются компоненты значения, на основе которых осуществляется перенос. Например, в паре (*sparkling*) *plug* – *свеча* (*зажигания*) общей семой является значение продолговатости формы предмета.

Подобные компоненты лексического значения слов-эквивалентов представляются наиболее важными для носителей обоих языков, поэтому они определяют выбор слова для перевода и образования нового переносного значения. По мнению Д. С. Лотте, переводные термины являются удачными и точными, «когда в основу построения их иноязычного прототипа были положены правильные признаки» [5, с. 12]. Такие значения становятся нормативными, т. е. «соответствующими сущности данного социально-исторического явления» [9, с. 219–220], вступающими в иерархические и неиерархические (ассоциативные) отношения с другими терминами [12, с. 39], а следовательно, однозначно понимаемыми как специалистами, носителями профессионального лексикона, так и обычными пользователями автомобиля. Однако однозначность понимания значения не отменяет креативности и национальной маркированности подобных лексем в русском языке, ведь «оригинальное словоупотребление, эффектный, с точки зрения словообразования, семантического сдвига, окказионализм и т. д. могут послужить аналогом для создания “подобного”, становясь прецедентными феноменами» [4, с. 173]. Поэтому, например, когда-то появившийся антропоморфный эквивалент иностранного технического термина в русском языке (*кулак*, *пятка*, *рукав* и т. д.) мог дать старт образованию профессионализмов и жаргонизмов с подобной антропоморфной метафорой: (*сесть на*) *брюхо*, *жрать (масло)*, *мозги* (в значении *электронный блок управления*) и т. д. [2].

¹ Большой англо-русский автомобильный словарь / сост. В. Лесов. СПб.: Б.С.К., 1998. 830 с.

Использование иностранных слов для перевода автомобильных терминов

Ещё одной группой русской автомобильной терминологии являются слова, имеющие международный корень, но являющиеся эквивалентами английских терминов с другим корнем:

- *аккумулятор* от франц. *accumulateur* [аккумулятэсь] – англ. *battery*;
- *генератор* от франц. *générateur* [зенекатэсь] – англ. *alternator*;
- *жиклёр* от франц. *gicleur* [gicleur] – англ. *idle jet*;
- *суппорт* от франц. *support* [сурэ] – англ. *caliper*;
- *кабриолет* от франц. *cabriolet* [кабријэ] – англ. *convertible*;
- *фургон* от франц. *fourgon* [фургон] – англ. *van*;
- *амортизатор* от франц. *amortisseur* [амэртисэсь] – англ. *shock absorber*¹.

От английских слов образованы русские автомобильные термины *сайлентблок* и *стоп-сигнал*. Однако в английском языке соответствующие понятия обозначаются идиомами *rubber bushing* и *brake light*. И даже если предположить, что автомобилист-носитель английского языка может использовать и понимать лексические единицы *silent block* или *stop signal* применительно к данным понятиям, они будут выступать в его речи в роли свободных словосочетаний, а не идиом. Подобные лексические единицы в разных языках можно назвать аналогичными ('similar concepts') в отличие от идентичных понятий ('identical concepts') [13, с. 34–35].

Автомобилистами и механиками иногда используются термины *тюнинг*, *тюнинг-ованный*², которые обозначают заводскую доработку автомобиля. Слово образовано от английского герундия *tuning* 'настройка', который в английской автомобильной терминологии может обозначать исключительно регулировку двигателя. Процесс об-

разования таких терминов можно назвать противоположным процессу образования ложных калек в русском языке, когда иностранное словосочетание переводится буквально, тем самым искажая значение оригинальной лексической единицы.

Заключение

В настоящее время русская автомобильная терминология демонстрирует примеры различных процессов, происходящих в целом с языком. В связи с массовым распространением и доступностью личных автомобилей многие лексемы, ранее относящиеся исключительно к профессионализмам, переходят в разряд общеупотребительных. На наш взгляд, это касается в первую очередь тех терминов, которые начинают наиболее часто употребляться в среде автомобилистов-непрофессионалов в связи с активным развитием и модернизацией соответствующих узлов и агрегатов автомобиля. Например, из-за стремительного усовершенствования автомобильной электроники в речи автолюбителей стали понятными и часто используемыми такие новые термины, как *хэндс фри*, *круиз-контроль*, *пушстарт*, а из-за появления новых элементов кузова современного автомобиля – термины *дефлектор*, *рейлинг*, *молдинг* и др.

Другим заметным процессом является активное пополнение автомобильной лексики за счёт разного рода заимствований из английского языка. Данное явление, по нашему мнению, характерно для многих языков, а заимствованные таким образом слова становятся международной терминологией. С целью лексикографического описания данной группы слов их можно классифицировать по разным признакам: времени возникновения, способам словообразования, этимологии.

На наш взгляд, для анализа процессов, происходящих в живой речевой практике с использованием автомобильной лексики, имеет смысл классифицировать автомобильную терминологию с точки зрения происхождения. Наряду с исконно рус-

¹ Большой англо-русский автомобильный словарь / сост. В. Лесова. СПб.: Б.С.К., 1998. 830 с.

² Стернин И. А., Шаламова Э. В. Русская разговорная автомобильная лексика. Словарь. Воронеж: Истоки, 2016. 64 с.

скими словами в ней активно развивается и пополняется пласт заимствованной лексики. Стоит отметить, что до возникновения автомобилестроения как отрасли промышленности технические термины заимствовались преимущественно из немецкого и французского языков [7, с. 150]. Время массового распространения автомобильного транспорта в XX в. совпало со временем превращения современного английского языка в язык международного общения, что объясняет значительный рост англицизмов в автомобильной лексике разных языков и превращение их в международные термины.

Нами были выделены автомобильные термины, заимствованные из современно-

го английского языка в виде транскрибирований, транслитераций, семантических калек и метафорических переосмыслений. Данный материал намечает перспективы исследования русской автомобильной терминологической номинации, вносит вклад в практику лексикографического описания автомобильной терминологии, может стать основой для классифицирования её по происхождению и способам словообразования. Представленные языковые примеры могут быть использованы при обучении английскому языку для специальных целей [3, с. 5], терминоведению и методике перевода.

Статья поступила в редакцию 14.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатникова Е. Н. Концепты *лошадь* и *автомобиль* в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 23 с.
2. Гимаев Я. А. Особенности актуализации концепта *машина* в современном русском языковом сознании // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. Вып. III. М.: Московский государственный областной университет, 2015. С. 48–52.
3. Комарова А. И. Теория и практика изучения языка для специальных целей: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: 2013. 12 с.
4. Леденёва В. В. Норма как мерило лингвокреативности // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. С. 167–176.
5. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 152 с.
6. Мусина Г. Ф. Заимствования в технической терминологии русского языка // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: труды и материалы международной конференции, Казань, 6–7 декабря 2022 г.: в 2 т. Т. 1. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2022. С. 91–92.
7. Мусина Г. Ф. Иностранное заимствование в научно-технической терминологии русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–3 (78). С. 149–151.
8. Никулина М. А. Особенности становления и развития русскоязычных терминологических систем «нового времени» (на примере терминосистемы рыночной экономики) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 13 (842). С. 102–115.
9. Ожегов С. И. Очередные вопросы культуры речи // Основы культуры речи: хрестоматия / сост. Л. И. Скворцов. М.: Высшая школа, 1984. С. 213–231.
10. Позднышева И. Н. Сопоставительный анализ автомобильных терминосистем в английском, французском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 23 с.
11. Темнова (Шаламова) Э. В. Специальная лексика в современном русском языке: состав, функционирование, тенденции развития (на примере автомобильной лексики). М.: Мир науки, 2022. 186 с.
12. Brenes P. Terminology for Beginners: Ebook [Электронный ресурс]. URL: <http://inmyownterms.com/wp-content/uploads/2017/06/TERMINOLOGY-eBOOK.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).
13. Dury P. Terminology and Specialized Translation: The Relevance of the Diachronic Approach // LSP and Professional Communication. 2005. Vol. 5. № 1. P. 31–41.
14. Kobyskan A. S., Yakovleva E. Ya., Irnanazarov E. The Relevant Problems of Russian Lexicology: The Motorsport Corporate Sublanguage // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS:

Humanistic Practice in Education in a Postmodern Age (HPEPA 2019). Vol. 93, Уфа, 15–16 ноября 2019 г. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2020, P. 526–535.

REFERENCES

1. Bulatnikova E. N. *Koncepty loshad' i avtomobil' v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Concepts of Horse and Car in Russian: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 2006. 23 p.
2. Gimaev Ya. A. [Features of the Actualization of the Concept Machine in modern Russian Linguistic Consciousness]. In: *Russkij yazyk v slavyanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnyh trudov. Vyp. III* [Russian Language in Slavic Intercultural Communication: History and Modernity: Collection of Scientific Works. Iss. III]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2015, pp. 48–52.
3. Komarova A. I. *Teoriya i praktika izucheniya yazyka dlya special'nyh celej: avtoref. dist. ... dok. filol. nauk* [Theory and Practice of Language Learning for Special Purposes: Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2013. 12 p.
4. Ledeneva V. V. [Norm as a Yardstick of Linguocreativity]. In: *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity], 2022, no. 2, pp. 167–176.
5. Lotte D. S. *Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnyh terminov i terminoelementov* [Issues of Borrowing and Organizing Foreign Language Terms and Term Elements]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 152 p.
6. Musina G. F. [Borrowings in the Technical Terminology of the Russian Language]. In: *Nauchnoe nasledie V. A. Bogorodickogo i sovremennyy vektor issledovanij Kazanskoj lingvisticheskoy shkoly: trudy i materialy mezhdunarodnoj konferencii, Kazan', 6–7 dekabrya 2022 g. T. 1* [Scientific Heritage of V. A. Bogoroditsky and the Modern Vector of Research of the Kazan Linguistic School: Proceedings and Materials of the International Conference, Kazan, December 6–7, 2022. Vol. 1]. Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University Publ., 2022, pp. 91–92.
7. Musina G. F. [Foreign Loan Words in the Scientific and Technical Terminology of the Russian Language]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2017, no. 12–3 (78), pp. 149–151.
8. Nikulina M. A. [Specific Features of Evolution of Modern Russian Terminology (On the Example of Terminology of Market Economy)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2020, no. 13 (842), pp. 102–115.
9. Ozhegov S. I. [Next Issues of Speech Culture]. In: Skvorcov L. I., ed. *Osnovy kul'tury rechi* [Fundamentals of Speech Culture]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1984, pp. 213–231.
10. Pozdnysheva I. N. *Sopostavitel'nyj analiz avtomobil'nyh terminosistem v anglijskom, francuzskom i russkom yazykah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Comparative Analysis of Automotive Terminology Systems in English, French and Russian: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2007. 23 p.
11. Temnova (Shalamova) E. V. *Special'naya leksika v sovremennom russkom yazyke: sostav, funkcionirovanie, tendencii razvitiya (na primere avtomobil'noj leksiki)* [Special Vocabulary in the Modern Russian Language: Composition, Functioning, Development Trends (Using the Example of Automotive Vocabulary)]. Moscow, Mir nauki Publ., 2022. 186 p.
12. Brenes P. Terminology for Beginners: Ebook. Available at: <http://inmyownterms.com/wp-content/uploads/2017/06/TERMINOLOGY-eBOOK.pdf> (accessed: 21.08.2023).
13. Dury P. Terminology and Specialized Translation: The Relevance of the Diachronic Approach. In: *LSP and Professional Communication*, 2005, vol. 5, no. 1, pp. 31–41.
14. Kobyskan A. S., Yakovleva E. Ya., Irnanazarov E. The Relevant Problems of Russian Lexicology: The Motorsport Corporate Sublanguage. In: *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS: Humanistic Practice in Education in a Postmodern Age (HPEPA 2019), vol. 93, Ufa, November 15–16, 2019*. Ufa, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully Publ., 2020, pp. 526–535.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гимаев Ян Айратович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: yan094@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yan A. Gimaev – Cand. Sci. (Philological Sciences), Senior Lecturer, Department of English for Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: yan094@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гимаев Я. А. К вопросу о происхождении состава автомобильной терминологии, заимствованной из английского языка, в современном русском языке // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 36–44.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-36-44

FOR CITATION

Gimaev Ya. A. On the Issue of the Origin of the Composition of Automotive Terminology Borrowed from English in the Modern Russian Language. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2, pp. 36–44.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-36-44

УДК 378(37.013)

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-45-54

ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛА И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ СМЫСЛЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Грекова О. К.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление логико-семантических запретов реализации общефактического значения (ОФЗ) русских глаголов.

Процедура и методы. Осуществлено диагностическое наблюдение за современной разговорной речью с фиксацией речевого материала и последующим логико-семантическим и синтаксическим анализом.

Результаты. В сфере количественности выявлены два запрета логико-семантического характера на реализацию ОФЗ в простом предложении; в разговорной речи оно не реализуется: а) при партитивной характеристике объекта; б) при пересчёте объектов. Создана объяснительная модель языкового явления (для сферы РКИ).

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты расширяют представления об особенностях употребления глаголов ОФЗ в речи. Полученные языковые и речевые факты привели к созданию их объяснительной модели для курсов РКИ – синтаксического, разговорной речи и двустороннего перевода, что способствует формированию коммуникативной компетенции иностранных учащихся уровней владения языком В1–В2–С1.

Ключевые слова: глагол, количественные смыслы, общефактическое значение, простое предложение, русский язык как иностранный

GENERAL FACTUAL VERBAL MEANING AND QUANTITY MEANINGS OF THE SIMPLE SENTENCE

O. Grekova*Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the logical-semantic restrictions for implementing the general factual meaning (GFM) of Russian verbs.

Methodology. A diagnostic observation of modern spoken speech was carried out alongside with the registering of speech material and subsequent logical-semantic and syntactic analysis.

Results. In the quantity sphere two logical-semantic restrictions for using GFM in the simple sentence are detected: 1) in partitive characteristic of the object; 2) in counting the objects. The explanatory model of these language phenomenon for the “Russian as a foreign language” (RFL) courses is created.

Research implications. Gained results widen the knowledge of peculiarities of using the verbs in GFM in speech. Gained language and speech facts have led to creation of explanatory model for several RFL courses – Syntax, Colloquial Speech and Bilingual Translation, which contributes to forming the communicative competence of foreign students at Russian Acquisition Levels B1-B2-C1.

Keywords: verb, quantitative meanings, general factual meaning, simple sentence, Russian language as a foreign language

Введение

Аспектуальные значения современного русского языка активно обсуждаются в российской и зарубежной лингвистике в разных ракурсах. Их систематизация представляет собой такую же важную задачу, как и выработка лингводидактических принципов их представления в иноязычной аудитории учащихся. Статья посвящена проблемам функционирования в современной разговорной речи одного из аспектуальных значений – общефактического значения (ОФЗ). Оно является одним из значений, прагматический потенциал которых в современной речи постоянно нарастает. В наше время выделено более 10 типовых ситуаций реализации этого значения, однако ограничения в его употреблении исследованы недостаточно.

Расширение существующего представления об общефактическом аспектуальном значении, исчисление ограничений его выражения в современной речи являются целью настоящего исследования, важной как для фундаментального курса русского языка, так и для курса функционального.

Цель исследования – описать позицию ОФЗ в системе аспектуальных значений в соотношении с количественными смыслами русского простого предложения. Данная цель связана с решением следующих **задач**:

– выявить логико-семантические запреты реализации ОФЗ в простом предложении;

– на основе анализа учебных материалов в области РКИ (главным образом созданных в МГУ им. М. В. Ломоносова) адекватно определить подготовленность иностранных учащихся в сфере количественных смыслов русского языка и возможность предлагаемой нами объяснительной модели для учащихся-филологов уровней В1–В2–С1;

– создать объяснительную модель ограничений реализации ОФЗ в речи для курсов РКИ – синтаксического, разговорной речи и двустороннего перевода.

Методологическим основанием работы являются аспектологические труды Ю. С. Маслова, М. А. Шелякина, А. В. Бондарко, Е. В. Падучевой, М. Я. Гловинской, А. Вежбицкой, Н. С. Авиловой, А. Д. Шмельёва, Е. В. Петрухиной, В. С. Храковского, А. М. Ломова, Б. Комри, С. М. Дики и других известных лингвистов. В названных трудах русский глагол рассматривается и в системе языка (с применением так называемых диагностических контекстов) и в дискурсивной деятельности с учётом позиции говорящего.

Для достижения поставленной цели применялись следующие методы:

– метод диагностического наблюдения за современной разговорной речью с выявлением ситуаций реализации ОФЗ;

– метод анализа ошибок иностранных учащихся, а также носителей языка при реализации ОФЗ в разговорной речи.

Для решения заявленных задач:

– были отобраны источники звучащей разговорной речи: неподготовленная речь носителей языка разного возраста в социально-бытовой сфере; речь носителей языка в радиопрограммах и телепрограммах; речь иностранных учащихся, неподготовленная и подготовленная;

– были зафиксированы 200 прозвучавших монологов, диалогов и полилогов;

– были проанализированы ошибочные (с аспектуальной точки зрения) высказывания иностранных учащихся, а также носителей языка.

Место общефактического значения в аспектуальной системе современного русского языка

Аспектуальность в русском языкознании понимается как совокупность характеристик типа протекания, распределения во времени действия или состояния. Представляя собой одну из зон смысловой организации предложения, аспектуальность рассматривается как функционально-семантическая категория, объединяющая разноуровневые языковые средства выражения: видовременную форму гла-

гола, лексические неглагольные конституенты (наречия, как *иногда, нередко, долго, однажды*; наречные сочетания, как *чаще всего, дольше всего*; предложно-падежные и иного рода сочетания, как *по пятницам, каждый год, три раза в месяц*), синтаксическую структуру предложения.

Исследование аспектуальных значений русского языка имеет долгую историю.

В настоящее время выделяются следующие основные аспектуальные значения: повторяемость – однократность, процесс – мгновенность, общий факт – перфектность / завершённость / результативность.

Обнаружены также сопутствующие аспектуальные значения: приступ к действию – общая необходимость действия; аннулированный результат действия – сохранённый результат действия; приглашение / вежливая просьба – приказ; просьба / требование / приказ – предостережение и другие. Однако исследование видовой проблематики далеко не завершено.

Овладение употреблением аспектуальных значений иностранными учащимися представляет собой одну из основ формирования их коммуникативной компетенции, позволяет как воспринимать речь, так и порождать её.

Изучение аспектуальных значений является важным для иностранных учащихся хотя бы потому, что в ряде случаев аспектуальные смыслы выражаются только видовой формой глагола, как, например, в следующем диалоге:

- *Её надо отпустить.*
- *Прямо сейчас ты готов?*
- *Конечно. Срок задержания истёк, да и не виновна она.*
- *Нет* (ГТРК «Культура», 30.07.22).

В первой реплике говорящий передаёт идею срочности, приступа к действию только через форму несовершенного вида глагола *отпустить*. Понимание идеи собеседником выражено сочетанием *прямо сейчас*. Использование в первой реплике формы совершенного вида *отпустить* привело бы к выражению идеи общей необходимости и отсутствия срочности совершения действия.

По этой и ряду других причин аспектуальные смыслы современного русского языка необходимо представить как систему не только в общем курсе РКИ, но и в курсе двустороннего перевода.

Общефактическое значение глагольной формы занимает особое место в системе аспектуальных значений, поскольку оно является только бытийным, или экзистенциальным, и передаёт смысл `было / не было`, не сообщая, в отличие от других аспектуальных значений, никаких характеристик типа протекания действия или состояния. Так, в предложении *Районный депутат уже принимал население* речь идёт только о реализации действия *принимать население* без уточнения его продолжительности, однократности или повторяемости, достижения результата и проч. Известным диагностическим контекстом для утверждения наличия именно этого аспектуального значения является бытийное предложение следующей структуры: *У районного депутата уже был приём населения*.

Таким образом, семантические особенности ОФЗ позволяют считать его некой точкой отсчёта аспектуальной системы, другими словами, своего рода условным аспектуальным нулём [4, с. 290–295].

В этой связи отдельным вопросом является методический вопрос о последовательности предъявления аспектуальных значений русского предложения на занятиях РКИ. Эта последовательность разная в разных учебных пособиях данной сферы. В ряде изданий ОФЗ считается наименее важным и даётся одним из последних. Отрядным явлением можно считать безотлагательное предъявление ОФЗ в первом уроке учебника русского языка для иностранных студентов-филологов «Университет. Ступень 1»¹.

В 2003 г. были опубликованы данные о 10 типовых ситуациях реализации ОФЗ в русской разговорной речи [3, с. 4–12].

¹ Красильникова Л. В., Маркова В. А., Балдина Е. В. Университет. Ст. 1. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Первый год обучения. М.: МАКС ПРЕСС, 2019. С. 28–33.

Данная же работа посвящена препятствиям реализации в речи ОФЗ.

Для достижения названной выше цели исследования был подобран корпус примеров речений в диалогической и монологической форме. Они включали глагольные предикаты в форме прошедшего времени несовершенного вида, реализующие ОФЗ.

Количественные смыслы простого предложения

Для достижения цели настоящего исследования методологически важно определить, насколько инофоны готовы к восприятию предлагаемой нами объяснительной модели выявляемых запретов на выражение ОФЗ, поэтому мы кратко охарактеризуем этапы подготовки иностранных учащихся к восприятию нужной лингводидактической информации.

Количественные смыслы вводятся в обиход иностранных учащихся ещё на начальном этапе обучения.

В учебном пособии «Русский язык для начинающих»¹ в главе, посвящённой значениям форм родительного падежа, имеется раздел «Родительный падеж, передающий владение, обладание и **часть целого**», где приводятся иллюстрации: *Улица города. Лаборатория университета. Стакан чая.*

В учебном пособии «Падежи! Ах, падежи! Сборник упражнений по глагольному управлению»² для среднего и продвинутого этапа обучения представлен раздел «Весь предмет или часть предмета», включающий противопоставления типа: *Возьми молоко. – Возьми молока. Нарезь (весь) сыр. – Нарезь (немного) сыра. Салат мы съели (весь). – Салата мы уже поели (некоторую часть, немного).*

В комментарии отмечается, что вещественные существительные в сочетании с глаголами СВ используются в винительном падеже, если говорится о чём-либо опре-

делённом (вид предмета, количество чего-либо или охват всего предмета). Эти существительные в сочетании с глаголом СВ используются в родительном падеже, если говорится о части, неполноте предмета, мере количества, о чём-либо неопределённом.

Ряд особенностей взаимодействия однородных и разнородных смыслов в составе предложения детально рассмотрены Л. О. Чернейко [13]. Названная работа значительно продвигает вперёд исследования, подобные нашему, открывая новые перспективы.

При переходе иностранных учащихся с одного уровня владения языком на другой в МГУ им. М. В. Ломоносова используются разные учебные пособия, многие из которых включают учебный материал по отношениям партитивности. Например, в учебном пособии по языку специальности «Филология. Лингвистика. Литературоведение» для иностранных магистрантов-лингвистов, «Коммуникативный синтаксис русского языка»³, обеспечивающем учебную программу «Русский язык и культура в современном мире», имеется глава «Обозначение партитивности (состав предмета)». В ней в развёрнутом виде представлен обширный перечень языковых средств обозначения партитивности и учтены интенции говорящего с двумя противоположными векторами описания: от предмета к составляющим и от составляющих к предмету.

Другими словами, количественные смыслы (и конкретно отношения части и целого) сопутствуют овладению иностранными учащимися русским языком на разных этапах обучения. И для этого есть вполне определённые причины.

Понятие количества, как и качества, принадлежит к основополагающим представлениям о мироустройстве. Существуют количественные характеристики двух типов:

¹ Овсиенко Ю. Г. Русский язык для начинающих: учебник (для говорящих на английском языке). М.: Русский язык, 1999. С. 139.

² Кузьмич И. П., Лариохина Н. М. Падежи! Ах, падежи! Сборник упражнений по глагольному управлению. М.: Русский язык – Курсус, 2007. С. 18–21.

³ Баландина Н. В., Грекова О. К., Киржанова С. В. и др. Коммуникативный синтаксис русского языка: учебное пособие для иностранных магистрантов-лингвистов / под ред. О. К. Грековой, Л. В. Красильниковой, И. В. Одиной. М.: МАКС ПРЕСС, 2018. С. 83–102.

а) исчислимое (*Прошло два дня*);

б) измеримое (*Фундамент длиной 3 метра*).

«Всякое количество есть множество, если оно исчислимо, величина – если измеримо», – утверждал Аристотель [1, с. 164–166].

Количественные смыслы русского языка, как и других славянских языков, многочисленны и разнообразны. Нас они интересуют потому, что среди них обнаруживаются два типа:

1) совместимые с ОФЗ;

2) не совместимые с ОФЗ.

Количественные смыслы могут быть свойственны разным частям речи:

– наречиям, как *дважды, однажды*;

– глаголам, как *сживать, захаживать, приближаться*;

– существительным, как *повтор, повторение, воспроизведение*;

– прилагательным, как *повторный, длинный, долгий*.

Иногда то или иное количественное значение можно с уверенностью приписать одному слову или форме слова, иногда – только сочетанию слов (*один раз, во второй раз, два раза в неделю*) или предложению. Например, в *Я выясню это в одну минуту* значение измеримого (в виде значения точечности, мгновенности) безусловно свойственно словосочетанию *в одну минуту*, но также и глагольной форме СВ *выясню*.

В *Он долго смотрел на нас* значение измеримого (в виде значения процесса) свойственно наречию *долго*, но также и глагольной форме НСВ *смотрел*.

Количественные характеристики могут касаться разных участников изображаемой ситуации и разных их признаков. Это может быть количественный признак:

а) субъекта (*Оба брата заканчивали московскую консерваторию*);

б) объекта (*Говорят, читать сразу две книги – редкость. – А Бродский читал две книги одновременно*);

в) локализации действия или состояния (*Он играл в крупнейших концертных залах мира*).

Нередко также и совмещение нескольких количественных характеристик в одном предложении, как в *Он расставлял новые трактиры по трактам, и ямщики с седоками не объезжали их стороной* (М.-Печерский). Здесь количественная характеристика множественности касается и дополнения *трактиры*, и обстоятельство места *по трактам*. А также и группы подлежащего второй части предложения *ямщики с седоками*.

Надо отметить, что представления о той или иной количественной характеристике неразрывно связаны с сущностью описываемого предмета.

Рассуждая о понятиях *длинный, близкий*, К. Берка [2, с. 13–14] в первую очередь характеризует объекты физического, материального мира (хотя объекты могут быть как материальными, так и нематериальными: *длинное платье – длинный день, близкий дом – близкий час суда* (примечание наше. – О. Г.)). Лингвистический же объект, в нашем случае это действия и состояния, по ряду свойств существенно отличается от объекта физического. Физика описывает определённый по форме и материалу постоянный объект (например, металлический брусок) и его постоянные и переменные характеристики, такие как длина, ширина, температура, твёрдость и т. д.

Лингвистический же объект (в нашем случае – действие, состояние) обладает не только переменными параметрами (продолжительность, кратность воспроизведения, мера или степень проявления), но и переменчивой сущностью: одно и то же действие по желанию говорящего может быть представлено как количественно не охарактеризованным (*На прошлой неделе депутат принимал население*), так и охарактеризованным либо с точки зрения длительности (*На прошлой неделе депутат принимал население 4 часа*), либо по количеству объектов, охваченных действием (*Депутат принял на прошлой неделе 14 жителей*), либо по кратности воспроизведения (*На прошлой неделе депутат*

принимал население, как всегда по средам и пятницам, с четырёх до семи).

Переменчивость лингвистического объекта выражается также и в том, что одно и то же понятие (действие, состояние) может выступать то метрическим (*Он читал пьесу два дня* – действие обладает протяжённостью, выраженной в числах), то неметризованным, не подверженным измерению (*Режиссёр читал пьесу в первый раз* – действие представлено как первый элемент воображаемого множества, т. е. возможно, что он прочтёт и во второй раз).

Ещё одна аспектуально релевантная особенность лингвистического объекта описания: количественные характеристики этого объекта являются в то же время его неотъемлемым качественно характеризующим свойством. Например, действие *думать*, *читать* обладает протяжённостью (*долго думать*, *читать*), а действия *предъявлять билет*, *ставить печать на документ* не могут обладать протяжённостью (**долго предъявляет билет*, *ставит печать на документ*). Исключение возможно лишь в случае субъективно-оценочной трактовки сообщаемой информации. Возможность быть протяжённым – это качество данного действия или состояния, характеристика его внутренней структуры. В предложении *Архитектура здания очень выиграла от этих элементов* глагол *выигрывать / выиграть* реализует возможность градуации признака. В предложении *Она дослушала до конца из вежливости* терминативный глагол выражает меру осуществления действия.

Аспектуальная категоризация русских глаголов была целью исследований таких учёных, как В. В. Виноградов, А. В. Бондарко, М. А. Шелякин, Р. Дерст-Андерсен, Е. С. Кубрякова, Т. В. Булыгина, О. Н. Селиверстова, Х. Р. Мелиг, Ю. Д. Апресян и др.

Широкое описание состояния разработки аспектуально релевантной семантической классификации русских глаголов и её актуальной проблематики представлено в работах Е. В. Петрухиной [5, с. 20–32; 8; 9]. В настоящее время ею разрабатывается

также интерпретация видовых различий на общеславянском фоне [7], особенности аспектуальной деривации [10], аспектуальные модели нарратива, доминанты и дискурсивные варианты языковой интерпретации [11].

Мы видим, что количественные значения проявляются на разных языковых уровнях – и на уровне слова, и на уровне словосочетания, и на уровне предложения.

Основной единицей, анализируемой в данной работе, является предложение – простое предложение с предикатами действия и состояния.

Действие мы понимаем как то, что предполагает изменение во времени, требует усилий и притока энергии. Состояние – как то, что имеет стабильный, неразвивающийся характер. В отличие от качества оно не бывает постоянной характеристикой предмета, его неизменным отличительным признаком [14, р. 13].

Перечисленное выше позволяет считать, что иностранные учащиеся (особенно обучавшиеся по учебным материалам, изданным в РФ) знакомы с основными количественными смыслами русского языка и таким образом подготовлены к восприятию предлагаемых ниже объяснительных моделей ограничений реализации ОФЗ в речи. Хотим заметить, что понятия разных объяснительных теорий и объяснительных моделей появились в трудах аспектологов достаточно поздно (например, см. [6]), а прежде предложенные известными лингвистами теории считались, скорее, единственно возможными и непогрешимыми.

Логико-семантические ограничения реализации ОФЗ в современной разговорной речи

ОФЗ и партитив. Формантами аспектуальной характеристики русского простого предложения являются не исключительно глагольные формы, но также, в некотором отношении, и субъект, и объект действия. Аспектологами уже было отме-

чено, что «семантический признак объектности / безобъектности также выступает как опосредованно релевантный для выделения аспектуальных классов глагола» [5, с. 31]. Нам также близок подход А. В. Уржи, рассматривающей относительно так называемых частных видовых значений то, что она называет их функциональными спутниками в контекстах [12]. В нашем случае функциональным спутником глагола в ОФЗ является объект действия.

На наш взгляд, количественные характеристики объекта могут быть столь же релевантны, сколь и аналогичные характеристики действия, при выражении определённых аспектуальных значений. Для курсов РКИ (таких как синтаксис, практика разговорной речи, двусторонний перевод) важен вопрос о том, с какими из них несовместима реализация ОФЗ.

Прежде всего, общефактическое значение в большинстве случаев несовместимо с партитивов объектом: *Зачем она приходила? – Воду приносила* (но не: **Воды приносила*), *Деньги приносила* (но не: **Денег приносила*).

Показательны также и более сложные способы обозначения партитивности: *Зачем она приезжала? – Тёплую одежду привозила. Молоко детям завозила. Книги дочке передавала* (но не: **Немного тёплой одежды привозила. *Немного молока завозила. *Несколько книг дочке передавала*). *Зачем она приходила? – Цветы приносила* (но не: **Больше цветов приносила. *Ещё цветов приносила*).

Кажется удачной идея, весьма популярная в сфере РКИ, рассматривать соответствующую лексику как средство задания ограничений на применение правил и реализацию конструкций, представляя её в виде списков слов. В нашем случае это: *немного, несколько, больше, ещё*. При этом можно было бы отказаться от принципа, принятого в «Русской грамматике» 1980 г. издания, предполагающего трёхуровневую иерархию категорий: части речи, лексико-грамматические разряды, семантические разряды. Большой наглядности грамматического описания подсистем в целях преподавания РКИ можно достичь, в частности,

переходом от иерархии лексико-грамматических и семантических разрядов к гибкой системе семантических оппозиций, основанных на определённых признаках.

Наши диагностические контексты включают глаголы, способные употребляться как с винительным падежом целостности, так и с родительным падежом партитивности: *приносить* что / чего, *привозить* что / чего, *завозить* что / чего, *оставлять* что / чего, *передавать* что / чего, *закидывать* что / чего (разг.). Здесь глаголы реального физического движения сочетаются с обозначениями физических объектов.

В то же время другие аспектуальные значения не чужды партитиву объекта: *Она читала полглавы в день* (повторяемость + партитив); *Она долго читала эту оставшуюся, полуобгоревшую половинку письма* (В. Астафьев) (процессность + партитив); *Она уже прочитала полглавы* (завершёность, результативность + партитив); *Она прочитала полромана и может вам рассказать* (перфектность + партитив) и т. д.

Партитив, на наш взгляд, является бесспорной количественной характеристикой объекта. Если, как мы выяснили, все аспектуальные значения сопрягаются с ним, а общефактическое значение (исключающее количественные характеристики) не сопрягается, значит, все прочие аспектуальные значения в том или ином смысле количественны, как и партитив. Это ещё раз наводит на мысль о том, что количественность может претендовать на роль инварианта видового противопоставления русского глагола.

ОФЗ и иные количественные характеристики объекта. Не только количественное значение партитива объекта, но и иные количественные характеристики объекта, дополнения могут являться препятствием реализации ОФЗ. Сравните:

[1] а) *Я уже читала книги этого писателя.* Но не

б) **Я уже читала 5 книг этого писателя.* При возможности иного порядка слов: *5 книг этого писателя я уже читала, остальные нет.* Здесь существенно противопоставление *5 книг – остальные*.

[2] а) *Мы уже видели находки этой экспедиции. Но не*

б) **Мы уже видели 10 находок этой экспедиции. При возможности иного порядка слов: 10 находок этой экспедиции мы уже видели, зимой сможем увидеть остальные. В этом случае существенно противопоставление 10 находок – остальные.*

[3] а) *Все уже видели по телевизору членов этой банды. Но не*

б) **Все уже видели по телевизору 6 членов этой банды. При возможности иного порядка слов: 6 членов этой банды по телевизору все уже видели, возможно, покажут и остальные. В этом случае существенно противопоставление 6 членов – остальные.*

[4] а) *Она и раньше получала от него смс. Но не*

б) **Она и раньше получала от него 10 смс. При возможности перехода количественной характеристики дополнения в количественную характеристику обстоятельства образа действия: Она и раньше получала от него 10 смс в день.*

[5] а) *Нина уже играла сонаты Бетховена в своих концертах. Но не*

б) **Нина уже играла 2 сонаты Бетховена в своих концертах. При возможности иного порядка слов: Нина уже 2 сонаты Бетховена играла в своих концертах! (выражается положительная оценка мастерства субъекта) или Нина уже играла в своих концертах 2 сонаты Бетховена, возможно, будет играть и другие его сонаты (здесь существенно противопоставление 2 сонаты – другие сонаты).*

Заметим, что в приведённых примерах значительную роль играют интонация и местоположение интонационного центра.

Можно видеть, что при интенции говорящего сообщить о том, что действие или состояние имело место, он не приписывает объекту количественных характеристик. Это следует учитывать иностранным учащимся при реализации ОФЗ в устной и письменной речи.

В реализации ОФЗ есть также ограничения другого типа, лежащие вне поля количественности, но они находятся за рамками заявленной темы.

Заключение

В поле количественности нами выявлены два ограничения реализации ОФЗ в речи. Оно не сочетается: 1) с партитивным значением объекта; 2) с иными количественными характеристиками объекта, с пересчётом объектов.

Данные ограничения выражения ОФЗ в современной русской речи, как и иного аспектуального значения предложения, следует довести до сведения иностранных учащихся. Предъявление инофонам контекстуальных запретов, релевантных при выражении ОФЗ, должно следовать непосредственно за обсуждением 10 типовых ситуаций выражения ОФЗ, но не предшествовать ему.

Предлагаемая в данной работе лингводидактическая объяснительная модель явления может использоваться в разных кластерах учащихся уровней владения русским языком В1–В2–С1.

Обсуждаемый в настоящей статье языковой и речевой материал будет способствовать коммуникативному успеху иностранных учащихся в современных дискурсивных процессах на русском языке.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика. Книга 5 // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / под ред. В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1976. С. 145–179.
2. Берка К. Измерения. Понятия, теории, проблемы / пер. К. Н. Иванова. М.: Прогресс, 1987. 386 с.
3. Грекова О. К. Общий ли факт, или Практические заметки-3 о выборе глагольного вида // Слово. Грамматика. Речь: сборник научно-методических статей по вопросам преподавания русского языка как иностранного. Т. 5. М.: Московский университет, 2003. С. 4–12.
4. Грекова О. К. Очерки современной русской функциональной аспектологии: в 2 кн. Кн. 2. М.: МАКС ПРЕСС, 2022. 376 с.
5. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке: в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Московский университет, 2004. 255 с.

6. Петрухина Е. В. Объяснительная теория славянского глагольного вида // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2009. № 5. С. 111–127.
7. Петрухина Е. В. Интерпретация видовых различий между русским, чешским и словенским языками // *Slavistična Revija*. 2019. Т. 67. № 1. С. 31–49.
8. Петрухина Е. В. О дискуссионных вопросах славянской аспектологии с типологической точки зрения // *Cuadernos de Rusistika Espanola*. 2021. № 17. Р. 15–33.
9. Петрухина Е. В. Идиоэтническая семантика аспектуальных моделей в русском языке на славянской фоне // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей V Международного симпозиума, включённого в программу Международного фестиваля «Великое русское слово», Симферополь, 8–12 июня 2021 г.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. Я. Титаренко. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2021. С. 65–71.
10. Петрухина Е. В. Особенности аспектуальной деривации в русском языке (на славянском фоне) // *Јужнословенски филолог*. 2023. Т. 79. № 2. С. 11–22.
11. Петрухина Е. В. Аспектуальные модели нарратива в русском и чешском языках: доминанты и дискурсивные варианты языковой интерпретации // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2023. № 4. С. 57–67.
12. Уржа А. В. Функциональные спутники настоящего исторического в русских переводах нарративных текстов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 1. С. 76–94.
13. Чернейко Л. О. Асимметричный языковой знак в речи: к вопросу о взаимодействии смыслов в разных условиях их реализации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2012. № 2. С. 7–41.
14. Comrie B. *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 302 p.

REFERENCES

1. Aristotle. *Metaphysics* (Rus. ed.: Asmus V. F., ed. *Metafizika*. In: Aristotle. *Sochineniya*. T. 1 [Essays. Vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1976, pp. 145–179).
2. Berka K. *Měření. Pojmy, teorie a problémy* (Rus. ed.: Ivanov K. N. *Izmereniya. Ponyatiya, teorii, problemy*. Moscow, Progress Publ., 1987. 386 p.).
3. Grekova O. K. [Is it a General Fact, or Practical Notes-3 on the Choice of Verb Form]. In: *Slovo. Grammatika. Rech': sbornik nauchno-metodicheskikh statej po voprosam prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo*. T. 5 [Slovo. Grammar. Speech: A Collection of Scientific and Methodological Articles on Teaching Russian as a Foreign Language. Vol. 5]. Moscow, Moscow University Publ., 2003, pp. 4–12.
4. Grekova O. K. *Ocherki sovremennoj russkoj funkcional'noj aspektologii*. Kn. 2 [Essays on Modern Russian Functional Aspectology. Bk. 2]. Moscow, MAKS PRESS Publ., 2022. 376 p.).
5. Petrukhina E. V. *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke: v sopostavlenii s cheshskim, slovackim, pol'skim i bolgarskim yazykami* [Aspectual Categories of the Verb in the Russian Language: In Comparison with the Czech, Slovak, Polish and Bulgarian Languages]. Moscow, Moscow University Publ., 2004. 255 p.
6. Petrukhina E. V. [Explanatory Theory of the Slavic Verbal Form]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Episode 9: Philology], 2009, no. 5, pp. 111–127.
7. Petrukhina E. V. [Interpretation of Aspect Differences between Russian, Czech and Slovenian]. In: *Slavistična Revija*, 2019, vol. 67, no. 1, pp. 31–49.
8. Petrukhina E. V. [On Some Debatable Issues in Slavic Aspectology from a Typological Perspective]. In: *Cuadernos de Rusistika Espanola*, 2021, no. 17, pp. 15–33.
9. Petrukhina E. V. [Idioethnic Semantics of Aspectual Models in the Russian Language on a Slavic Background]. In: *Russkij yazyk v polikul'turnom mire: sbornik nauchnykh statej V Mezhdunarodnogo simpoziuma, vkluychyonnogo v programmu Mezhdunarodnogo festivalya "Velikoe russkoe slovo", Simferopol', 8–12 iyunya 2021 g. T. 1* [Russian Language in a Multicultural World: A Collection of Scientific Articles of the V International Symposium, included in the Program of the International Festival "Great Russian Word", Simferopol, June 8–12, 2021]. Simferopol, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky Publ., 2021, pp. 65–71.
10. Petrukhina E. V. [Features of Aspectual Derivation in the Russian Language (On a Slavic Background)]. In: *Juzhnoslovenski filolog* [Uzhnoslovenski Philologist], 2023, vol. 79, no. 2, pp. 11–22.
11. Petrukhina E. V. [Aspectual Narrative Models in Russian and Czech: dominants and discursive variants

- of linguistic interpretation]. In: *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2023, no. 4, pp. 57–67.
12. Urzha A. V. [Functional ‘Satellites’ of Praesens Historicum in Russian Translated Narratives]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], 2015, no. 1, pp. 76–94.
 13. Cherneiko L. O. [An Asymmetric Linguistic Sign in Speech: Towards the Question of Interaction of Meanings under Different Conditions of Their Realization]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], 2012, no. 2, pp. 7–41.
 14. Comrie B. *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge, Cambridge University Press, 1976. 302 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грекова Ольга Константиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: olggre@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga K. Grekova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Russian for Foreign Students, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: olggre@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Грекова О. К. Общефактическое значение глагола и количественные смыслы простого предложения // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 45–54.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-45-54

FOR CITATION

Grekova O. K. General Factual Verbal Meaning and Quantity Meaning of the Simple Sentence. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2, pp. 45–54.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-45-54

УДК 811.161.1'374:811.161.1'373.2

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-55-63

МОДЕЛИ НОМИНАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СВЕТЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Гридина Т. А.¹, Коновалова Н. И.^{1,2}

¹Уральский государственный педагогический университет

620091, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, Российская Федерация

²Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

620075, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление лингвокреативного континуума эргонимических номинаций как особой зоны воздействия на сознание современного городского социума.

Процедура и методы. Описание эргонимических лингвокреативных осуществляется на основе структурно-семантического и мотивационного анализа, что позволяет декодировать интенцию номинатора, репрезентированную в нестандартной языковой форме. Для верификации восприятия аксиологической установки эргонима используются данные пилотных ассоциативных экспериментов.

Результаты. Представлены типология моделей и лингвокреативная техника образования эргонимов тематической сферы «Номинации образовательных учреждений» в свете ценностных доминант разностороннего развития личности ребёнка. Обоснована продуктивность практик языковой игры в данном кластере современного эргонимикона.

Теоретическая и/или практическая значимость. В русле лингвокогнитивного и психолингвистического подходов обосновывается имиджевая прагматическая составляющая эргонимических лингвокреативных.

Ключевые слова: аксиологические доминанты, лингвокреативная деятельность, модели номинации, эргонимы, языковая игра

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Правительства Свердловской области, грант № 22-28-20075 (<https://rscf.ru/project/22-28-20075>).

MODELS FOR NOMINATING EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE LIGHT OF VALUE GUIDELINES OF MODERN SOCIETY

T. Gridina, N. Konovalova

Ural State Pedagogical University

ul. Kosmonavtov 26, Ekaterinburg 620091, Russian Federation

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

620075, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51, Российская Федерация

prosp. Lenina 51, Ekaterinburg 620075, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the linguocreative continuum of ergonymic nominations as a special zone of influence on the consciousness of modern urban society.

Methodology. The description of ergonymic linguistic createmes is carried out on the basis of structural, semantic and motivational analysis, which makes it possible to decode the intention of the nominator, represented in a non-standard linguistic form. To verify the perception of the axiological setting of the ergonym, data from pilot associative experiments are used.

© CC BY Гридина Т. А., Коновалова Н. И., 2024.

Results. The typology of models and linguo-creative technique of creating ergonyms of the thematic sphere “Nominations of educational institutions” in the light of the value dominants of the versatile development of the child’s personality is presented. The productivity of language game practices in this cluster of modern ergonymicon is substantiated.

Research implications. In line with the linguocognitive and psycholinguistic approaches, the image-based pragmatic component of ergonymic linguistic concepts is substantiated.

Keywords: axiological dominants, linguistic creative activity, nomination models, ergonyms, language game

Acknowledgments: The current research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation and the Government of the Sverdlovsk Region, grant no. 22-28-20075 (<https://rscf.ru/project/22-28-20075>).

Введение

Эргонимическое пространство современного города представляет собой поликодовый культурный текст, своеобразно транслирующий ценностные ориентиры общественного сознания. Моделирование мировоззренческих (аксиологических) установок городского социума осуществляется, в частности, созданием целого спектра эргономинаций, «... благодаря которым активный и сознательный homo ludens был бы вовлечён в креативную деятельность по осмыслению приёма и средства <такого> воздействия» [8, с. 167]. Ср. показательное в этом отношении определение современной языковой ситуации как эпохи «массового лингвокреатива» [10, с. 83–89], что находит отражение в разного рода дискурсивных практиках социума, в том числе – в сфере номинаций, организующих пространство современного города (см., например: [1; 3; 5; 13]). При этом сам феномен лингвокреативности предполагает двухфокусную интерпретацию: как творческий процесс, запускаемый нереализованным потенциалом языка, и как проявление инициативы говорящего, связанной с преодолением языкового стандарта, что, в частности, выражается в использовании кодов языковой игры. См. определение языковой игры как «... особой формы лингвокреативного мышления, основанного на актуализации и ломке, переключении ассоциативных стереотипов порождения, употребления и восприятия вербальных знаков ... Дискурсивные практики языковой игры

моделируют особую “оптику” восприятия передаваемой информации, включая прежде всего эмоционально-оценочный вектор рефлексии адресата над дешифровкой игровой трансформы» [4, с. 246].

В методологическом плане для анализа конкретных механизмов и результатов лингвокреативной деятельности представляется существенным разграничение понятий «лингвокреатема» и «игрема» (в частности, применительно к сфере эргономинаций).

Как эргонимическая лингвокреатема рассматривается любая непрямая номинация городского объекта, хотя бы в своей исходной «точке» отвечающая критерию нестандартности, экспрессивности. При этом название актуализирует уже заложенный в нём ассоциативно-прагматический потенциал применительно к новому референту, моделируя имидж обозначаемого объекта в глазах потребителя. См., например, «*Вселенная талантов*» (компания по организации праздников) – эргонимическая метафора, гиперболизирующая масштаб деятельности заведения. Ср. компонент эргонима *вселенная*, в исходном значении которого уже заключён квантор всеобщности «всё мироздание, весь мир, вся земля»¹; «*Привереда*» (магазин детской одежды) – эргонимическая лингвокреатема, содержащая в себе прагматическую пресуппозицию «здесь найдётся одежда на любой вкус, даже для удовлетворения

¹ Вселенная // Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. С. 119.

капризов самого разборчивого ребёнка-привереды».

Эргонимическая играма – разновидность лингвокреатемы с использованием особой лингвистической техники, что требует от адресата соответствующего уровня языковой компетенции. Этот процесс представляет собой рефлексивный акт, заключающийся в соотношении ассоциативных параметров игровой трансформы с прототипом и в декодировании / считывании импликатур, определяемых нестандартной интерпретацией словесных знаков. При этом в игровом эргониме в фокусе внимания адресата с неизбежностью оказывается парадоксальный (нестандартный) вектор его восприятия, обусловленный «наведёнными» ассоциациями. Например, «ГаврошиЯ» (магазин детских игрушек) – название, в котором использован словообразовательный код языковой игры, требующий ассоциирования слова с моделью топонимов на *-ия* (ср. Франция). Графическое выделение в игрема сегмента Я, соотносительного с личным местоимением, как бы включает адресата-ребёнка в круг «своих» (*Гаврош и Я*), ср. также возможность прочтения названия как указания на участие взрослого в совместном с ребёнком выборе игрушек.

Совокупность такого рода лингвокреатем и игрем транслирует характерную для современной языковой ситуации специфику имиджевой стратегии организации городского пространства.

Один из тематических кластеров городского номинативного континуума данного типа – эргонимические лингвокреатемы и играмы, отражающие широкий вариативный репертуар развития ребёнка, характерный для современной системы основного и дополнительного образования.

Рассмотрим наиболее продуктивные в этом отношении модели порождения эргонимических лингвокреатем и игрем на материале названий специализированных школ, центров дополнительного образования и развития г. Екатеринбурга.

Предлагаемая типология лингвокреативных эргономинаций анализируемого

тематического кластера «Образовательные учреждения» включает в себя три группы, соотносительные с базовыми языковыми единицами разных уровней: лексико-семантического, словообразовательного, синтаксического (с учётом специфики их семантической и формальной структуры)¹ [см., например, 3; 10]. Внутри каждой группы выделяются вариативные модели эргонимов в зависимости от характера используемой номинатором лингвокреативной техники [5; 6].

Декодирование аксиологической установки, репрезентированной эргонимом, осуществлялось с использованием процедур структурно-семантического и мотивационного анализа – при сопоставлении ассоциативного контекста лингвокреатемы / играмы с узуальным прототипом. В качестве дополнительного «интерпретационного инструментария» использовались данные пилотных ассоциативных экспериментов (свободного и направленного), верифицирующих восприятие эргонимов представителями разных страт городского населения (см. подробное описание таких экспериментов в [2; 6; 7; 11]).

1. Лексико-семантическая модель креативных эргономинаций

Применительно к рассматриваемому кластеру «Образовательные учреждения» данная модель реализуется с использованием в качестве номинаций **узуальных лексем в прямом и переносном** значениях с вынесением в зону актуального смысла семантических параметров оценки организации и результативности / успешности образовательного процесса. Лингвокреативная техника создания таких номинаций включает в себя следующие варианты:

– **символическое употребление оценочно коннотированных слов:** «Аксиома» – школа развития для детей старшего

¹ См., например, [9]; Герасименко Н. А., Леденёва В. В., Шаповалова Т. Е. Русский язык: простое и сложное: учебное пособие для образовательных учреждений с углублённым изучением русского языка и литературы. М.: Диона, 2014. 564 с.

дошкольного возраста. Название символически транслирует идею получения необходимых для дальнейшего развития личности азав знаний. См.: аксиома «исходное положение, лежащее в основе доказательств истинности других положений»¹. Ср. названия школ развития «Кругозор», «Максимум», «Перфект», несущие символику высокого качества знаний и стремления к самосовершенствованию. Так, в ходе пилотных экспериментов по восприятию данных эргонимов респондентами учительской аудитории нами были получены, в частности, ассоциаты *мышление, незаурядный, энциклопедический, широта, интеллект, ум* – на стимул *кругозор; интенсивность, убедительность, абсолют, достигать, возрастать, высший уровень* – на стимул *максимум; совершенный, самый лучший, без ошибок, идеальный, идеал* – на стимул *перфект*.

К данной группе лексико-семантических лингвокреативом можно отнести и эргонимы, в составе которых отмеченная выше символика получает конкретное воплощение в виде номинаций лиц, обладающих выдающимися умственными способностями и широким кругозором. Таковы, например, названия центров работы с одарёнными детьми: «Вундеркинд», «Отличники», «Первооткрыватели», «Эрудит», «Гений», «Корифей» и др.;

– **обыгрывание многозначности слова**, в том числе в метафорическом регистре: например, «Классики» (школа развития) – эргоним, отсылающий одновременно к пресуппозициям «детская игра в классики», «переход из класса в класс» и к значению слова *классик* – «признанный деятель науки, литературы, культуры и т. п.»². Эргонимом метафорически намечена перспектива развития ребёнка в процессе обучения. Аналогичный мотив несут в себе эргонимические метафоры типа «Лесенка

успеха», «*Пять ступенек*», «*Ключ личности*», «*Точка роста*» и т. п. Отдельно выделим группу эргонимических метафор, маркирующих детские образовательные учреждения как особую зону (территорию) развития ребёнка: «*Школа знаний*», «*Школа Екатеринбург – Париж*» (работа по программе академической мобильности, в рамках которой школьники могут проходить обучение в странах-партнёрах), «*Мастерская Знаек*», «*Академия от А до Я*», «*Академия маленьких интеллектуалов*», «*Резиденция детства*», «*Технополис*», «*Корпорация гениев*», «*Остров достижений*», «*Королевство детства*», «*Планета знаний*», «*Созвездие XXI века*» и др. Совокупность таких названий в эргонимике Екатеринбурга «выстраивается» в своеобразный градационный ряд, расширяющий образовательное пространство до планетарных масштабов. Среди таких номинаций представлены как уже во многом «стёртые», растиражированные, «отработанные» эргонимические метафоры, так и более современные, отвечающие «языковому вкусу эпохи» [7, с. 11]: *корпорация, технополис, резиденция* и др.;

– **обыгрывание разного рода прецедентных феноменов** (имён, высказываний, ситуаций): «*Одиссея успеха*» (школа развития) – отсылка к известному мифологическому сюжету, связанному с идеей преодоления трудностей на пути к достижению поставленной цели; «*Эврика*» (школа развития интеллекта) – отсылка к ситуации научного открытия, восклицание, ставшее общеупотребительным для выражения радости или удовлетворения в случае нахождения выхода, разрешения трудной задачи или возникновения удачной идеи; «*Лукоморье*» (частная школа с 1 по 11 класс); «*Кот учёный*» (талант-клуб: скорочтение, ментальная арифметика) – отсылка к известной цитате из произведения А. С. Пушкина, имеющей символический смысл вхождения в сказочное пространство неизведанного, что применительно к сфере образования приобретает функцию вовлечения ребёнка в процесс познания; «*Обыкновенное чудо*» (центр развития ре-

¹ Аксиома // Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. С. 9.

² Классик // Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. С. 338.

бёнка) – буквализация значения прецедента, названия пьесы Е. Шварца, в свете его референтной привязки к обозначению заложенной в каждом ребёнке гениальности. Ср. игровую квазиантонимическую трансформу «*Необыкновенное чудо*» (о неординарных способностях ребёнка как название школы развития): в данном эргониме при обыгрывании метафорического оксюморона «*Обыкновенное чудо*» намеренно отождествляются оппозиции *обыкновенный – необыкновенный*, при этом имеется в виду мысль о заложенном в каждом ребёнке потенциале гениальности; «*IQ-007*» (центр интеллектуального развития для старшеклассников) – игра, содержащая аллюзию на детективный сюжет с известным персонажем, агентом 007, обладающим высоким интеллектом и способным принимать нестандартные решения в самых невероятных ситуациях. Считывание заданной имплицатуры делает эргоним интересным для ребёнка, увлечённого подобного рода литературой и склонного к решению «запутанных задач». В пилотном эксперименте с учащимися 9–11 классов представлены, например, показательные в плане опознания прототипа и мотивации этого эргонима ассоциаты: *секретный агент, разведка, шпионский, расследовать, быстро соображать, учат решать сложные задачи*.

2. Словообразовательные эргонимические лингвокреатемы и игры

Это самый продуктивный тип эргонимов данного тематического кластера, реализующий как традиционные, так и новые игровые модели эргонимического лингвокреатива:

– **эргонимические диминутивы** с уменьшительно-ласкательными формантами *-к- / -ичк- / -ёнок- / -ик- / -инк-*: «*Умничка*», «*Вундеркиндики*», «*Полиглотики*», «*Глаголики*», «*Умнёнок*», «*Буковка*», «*Успешка*», «*Успешинка*» (школы развития); «*Айтишка*» (центр обучения ИТ-технологиям); «*Пифагорка*» – дериват

прецедентного характера как название образовательного центра, где изучают ментальную арифметику;

– **онимизация апеллиатива** с использованием антропонимического форманта, представленного в гипокористиках (уменьшительных формах имён собственных): «*ЛогоША*» (центр развития речи) – графодериват [9] от усечённой основы латинского *logos* («слово») с присоединением русского антропоформанта *-ш(а)*; «*Акадеша*» – от *академик*, в игровом ключе имитирующей гипокористики типа *Аркаша, Алёша* и т. п.;

– **омофоническое переразложение морфемной структуры узуального слова**, придающее ему новую игровую мотивацию: «*Логопедия*», «*Психология*» (центры развития речи и психологического сопровождения ребёнка в процессе обучения). Графическое выделение в составе этих эргонимов сегмента Я, соотносимого с личным местоимением, позволяет прочитывать слово как *Логопед и Я*, *Психолог и Я*, акцентируя мотив совместной деятельности специалиста и ребёнка на пути к успеху; ср. **окказиональные** графодериваты с использованием того же принципа игрового омофонического прочтения слова: «*ТалантУМ*» – центр развития ребёнка, «*СтартУМ*» – центр дополнительного образования, «*ОлимпиаЯ*» – школа развития. В такого рода эргонимических играх транслируется идея интеллектуального и физического развития ребёнка как условия достижения поставленной цели. К этой группе примыкают и эргонимы типа «*Навыкум*», «*Униум*» (школы развития), не являющиеся графодериватами, однако потенциально содержащие в себе возможность восприятия финали *-ум* как существительного (навык + ум; уникальный + ум). Подобная модель обыгрывания морфемной структуры слова с использованием графических средств актуализации словообразовательного значения префикса представлена и в эргонимах типа «*Со-творение*» (центр развития ребёнка), «*Со-дружество*» (семейная школа), где педальируется идея работы в команде, дости-

жения результата коллективными усилиями как условия успешной социализации и формирования личности ребёнка.

Ещё одним вариантом эргонимов рассматриваемой модели является омофоническое обыгрывание имён собственных, в том числе прецедентных. Например: «*Эйн&Штейн*» – детский клуб, где углублённо изучаются технические дисциплины – физика, химия, математика. В данном эргониме, расчленённом на две псевдофамилии амперсандом (в значении соединительного союза *и*), легко прочитывается прототип – имя известного физика Альберта Эйнштейна, которое выступает эталоном гениальности. Очевидно, по замыслу номинаторов, это должно привлечь одарённых детей к занятиям в данном учреждении и «выступает залогом» высокого качества получаемых знаний;

– **эргонимические модели сложения и контаминации** представлены разными лингвокреативными техниками:

а) сращение и субстантивация разговорных форм повелительного наклонения с частицей *-ка* как приём прямой мотивации адресата к активному действию – овладению знаниями: «*Познавайка*», «*Познайка*», «*Развивайка*» (школы развития). К данным эргонимическим играм примыкают названия, образованные способом сращения двух словоформ императива: «*Пишичитайка*» (*пиши + читай-ка*), «*ЧитайДумай*», а также номинации, образованные соединением субстантивированного императива и оценочного существительного, подчёркивающего высокое качество услуг образовательного учреждения «*Чудо-обучайка*»;

б) сложение слов: «*Мега&Мозг*», «*Супермозг*» (центры интеллектуального развития), «*Арт-этюд*» (общеобразовательное учреждение интегрированного типа, многопрофильный центр общего и художественного образования для детей), «*Смарт-школа*» (частная школа полного дня), ср. англ. *smart* – «сделанный с умом, удобный», что применительно к обозначению данного объекта постулирует идею хорошо организованного, комфортного

для ребёнка и удобного для родителей режима работы с детьми в течение всего дня;

в) сложение по модели «основа (в том числе усечённая) + слово» при помощи соединительных гласных: «*Англокроха*» (школа раннего обучения английскому языку) – в названии представлен положительно окрашенный разговорный коррелят обозначения маленького ребёнка; «*Робокод*», «*Робоарт*» (технополисы с обучением робототехнике). Приведённые примеры акцентируют актуальные для современного образования тенденции ранней специализации ребёнка и возможностей выбора разнообразных занятий по интересам;

г) сложение с аббревиацией: «*IQ-центр*» (центр подготовки к ОГЭ и ЕГЭ), «*PROдетство*» (детский развивающий центр). Мотивация первой части эргонима допускает вариативную дешифровку: восприятие *PRO* как части латинского выражения *pro et contra* «за и против» и как русского разговорного предлога *pro* в значении «о ком-чём-л.». Соответственно мотивация данной эргонимической игры отсылает к ассоциативной доминанте всестороннего охвата детства как времени формирования личности, заботы о физическом, познавательном и духовном развитии ребёнка;

– **игровые модели эргонимической номинации с использованием суффиксальных топоформантов**: «*Ла-ла-вилль*» (центр развития речи), «*Смайлвилль*» (клуб детского творчества) – стилизация структуры английских топонимов с финалью *Ville*, обозначающей место, небольшой населённый пункт. В данном случае лексическое наполнение модели (звукоподражательный мотиватор *ла-ла-ла* и эмотив *смайл* «улыбка») придаёт эргонимам смысл «место, где создана комфортная образовательная среда для общения с ребёнком»; «*Говоринбург*» (центр развития речи) – игровой эргоним, созданный с использованием иноязычного топоформанта *-бург*;

– **игровая антонимическая модель префиксальной эргониминации**: «*НЕментальная арифметика*» (студия каллиграфии и скороотчтения), «*НЕшкола*»

(сеть детских музыкальных образовательных центров), «НЕлагерь» (группа продлённого дня). Данные названия фокусируют внимание на противопоставленности указанных образовательных учреждений освоению только обязательной школьной программы, привлекая ребёнка к расширению сферы его познавательных интересов и увлечений;

– **словообразовательные эргонимы, созданные по принципу рифмовок-отзвуков**, имитирующие особенности игрового детского фольклора и молодёжного жаргона: «Галка-обучалка» (центр развития ребёнка). Эргономинимации такого типа вписываются в жанровый регистр считалок, шуливых дразниликов, потешек. Интересен в этом отношении игровой эргоним «СдамЭкзам» (школа подготовки к ОГЭ и ЕГЭ), который, в частности, имитирует сокращения, принятые в регистре неформального общения интернет-коммуникации.

3. Синтаксические модели номинаций образовательных учреждений

Новый, активно развивающийся ресурс современного игрового эргонимикона. Например: «Смекай», «Стань умнее», «Учусь учиться» (школы развития); «Говори легко», «А поговорить?», «Говорю и слушаю», «Говорить интересно!» (центры развития речи); «Думай как инженер» (техношкола) и т. п. Такого рода модели представляют собой «лексикализацию коммуникативных структур» [12], игровая экспрессия которых определяется их номинативной нестандартностью: дискурсивной привязкой, характеризующей не сам обозначаемый объект, а интенцию номинатора, переданную как некий императив или реплика потенциального достраиваемого диалога. Типичный же эргоним традиционно соотносится с указанием на свойства обозначаемого объекта или с их оценкой.

Заключение

Анализ эргонимического контента в свете его воздействующего потенциала на городской социум со всей очевидностью передаёт динамику современной языковой ситуации, в которой ярко выражено лингвокреативное начало. Представленный тематический кластер «Номинации образовательных учреждений г. Екатеринбурга» весьма показателен в этом отношении: эргонимы данной сферы в большинстве своём имеют характер лингвокреатива и игр (игровых трансформ), которые фокусируют актуальные аспекты воздействия названия объекта на адресата.

В ходе мотивационной интерпретации структурно-семантических особенностей единиц описываемой группы были выделены три основных модели порождения лингвокреативных эргономинимаций (лексико-семантическая, словообразовательная и синтаксическая) и их вариативные разновидности. Каждая из этих моделей транслирует интенцию номинатора с помощью специфических средств новой когнитивной обработки некоего «опознаваемого» прототипа, что моделирует его нестандартный (в том числе игровой) ассоциативный контекст.

Лингвокреативная техника создания рассмотренных эргонимов акцентирует актуальные для современной сферы образования «тренды». Названия развивающих центров, детских клубов по интересам, технополисов и др. отражают ценностные ориентиры личностного роста ребёнка: развитие интеллекта (см., например, «ТалантиУМ», «СтартУМ», «Навыкум»); игровое начало обучения («Галка-обучалка», «Чудо-обучайка»); ранняя специализация («Англокроха», «Айтишка»), мультимодальность развития детей («Арт-этиод», «Робарт», «Эйн&Штейн») и т. д.

Информативно-ориентировочная функция эргонимических лингвокреатива и игр теснейшим образом взаимодействует с их аттрактивной функцией, имеющей во многом рекламный характер.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова Е. Н. Языковое пространство Оренбуржья. Brno: Tribun EU, 2022. 255 с.
2. Ваулина И. А., Красноперова Е. С. Прагматические векторы эргонимической номинации: экспериментальные данные // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. С. 458–468.
3. Голомидова М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 185–203.
4. Гридина Т. А. Языковая игра в эргономинциях: провокативность и эмоционально-коммуникативная рецепция // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11. № 1. С. 243–257.
5. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Лингвокреативный потенциал эргономинций в аспекте их порождения и восприятия: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики. 2022. № 2 (52). С. 30–45.
6. Коновалова Н. И. Перцептивные образы сознания в свете данных «Русского ассоциативного словаря» // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы Международной научной конференции, Екатеринбург, 28–30 сентября 2016 г. М.; Екатеринбург: Фабрика комиксов: Кабинетный учёный, 2016. С. 130–136.
7. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М.: Педагогика-пресс, 1994. 247 с.
8. Леденева В. В. Норма как мерило лингвокреативности // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. С. 167–176.
9. Попова Т. В. Новое в изучении графодеривации // Лингвистика креатива–4: коллективная монография / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. С. 229–269.
10. Ремчукова Е. Н. Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 2. С. 83–89.
11. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021) / науч. ред. Е. Ю. Мягкова, И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева. М.: Институт языкознания Российской академии наук, 2021. 626 с.
12. Шмелёва Т. В. Коммуникативные единицы на городских вывесках // Русский язык за рубежом. 2017. № 5. С. 14–18.
13. Шмелёва Т. В. Стилистика городского ономастикона как фактор креативности // Лингвистика креатива–5 / под общ. ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2022. С. 342–362.

REFERENCES

1. Bekasova E. N. *Yazykovoe prostranstvo Orenburzh'ya* [Language Space of the Orenburg Region]. Brno, Tribun EU Publ., 2022. 255 p.
2. Vaulina I. A., Krasnoperova E. S. [Pragmatic Vectors of Ergonymic Nomination: Experimental Data]. In: *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: YAzyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural Philological Herald. Series Language. System. Personality: the Linguistics of Creativity], 2022, no. 2, pp. 458–468.
3. Golomidova M. V. [Modern Urban Naming Practices: Strategic Approaches and Practical Solutions]. In: *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2017, vol. 14, no. 3, pp. 185–203.
4. Gridina T. A. [Language Game in Ergonymic Nominations: Provocativeness and Emotional and Communicative Reception]. In: *Quaestio Rossica*, 2023, vol. 11, no. 1, pp. 243–257.
5. Gridina T. A., Konovalova N. I. [Linguocreative Potential of Ergonominations in the Aspect of Their Generation and Perception: an Experimental Study]. In: *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of Psycholinguistics], 2022, no. 2 (52), pp. 30–45.
6. Konovalova N. I. [Perceptive Images of Consciousness according to the “Russian Associative Dictionary”]. In: *Novaya Rossiya: tradicii i innovacii v yazyke i nauke o yazyke: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Ekaterinburg, 28–30 sentyabrya 2016 g.* [New Russia: Traditions and Innovations in Language and the Science of Language: Materials of the International Scientific Conference, Yekaterinburg, September 28–30, 2016]. Moscow, Ekaterinburg, Fabrika komiksov Publ., Kabinetnyj uchyonij Publ., 2016, pp. 130–136.
7. Kostomarov V. G. *Yazykovoј vkus epohi* [Language Taste of the Era]. Moscow, Pedagogika-press Publ., 1994. 247 p.
8. Ledeneva V. V. [Norm as a Yardstick of Linguo creativity]. In: *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality:

- Linguistics of Creativity], 2022, no. 2, pp. 167–176.
9. Popova T. V. [New in the Study of Graph Derivation]. In: Gridina T. A., ed. *Lingvistika kreativa-4* [Creative Linguistics-4]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2018, pp. 229–269.
 10. Remchukova E. N. [Mass Linguocreativity: Surmounting Standards]. In: *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2013, no. 2, pp. 83–89.
 11. Myagkova E. Yu., Sternin I. A., Ufimceva N. V., eds. *Rossijskaya psiholingvistika: itogi i perspektivy (1966–2021)* [Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966–2021)]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. 626 p.
 12. Shmeleva T. V. [Communicative Units on City Signs]. In: *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2017, no. 5, pp. 14–18.
 13. Shmelyova T. V. [Stylistics of the Urban Onomasticon as a Factor of Creativity]. In: Gridina T. A., ed. *Lingvistika kreativa-5* [Creative Linguistics-5]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2022, pp. 342–362.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета; e-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; e-mail: sakralist@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana A. Gridina – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
e-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Nadezhda I. Konvalova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University; Prof. of Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin;
e-mail: sakralist@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Модели номинации образовательных учреждений в свете ценностных ориентиров современного общества // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 55–63.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-55-63

FOR CITATION

Gridina T. A., Konvalova N. I. Models for Nominating Educational Institutions in the Light of Value Guidelines of Modern Society. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2, pp. 55–63.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-55-63

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-64-74

РЕЛЯТИВИЗМ ОЦЕНОК И СОСТОЯНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДИКАТИВОВ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Топорков П. Е.*Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 26, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Выявить параметры семантико-грамматического релятивизма оценочных и статальных предикативов русского языка.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ функционирования предикативов русского языка в контексте представлений об актуальности / неактуальности и временной локализованности – базовых характеристиках предикатов состояния. В качестве основных методов исследования выступают описательный метод, компонентный и контекстуальный анализ.

Результаты. В работе обсуждены вопросы локализации ментальных и социальных состояний в конструкциях с так называемыми детерминантами различных типов. Отдельно рассмотрены параметры семантико-грамматического релятивизма предикативов с семантикой свойства / качества. В результате проведённого анализа выделен ряд параметров релятивизма семантики состояния, оценки и качества в конструкциях различных типов, в частности, выявлены особенности реализации оценочной и статальной семантики в конструкциях с детерминантами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные данные позволяют уточнить характеристики класса предикативов русского языка, а также семантических классов «состояния» и «свойства / качества». Результаты исследования вносят определённый вклад в семантическую типологию предикатов и могут быть использованы при преподавании курса современного русского литературного языка, а также при проведении спецкурсов по функциональной грамматике и когнитивному синтаксису.

Ключевые слова: актуальность, временная локализованность, категория состояния, качество, оценка, предикатив, свойство

RELATIVISM OF APPRAISAL AND STATES (BASED ON THE MATERIAL OF PREDICATIVES IN RUSSIAN)

P. Toporkov*Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski
ul. Stepana Razina 26, Kaluga 248023, Russian Federation***Abstract**

Aim. To reveal some parameters of semantic-grammatical relativism of evaluative and static predicates of the Russian language.

Methodology. The main content of the study is the analysis of the functioning of Russian predicates in the context of ideas about relevance / irrelevance and temporal localization as the basic characteristics of state predicates. The main research methods are descriptive method, component analysis and contextual analysis.

Results. The work discusses the issues of localization of mental and social states in constructions with the so-called. determinants of various types. The parameters of semantic-grammatical relativism of

predicatives with property / quality semantics are considered separately. As a result of the analysis, the author identifies certain parameters of relativism in the semantics of state, assessment and quality in constructions of various types. In particular, the features of the implementation of evaluative and statistic semantics in constructions with determinants were identified.

Research implications. The data obtained make it possible to clarify the characteristics of the class of predicates of the Russian language, as well as the semantic classes of “state” and “property / quality”. The results of the study make a certain contribution to the semantic typology of predicates and can be used when teaching a course on the modern Russian literary language, as well as when conducting special courses on functional grammar and cognitive syntax.

Keywords: relevance, temporary localization, state category, quality, assessment, predicative, property

Введение

В работе рассматриваются параметры релятивизма стальной и оценочной семантики на материале конструкций с предикативами.

Предикаты состояния представляют собой семантически и грамматически неоднородный класс. Трудности представляют как квалификация стальной семантики в соотношении с категориальной семантикой других типов (оценки, качества / свойства), так и грамматические характеристики предикативов, реализующих описанные значения. Это обуславливает актуальность проводимого исследования.

Исходным пунктом анализа послужило представление, высказанное в разделах работы «Семантические типы предикатов» [10] за авторством О. Н. Селивёрстовой и Т. В. Бульгиной, согласно которым одни из базовых признаков состояний в языке являются «актуальность» и «временная локализованность». Идея особого статуса предикатов состояния / качества обсуждалась в ряде работ, в том числе в трудах Н. А. Герасименко [5; 6], О. Н. Селивёрстовой [9], Т. Е. Шаповаловой [15], проблема посевности в связи с представлениями о локализации рассмотрена, в частности, в работах А. Е. Кирбика и С. П. Тимошенко [7; 12]. Философско-методологические основания типологии предикатов состояния представлены в работе А. В. Циммерлинга [14]. Цель нашего исследования – конкретизировать представления об актуальности / неактуальности и временной локализованности на материале конструкций с предикативами. Это

положение обуславливает две основные задачи нашей работы:

1. Определить, каким образом актуальность в качестве отсылки к определённой точке пространственно-временного континуума вписана в семантическую структуру предикативной лексики и грамматическую структуру предикативной синтагмы.

2. Описать, каким образом идея актуального прочтения ситуации связана с параметрами локализации (пространственными и временными) и как такие параметры локализации способствуют семантико-грамматической специфике предикативного употребления.

В качестве основных методов исследования выступают описательный метод, компонентный и контекстуальный анализ.

I. Локализация ментальных состояний

Введение в структуру высказывания локальных детерминантов обуславливает, на первый взгляд, парадоксальную ситуацию локализации ментальных состояний.

Ср. примеры типа *У меня / болит голова – Мне тут плохо – Где тебе плохо?*

Парадоксальность локализации психических явлений полемически отмечалась ещё Л. Витгенштейном в «Философских исследованиях», ср.: «...у нашей боли должно быть некое свойство, которое подсказывает местонахождение боли в теле, и что память должна иметь некое свойство, сообщающее, к какому моменту относится тот или иной образ» [4, с. 270].

Фон Вригт оспаривал локализуемость психических (в том числе физиологиче-

ских) переживаний, вводя второй «вид» пространства (осязаемый), описываемый языком, ср.: «Моя (настоящая) нога – в физическом пространстве. Значит, боль в ней одновременно принадлежит физическому и осязаемому (мною) пространству? Или моя нога, помимо физического, располагается к тому же в тактильном пространстве? Если так, то допустимо говорить, что боль – не в той ноге, которая в физическом пространстве, а в той, которая в тактильном» [13, с. 17].

В синтаксической теории рассматривалась проблема расщепления валентностей в связи с введением в конструкцию детерминанта – внешнего посессора, см. [7; 11; 12 и др.].

В таком контексте конструкция типа *У меня живот болит* представляется (в частности, см. в работе [7, с. 437]) трансформом конструкции *Мой живот болит*. Однако такая трактовка прагматически избыточна, а в связи с этим и само понятие «посессора» в таком контексте оказывается несколько неточным: говорящий описывает скорее опыт локализации (в толковании Г. Х. фон Вригта) с псевдопритяжательным значением местоимения: соматизмы осмысливаются как элементы, внешние по отношению к некому «сердцевинному» Я (ср. относительные значения местоимений в контекстах типа *мой отец, моя страна* и др.).

Таким образом, ментальные состояния могут быть локализованы в рамках специфических языковых моделей. Такая локализация сопряжена с ограничениями как семантического, так и синтаксического порядка.

II. Семантические параметры локализации

Наличие локальных / псевдопосессивных детерминантов способствует нескольким формам локализации:

1. Локализация оценки

Оценки, точнее оценочные имена, релятивизируются при помощи синтаксических актантов (Какой я *дурак*, что... и др.).

При этом иные классы имён приобретают оценочные значения с введением локализаторов и временных показателей. Ср.: В жизни всё относительно. *На работе он – гений, у жены – дурак*.¹

Подобные именные формы предиката изначально выведены из сферы динамики изменений, характеризующих процессы, см. замечание Н. А. Герасименко, которая выделяет «...непроцессность выражаемых типовых значений» [6, с. 108] в качестве базовой характеристики предиката бисубстантивного предложения, а также указывает на особенности фазисного осложнения связочно-субстантивного сказуемого [5, с. 55–56]. Т. Е. Шаповалова говорит в подобных случаях о «темпоральном фоне» высказывания [15, с. 35], см. примеры типа: *До революции Кузьма был безответный бедняк* (К. Г. Паустовский) – *Перед революцией Кузьма был безответный бедняк* [15, с. 37].

Ср. также релятивизм оценок в конструкциях с функциональными именами лиц и так называемым дательным этическим (Я *вам* не *сантехник*, не *сторож*...), таксономическими предикатами (Какая я *тебе бабушка!*) и др.

Ср. в конструкциях с предикатами других типов: Ты *у меня* будешь *шёлковый*, Ты *мне* ещё поговори... и др.

Таким образом, оценки в конструкциях с предикативами – оценочными именами релятивизируются как характеристики на данной точке временной оси, как однородные ограниченные во времени характеристики, а также как локальные характеристики (в том числе в рамках локуса, обусловленного ментальной проекцией автора оценки).

2. Локализация состояний

Психические состояния, как правило, не локализуемы в терминах наивного описания реальности, при этом конкретные высказывания с предикатами состояния часто требуют детерминанта для реализации статальной семантики.

¹ Жемчужины мысли [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inpearls.ru/1752562> (дата обращения: 04.02.2024).

Ср.: Как *больно*, как *обидно*... – прочтение предиката скорее как синкретичной интеллектуальной оценки, но не как состояния.

Мне больно, мне обидно... – как правило, «чистые» состояния.

Именно локализация (будь то в ментальном или физическом пространстве) задаёт границы самого феномена, а значит, служит основой оформления этого феномена на уровне словаря. Подобная трансформация отражает идею, возникшую ещё во времена популярности релятивистской теории: каким образом то или иное грамматическое построение меняет «картину мира», точнее – образ события, отражаемый языковыми средствами того или иного языка, а также – в рамках разных грамматических стратегий одного языка? Важным моментом здесь является потенциальный характер формального элемента, означающего, связанного с означаемым необязательной, факультативной связью (ср. модель предикативов на -о и их прототипическое значение и, с другой стороны, оценочные имена, а также имена состояний и их прототипическое номинативное значение и грамматические характеристики имени существительного).

Язык народных говоров демонстрирует значительное количество случаев оформления отдельного предикативного значения через параметры локализации и временной актуализации.

Ср. количественные параметры среды: *Сухо* – '1. Об отсутствии денег у кого-л. **В кармане-то сухо** – нет денег. Мещов. Калуж., 1916. 2. Очень много, в очень большом количестве (о рыбе в море, реке). Когда мы плыли по морю, то видели **в одном месте сухо** стоит рыбы. Арх., 1852. **В губы** сельди было *сухо*, да опоздали заметить. Беломор. Осенесь плымши, и **в этих местах сухо** стояло рыбы. Помор. О множестве людей где-л. Народа *сухо* было в церкви, на рынке. Арх., 1852¹.

Ср. также: качественно-количественные параметры среды: *Табачисто* – 'Накурено,

¹ *Сухо* // Словарь русских народных говоров. Вып. 43: Сухлость – Телепа. СПб.: Наука, 2010. С. 7.

наполнено запахом табака. **У нас на Вятке на базарах** больно *табачисто*, что и не прохлебашь! Спас. Казан., 1850-е гг. Вят. В конторе больно табачисто. Киров².

Качественные параметры среды: *Срядно* – 'Хорошо, красиво (убрано помещение). **Во избе-то у нас** не больно *срядно*. Буйск. Костром., 1848³.

Голомя – 'Поздно. «**На дворе** уже голомя, – говорит народ во внутренних губерниях, что значит: день уже давно начался». Бурнашев. Семен. Нижегород., 1851⁴.

Навозно – 'Тесно из-за большого привоза, завозно. **Навозно на мельнице** было, много помольщиков. Южн. р-ны Краснояр., 1967⁵.

Райко – 'Гулко, звучно, отдаваясь эхом Семен Нижегород, 1849. **В пустых покоях** всегда *райко*. Ярослав., Зауралье⁶.

Ср. также психофизиологические состояния, в том числе состояния-реакции: *Сумно* – 'Безл. сказ. Сумно, смутно на душе. Киров., 1940-е. 4. Жутко, страшно, боязно. Дон., 1901. Зап. Брян., Брян., Курск., Кубан., Одесск., Азерб. ССР. Безл. сказ. *Сумно* бывает некоторым **в тёмной комнате ночью**. Дон., 1901. Коли я одна **в хате**, да ещё **под вечер**, так мне якость *сумно*. Зап. Брян. 5. Сумно. Тяжело, трудно. **Под старость** то, девки, *сумно* одной жить. Бурят. АССР⁷.

Слободно – '4. Безл. сказ. О наличии свободного, незанятого времени. **Сегодня** ему не *слободно*. Волог., 1897⁸.

В некоторых случаях даже субъект-посессор кодируется как локализационный параметр ситуации.

² Табачисто // Словарь русских народных говоров. Вып. 43: Сухлость – Телепа. СПб.: Наука, 2010. С. 201.

³ Срядно // Словарь русских народных говоров. Вып. 40: Сопочка – Ссуворить. СПб.: Наука, 2006. С. 333.

⁴ Голомя, голомя, голомя, голумя и голымя, голымя // Словарь русских народных говоров. Вып. 6: Выростк – Гон. Л.: Наука, 1979. С. 321–322.

⁵ Навозно // Словарь русских народных говоров. Вып. 19: Мутаситься – Накучить. Л.: Наука, 1983. С. 175.

⁶ Райко // Словарь русских народных говоров. Вып. 34: Разлуканье – Ревенька. СПб.: Наука, 2000. С. 86.

⁷ Сумно // Словарь русских народных говоров. Вып. 42: Стриж – Сухловина. СПб.: Наука, 2008. С. 239.

⁸ Слободно // Словарь русских народных говоров. Вып. 38: Скинать – Сметушка. Л., СПб.: Наука, 2004. С. 289.

Ср.: *Переходчиво* – ‘безл. сказ. Заразно (о болезни). Не *переходчиво у нас*, не бойся, садися ешь. Верховнн. Киров., 1957. Каргоп. Арх.¹

Статус локализаторов / показателей квазипосессивности в структуре высказывания получал различные характеристики, которые могут быть выстроены полярно: от признания парадоксальности и изначальной метафоричности самой локализации всех психических (и отчасти психосоциальных) явлений (см. выше позиции Л. Витгенштейна, Г. Х. фон Вригта и др.) до заявления О. Н. Селивёрстовой, что «одно из значений существования, причём это значение можно считать главным по крайней мере для несобытийных явлений, можно интерпретировать так: занимать точку (находиться) в мире действительности (Ех₁) или, напротив, в мире фантазии, вымысла (Ех₂)» [9, с. 570], и, соответственно, экзистенциальные предложения семантически и структурно противопоставляются локативным, причём такое противопоставление охватывает не только прототипические реализации модели, но и отчасти обусловленные прагматикой, ср. «У X-а болезнь (У него депрессия – *У него есть депрессия, но: У него **была** депрессия)», см. также пример из А. Ахматовой, приводимый в работе [9, с. 636]: «У меня *есть* улыбка одна: Так, движение чуть видное губ».

Ср. метонимические варианты типа «У него *печень*» (1 вхождение в Национальном корпусе русского языка), «У меня *желудок*» (1 вхождение в Национальном корпусе русского языка) и т. п.

Ср. [Сосед (Георгий Георгиу), муж, 50, 1915] А Рекс никогда не отойдёт от вещей! А у меня *горло*!

[Жена соседа (Наталья Гицерот), жен, 50, 1915] *Горло!*...

[Сосед (Георгий Георгиу), муж, 50, 1915] *Горло.*²

Сомнительны примеры типа: «У меня **было** горло (*желудок, печень* и др.)».

О. Н. Селивёрстова указывает ещё на один вариант предложений локативного (а скорее квазипосессивного) характера: Я не могу остаться после уроков. «У меня *бабушка* (в том же значении невозможно *У меня *есть бабушка*), У меня *дети*, У меня *дача*» и др. [9, с. 638], – т. е. случаи метонимического переосмысления предметного имени как имени состояния.

Кроме того, такие конструкции с локализатором задают определённый характер видо-временного значения, т. е. экзистенциальные предложения могут включать и семантические (как правило, имплицитные) компоненты-актуализаторы.

Ср.: Повесился и подававший большие надежды поэт Кузнецов. Его смерти посвящено стихотворение Светлова: «У **меня** *печаль*, У меня товарищ в петле. Светлов, вместе с Ясным и Михаилом Голодным, окончивший ЛИТО, писал стихи день ото дня удачнее³. – Ср.: *У **меня** *сейчас печаль*.

Введение в структуру высказывания локальных детерминантов обуславливает, на первый взгляд, парадоксальную ситуацию локализации ментальных состояний.

С точки зрения синтаксической иерархии, случаи типа У *меня болит голова* представляют собой примеры понижающей актантной деривации, т. е. в контексте значения синтаксической конструкции перспективой такого процесса является не локализация как введение дополнительного семантического параметра, а некий формальный результат-трансформ, ср. замечание об инкорпорирующем строе: «Формы с инкорпорацией выполняют и другую важную функцию: они способны менять актантную структуру глагола, поскольку инкорпорированные имена не выступают в качестве главных актантов (участников ситуации). Так, вместо фразы "Голова Ивана болит" (или "У Ивана болит голо-

¹ Переходчиво // Словарь русских народных говоров. Вып. 26. Первое – Печетник. Л.: Наука, 1991. С. 265.

² Гайдай Л., Слободской М., Костюковский Я. Операция Ы и другие приключения Шурика, к/ф (1965) // Национальный корпус русского языка:

[сайт]. URL: <https://ruscorp.org> (дата обращения: 30.01.2024).

³ Шаламов В. Начало (1962) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org> (дата обращения: 30.01.2024).

ва"), предполагающей, что главным актантом является подлежащее «голова», может использоваться форма с инкорпорацией вроде "Иван-голово-болеет", которая позволяет сохранить «Ивана» в качестве главного актанта» [2, с. 613]. Семантическое своеобразие трансформов может иметь и оценочно-характеризующую природу, см. замечание О. Н. Селивёрстовой: «Одним из условий выбора экзистенциальных моделей в русском языке при описании отношений между свойством и его носителем служит предположение о том, что свойство является преимуществом, достоинством его пососора: Не расстраивайся. У тебя есть молодость, красота, здоровье, но *У тебя есть уродство. Ср.: Она красива, Она уродлива» [9, с. 707].

Н. Д. Арутюнова отмечает в контексте референциального анализа конструкций с бытийным значением: «Относя предложения типа *Буря; Тоска; Скука; Революция; Война* и пр. к экзистенциальному полю, мы тем самым распространяем и на них формулу трёхчленной структуры, включающей локализатор, который позволяет адресату речи отождествить тему сообщения, т. е. ту сферу реальности, к которой отнесено высказывание... степень обязательности локального компонента в составе бытийных предложений непосредственно зависит от семантики имени и характера "области бытия": она выше в предметно-бытийных предложениях и гораздо ниже в предложениях бытийно-экзистенциальных» [1, с. 232].

Имена ментальных состояний замещаются как местоимением с субъектным значением (*что*) – более частотно (по данным НКРЯ), так и с определительным (*каково*).

Ср.: Но *что у меня на душе* – никто не будет знать¹.

Локализация бытийных предложений сопровождается рядом семантических сдвигов.

Предикаты ментально-бытийные (*тоска, скука* и др.) прототипически локали-

¹ Смирнова Л. Моя любовь (1997) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.01.2024).

зуются формами местоимения *я* (*у меня, реже: мне*).

Ср.: *У всех весна*, а у меня *тоска*² – ментальное прочтение предиката *весна*.

Ср. метонимическое значение актуализируется в контекстах типа: Я уже одежду тёплую подальше убрала, ВСЁ, решила: пусть кто как хочет, а *у меня весна*!³

Ср. при этом ненормативное, с точки зрения норм современного русского языка высказывание: «Ни глотать, ни говорить, ни дышать не могу без ужасной боли, голову всю разломит, жар несносный, пульс бьётся шипче часовых секунд, во всём теле волнение, а боль в горле, как помнишь, зимою *была у меня боль зубов?*»⁴

Ср. также локализация формами типа *у нас, у вас, у них...*, эксплицирующими семантику состояния как характеристики, внешней по отношению к наблюдателю.

Ср.: Даже Маланья, я слышал, жаловалась хозяйке, что в доме *у нас тоска...*⁵

Конструкция может задавать обязательный локализатор.

Ср.: Вот я, вроде бы, человек посторонний, а *у меня на душе праздник!*⁶

Ср.: также: *Много скверных осадков у меня на душе*, но будет опять Россия, и они разлетятся, как дым от лица огня.⁷ – Ср. *Весна – На душе весна*, но: *На душе скверный осадок – *Скверный осадок*.

² Кучук А. Как я «лечила» дом по фэн-шуй (Комсомольская правда, 2005.04.19) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.01.2024).

³ Беременность: Планирование беременности (форум) (2005) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴ Дубельт А. Н. Письма к мужу (1833) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.01.2024).

⁵ Хвоцинская Н. Д. Первая борьба («Отечественные записки», №№ 8, 9, 1869) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.01.2024).

⁶ Полонский Г. Не покидай (1998) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.01.2024).

⁷ Вигилянский В. Н. «Взгляни на дом свой, ангел...» (2001) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.01.2024).

Обязательный локализатор обуславливает контекстуальную метафоризацию значения (как собственно имён состояний, так имён с темпоральным значением, а также конкретных имён).

Ср. *мрак, камень, ад, Пасха* и др.: Они поют свои песни, а *у меня на душе мрак*¹.

У меня на душе сейчас точно *Пасха*².

А у меня на душе, как *туман*³.

«*Сегодня у меня на душе* дождь и *слякоть*, – приписал Вадим на том самом листочке, где оценивал теракт в метро и планировал собственный»⁴. Ср. введение связочного глагола с бытийным / фазовым значением:

У меня на душе *встала* *забота*: Мотылька⁵.

Таким образом, параметры пространственной и временной локализации могут служить определяющими факторами при формировании оценочного предикативного значения: они задают специфические семантико-грамматические «рамки», обуславливающие прочтение ситуации в связи с её актантами и сирконстантами структуры.

III. Время и параметры релятивизма состояний

Пространственная (в физическом или ментальном пространстве) локализация оценок и состояний, выражаемых предикативом, в целом является узуальной. Более того, как было показано выше примерами

типа *У меня на душе* + *Нот.*, такая локализация является продуктивной языковой (речевой?) моделью формирования новых значений, имеющих также специфические грамматические параметры реализации. Временная локализация оценок в этом отношении более противоречива.

В ряде работ рассматривалось соотношение реальной и прототипической (идушей от грамматической формы) семантики глаголов типа *пустовать*, см. рассуждение о семантическом характере типологии предикатов в [3; 10]. Однако грамматические глагольные категории «нужны» не для того, чтобы навязывать семантику. Глагольные категории навязывают модальные характеристики ситуации – но можно ли считать такие наращения (актуальность, перфективность / имперфективность и др.) семантическими (тем более что такие наращения находят поддержку именно на уровне синтаксической структуры, синтагматики)? Глагольность в этих случаях – «продукт» синтаксиса и служит только для адекватного, привычного языку способа описания фактов.

На лугу *желтеет* сурепка – На лугу сурепка *жёлтая* (+ *давно, уже...*)

Иную ситуацию можно наблюдать в случае с именными предикатами, которые прототипически не ограничены одним типом денотативного представления ситуации, а могут реализовывать как минимум три типа (состояние, оценка, качество / свойство). Фактор времени является одним их ключевых в классификационной сетке предикатов, ср. противопоставление качеств и свойств как «постоянного, вневременного» и «частного проявления»: «Качества представляют собой *относительно* независимую от течения времени характеристику предмета» [3, с. 53] (курсив наш. – П. Т.). В ряде контекстов «свойства» в интерпретации Т. В. Булыгиной сближаются с состояниями, ср. примеры типа *Он был довольно холоден с ней и в разговоре* [3, с. 58]. Различия между состояниями и качествами / свойствами также могут описываться в терминах временно- / вневременного, поскольку предикаты

¹ Делианич А. И. Вольфсберг-373 (1945–1960) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.01.2024).

² Протоиерей В. П. Свендицкий. Письма из ссылки (1928) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.01.2024).

³ Ремизов А. М. Взвихренная Русь (1917–1924) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴ Тумакова И. Теракт на листке в клеточку. Курсант Вадим Осипов госпитализирован в психиатрический стационар (Новая газета, 2018.04.15) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.01.2024).

⁵ Сухотина-Толстая Т. Л. Отрочество Тани Толстой (1910–1950) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.01.2024).

типа *На улице холодно* и *На лугу желтеет сурепка* описывают концептуально идентичные явления (температура / цвет).

Отдельную проблему в классификации представляют так называемые внутренние состояния: они специфически «локализованы», скорее даже речь может идти о псевдолокализации (Мне *дурно* – **Во мне дурно*, **Где тебе дурно?* при *возможном: В доме сыро*), часто описываются через внешние атрибуты (он был *холоден* с ней, он был *бледный / красный* от...).

Характерная черта предикатов состояния, согласно [10], – конкретно-референтный характер реализации позиции субъекта. Кроме того, экзистенциальный характер таких предикатов описывается через признаки актуальности и временной локализованности (что поддерживается введением категории дезактуализаторов): состояния должны быть, таким образом, «привязаны» к тому, что условно можно определить через хайдеггеровский термин *Dasein*, т. е. бытие данного субъекта в данном месте и в данное время.

Ещё А. А. Потебня полагал, что термин «именное сказуемое» лингвистически неверен, происходит от смешения логических и грамматических категорий (предикат как суждение / предикат как грамматическое сказуемое), отмечая, что «...грамматическим сказуемым имя быть не может, как скоро под именем разумеем признак данный, готовый, представляемый независимо от времени своего возникновения» [8, с. 111]. В этой связи важно употребление термина «*представление*» / «*представлять*» – весьма популярного при описании предикативной синтагмы в работах конца XIX – начала XX вв. Введение этого термина призвано решить проблему присутствия непосредственного человеческого опыта в грамматической системе языка. С точки зрения А. А. Потебни, наличие грамматических показателей у «истинного», т. е. глагольного, сказуемого обнаруживает экзистенциальный характер его семантики, в отличие от имени, не имеющего грамматических форм, с помощью которых такая «привязка» семантики к данной вне-

языковой реальности могла бы быть осуществлена. Неэкзистенциальные употребления именных предикатов отмечались и ранее; они в целом могут трактоваться как периферийные и отражающие способ организации грамматических значений, не вполне соответствующий современной норме. Качества и свойства в концепции предикатов Т. В. Булыгиной предполагают некий компромиссный вариант решения эссенциалистской проблемы качества как базового семантического понятия.

Таким образом, введение Т. В. Булыгиной общей категории «явлений» позволяет отчасти решить проблему неоднозначной связи состояния и так называемого субъекта состояния, в частности проблему диффузности семантики состояния в конструкциях типа *Мне страшно, что...*, которые описывают и внутреннее состояние, и синкретичную интеллектуальную оценку (вневременную, не актуальную и не локализованную).

При этом язык может предлагать как минимум две антиэссенциалистские стратегии взаимного перехода качеств, оценок и состояний:

А. Я не знаю, что такое «доброта», но я знаю, что значит «добрый человек»; отсюда: качества могут семантически концептуализироваться как оценочные имена, в которых оценочный компонент выведен из зоны прагматики и вписан в семантическую структуру, а также обуславливает тип денотата – субъекта-носителя признака;

Б. Я не знаю, что такое «доброта», но я знаю, что значит «проявлять доброту», быть добрым «здесь и сейчас», отсюда: признаки переживаются, они могут быть грамматически и семантически концептуализированы как состояния, в том числе могут образовать канонические и неканонические слова категории состояния, могут сочетаться с субъектными и ограничительно-темпоральными детерминантами и т. д.

Заключение

Таким образом, конструкции с предикативом представляют собой лексико-грамматическую фиксацию события в пространственно-временном континууме. Отсюда возможны несколько следствий:

1) идея лексикализации событийности в языке – это эволюционный процесс (перефразируя выражение Т. Гивона, лексика – это вчерашний синтаксис), и «новые» формы предикативности в языке являются фактами лексической фиксации событий. Именно в силу особого экзистенциально значимого характера фиксации предикатив является одним из активно пополняющихся классов слов современного русского языка. Образование предикативов и обособление предикативных словоупотреблений представляет собой достаточно удобную и грамматически элементарную (ср. длительную и запутанную историю развития глагольных категорий и их формальных показателей) модель оформления событийности в языке;

2) предикативность в языке развивается от непосредственных реакций на внеязыковую действительность (ср. экзистенциальные критерии состояний в работе [10]) к ментальным характеристикам, в том числе интеллектуальным оценкам. Интеллектуальные оценки, с одной стороны, релятивизируют состояния (ср. *Обидно, что...* – «Мне обидно» (~вообще)),

а с другой стороны, выводят их за пределы экзистенциальной реакции и экзистенциального «переживания»: «Мне обидно, что в мире так много зла» – *«Когда и где мне это обидно? Кому это обидно? Критически ли важен в подобных конструкциях детерминант мне? С другой стороны, именно детерминант может определять предикативную семантику как стальную с привязкой к конкретным пространственно-временным характеристикам ситуации.*

3) предикативность есть продукт разнонаправленной трансформации так называемого «представления» – т.е. экстралингвистического (психологического) феномена, определяемого при этом как часть лингвистического описания реальности. Представление, в контексте такого подхода, есть одновременно актуализованное (с точки зрения представляющего, переживающего субъекта) и дезактуализованное (с точки зрения вневременной лингвистической реальности) событие. Таким образом, логика синтаксического функционирования предикативов – это, с одной стороны, логика дрейфа от ментальных установок к интерпретациям и экспериенциальности, а с другой стороны – от экзистенциальных характеристик ситуации «здесь и сейчас» к моделированию вневременных, дезактуализованных параметров ситуации.

Статья поступила в редакцию 26.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Едиториал УРСС, 2003. 383 с.
2. Бородай С. Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. М.: Садра: ЯСК, 2020. 800 с.
3. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 574 с.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2018. 352 с.
5. Герасименко Н. А. Осложнение связочно-субстантивного сказуемого // Лекантовские чтения – 2022: материалы Международной научной конференции, Москва, 18 ноября 2022 г. / отв. ред. Е. Н. Орехова. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 52–56.
6. Герасименко Н. А. Структурно-семантические особенности русских двусоставных неглагольных предложений // Обучение иностранным языкам в условиях ограниченной языковой среды: сборник статей научно-практического семинара с международным участием. М: РГУ им. А. Н. Косыгина, 2022. С. 107–111.
7. Кибрик А. Е. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и словаре: сборник статей к 70-летию Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 434–446.
8. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.

9. Селивёрстова О. Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 959 с.
10. Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селивёрстова. М.: Наука, 1982. 365 с.
11. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 796 с.
12. Тимошенко С. П. Ещё раз о внешнем посессоре: сравнение дательного падежа и предлога *к* // Труды ИРЯ РАН. 2020. № 3 (25). С. 92–103.
13. Фон Вритт Г. Х. О локализации ментальных состояний / пер. К. А. Переверзева // Логический анализ языка: Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 16–19.
14. Циммерлинг А. В. Предикаты состояния и семантические типы предикатов // *Ontology of Stative Situations – Linguistic Modeling. A Contrastive Bulgarian – Russian Study*. [Bulg.: Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски] / ed. S. Koeva, E. Ivanova, Y. Tisheva, A. Zimmerling. София: Проф. Марин Дринов, 2022. С. 31–52.
15. Шаповалова Т. Е. Выражение временных значений синонимичными конструкциями в простом предложении // Шаповалова Т. Е. Этюды о времени: избранные статьи. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 34–43.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy* [Sentence and Its Meaning: Logical-Semantic Problems]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 383 p.
2. Borodai S. Yu. *Yazyk i poznanie: vvedenie v postrelativizm* [Language and Cognition: An Introduction to Post-Relativism]. Moscow, Sadra Publ., YASK Publ., 2020. 800 p.
3. Bulygina T. V., Shmelyov A. D. *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Linguistic Conceptualization of the World (On the Material of Russian Grammar)]. Moscow, Yazyki russkoj kultury Publ., 1997. 574 p.
4. Wittgenstein L. *Philosophische Untersuchungen* (Rus. ed.: Dobroselsky L., transl. *Filosofskie issledovaniya*. Moscow, AST Publ., 2018. 352 p.).
5. Gerasimenko N. A. [Complication of the Copular-Substantive {redicate}. In: *Lekantovskie chteniya – 2022: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 18 noyabrya 2022 g.* [Lekant Readings – 2022: Materials of the International Scientific Conference, Moscow, November 18, 2022]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2022, pp. 52–56.
6. Gerasimenko N. A. [Structural and Semantic Features of Russian Two-Part Non-verbal Sentences]. In: *Obuchenie inostrannym yazykam v usloviyah ogranichennoj yazykovoj sredy: sbornik statej nauchno-prakticheskogo seminara s mezhdunarodnym uchastiem* [Teaching Foreign Languages in a Limited Language Environment: A Collection of Articles from a Scientific and Practical Seminar with International Participation]. Moscow, RSU named after A. N. Kosygina Publ., 2022, pp. 107–111.
7. Kibrik A. E. [External Possessor as a Result of Splitting of Valences]. In: *Slovo v tekste i slovare: sbornik statej k 70-letiyu Yu. D. Apresyana* [Word in Text and Dictionary: Collection of Articles for the 70th Anniversary of Yu. D. Apresyan]. Moscow, Yazyki russkoj kultury Publ., 2000, pp. 434–446.
8. Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoj grammatike. T. I–II* [From Notes on Russian Grammar. Vol. I–II]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1958. 536 p.
9. Selivyorstova O. N. *Trudy po semantike* [Works on Semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2004. 959 p.
10. Selivyorstova O. N., ed. *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic Types of Predicates]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 365 p.
11. Testelec Ya. G. *Vvedenie v obshchij sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 796 p.
12. Timoshenko S. P. [The External Possessor in Russian: Comparing Dative Construction and the Construction “K (‘towards’) + NPdat”]. In: *Trudy IRYA RAN* [Proceedings of the Institute of Research of the Russian Academy of Sciences], 2020, no. 3 (25), pp. 92–103.
13. Von Wright G. H. The Modal Logic of Place (Rus. ed.: Pereverzev K. A., transl. *O lokalizacii mental'nyh sostoyanij*). In: *Logicheskij analiz yazyka: Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of Language: Languages of Spaces]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, pp. 16–19).
14. Zimmerling A. V. [States, Events and Predicate Types]. In: *Ontology of Stative Situations – Linguistic Modeling. A Contrastive Bulgarian – Russian Study*. Sofiya, Prof. Marin Drinov Publ., 2022, pp. 31–52.
15. Shapovalova T. E. [Expression of Temporal Meanings by Synonymous Constructions in a Simple Sentence]. In: *Shapovalova T. E. Etyudy o vremeni: izbrannye stat'i* [Etudes about Time: Selected Articles]. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2022, pp. 34–43.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Топорков Пётр Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского;
e-mail: ptoporkovnewnew@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petr E. Toporkov – Cand. Sci.(Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Russian as a Foreign Language, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski;
e-mail: ptoporkovnewnew@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Топорков П. Е. Релятивизм оценок и состояний (на материале предикативов русского языка) // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 64–74.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-64-74

FOR CITATION

Toporkov P. E. Relativism of Appraisal and States (Based on the Material of Predicatives in Russian). In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2, pp. 64–74.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-64-74

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.112.2

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-75-82

ПОКОЛЕНИЕ «ОТЦОВ» VS ПОКОЛЕНИЕ «ДЕТЕЙ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ГЕРМАНИИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Б. ШЛИНКА «ТРИ ДНЯ»)

Гущина А. И.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,

Одинцовский филиал

143007, Московская обл., г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать художественное отражение деятельности политического движения «Фракция красной армии» (РАФ) в творчестве современного немецкого прозаика Б. Шлинка на примере романа «Три дня» и выявить основные причины его появления в 1960-е гг. в Германии.

Процедура и методы. Для раскрытия темы используются аналитический, культурно-исторический, сравнительно-исторический, описательный и психологический методы исследования художественного текста. Автором исследования даётся анализ общественной жизни в Германии после второй мировой войны. В статье указывается, что тема становления нового экономически сильного, современного немецкого государства отразилась не только в общественной жизни, но и в литературе. Вместе с тем в рамках исследования практического материала были обозначены причины, которые привели к возникновению радикального движения в стране, были раскрыты «теневые» стороны экономически успешной ФРГ. Актуальность обозначенной в статье проблемы обусловлена отражением и репрезентацией деятельности РАФ в современной немецкой литературе на примере романа Б. Шлинка «Три дня». Основное содержание исследования составляет контекстуальный анализ романа по заданной теме, кроме того, кратко даны интерпретация проблемы «конфликта поколений» и сравнение по данной тематике у других немецких классиков.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о том, что в романе «Три дня» Б. Шлинку удалось показать сложную коллизию между «принятием» и «пониманием» немецкой истории разными поколениями, писатель психологически тонко отметил невозможность объективно проанализировать одно и то же историческое событие глазами «отцов» и «детей». Кроме того, выявлено, что в романе писатель умело подводит читателя к осознанию бессмысленности вооружённой войны против «бывших» нацистов и неонацистов теми же способами, которые применяли ранее они.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование подтверждает, что проблема поколений является актуальной для современной Германии и занимает в творчестве Б. Шлинка далеко не последнее место. Тема «отцов» и «детей» присутствует в произведениях Шлинка также вне связи с темой нацизма и носит психологический характер. Необходимо отметить, что в отечественном литературоведении широко анализируется тема нацизма на примере романа «Чтец», однако недостаточно проанализированы другие романы, посвящённые проблеме поколений. В свою очередь, результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении творчества Шлинка, а также в курсе преподавания истории зарубежной литературы XX–XXI вв.

Ключевые слова: вина, «непреодолённое прошлое», психологизм, РАФ, «спор историков», студенческие протесты, Шлинка

© CC BY Гущина А. И., 2024.

GENERATION OF “FATHERS” VS GENERATION OF “CHILDREN” IN MODERN GERMAN LITERATURE (USING THE EXAMPLE OF B. SCHLINK’S NOVEL “THE WEEKEND”)

A. Gushchina

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo branch

ul. Novosportivnaya 3, Odintsovo 143007, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the artistic reflection of the activities of the political movement “Red Army Faction” (RAF) in the work of the modern German prose writer B. Schlink using the example of the novel “The Weekend” and identify the main reasons for its appearance in the 1960s in Germany.

Methodology. Analytical, cultural-historical, comparative-historical, descriptive and psychological methods of studying the artistic text are used to reveal the theme. The author of the research gives an analysis of public life in Germany after the Second World War. The article indicates that the topic of the formation of a new, economically strong, modern German state was reflected not only in public life, but also in art as well as in literature. At the same time, as part of the study of practical material, the reasons that led to the emergence of a radical movement in the country were identified, the “shadow” sides of the economically successful Federal Republic of Germany were revealed. The relevance of the problem indicated in the article is due to the reflection and representation of the activities of RAF in the modern German literature on the example of B. Schlink’s novel “The Weekend”. The main content of the study is a contextual analysis of the novel on a given theme, in addition, an interpretation of the “generational conflict” problem and a comparison of this topic with the works of the German classics are briefly given.

Results. According to the results of the study, it was concluded that in the novel “The Weekend” Schlink managed to show a complex collision between the “acceptance” and the “understanding” of German history by different generations, the writer psychologically subtly noticed the inability to objectively analyze the same historical event through the eyes of “fathers” and “children”. In addition, it was revealed that in the novel the writer subtly leads the reader to the awareness of the senselessness of the armed war against the “former” Nazis and neo-Nazis in the same ways that they had previously used.

Research implications. The study confirms the problem of generations is relevant for modern Germany and occupies one of the main places in the works of B. Schlink. The theme of “fathers” and “children” is also present in Schlink’s works out of connection with the Nazism theme and is psychological in nature. It should be noted that in domestic literary criticism the topic of Nazism is widely analyzed on the example of the novel “Reader”, however, other novels devoted to the problem of generations have not been sufficiently analyzed. The results of the study can be used in the further study of Schlink’s works, in teaching the course on history of foreign literature of the XX–XXI centuries.

Keywords: guilt, “an unmastered past”, psychology, RAF, “historians’ dispute”, student protests, Schlink

Введение

Творчество современного немецкого писателя Бернхарда Шлинка (Bernhard Schlink, род. в 1944 г.) тесно связано с темой исторического прошлого. Писатель искусно преподносит читателю различные исторические и политические события с позиций различных персонажей: активный участник политических событий, пассивный наблюдатель, ярый борец за

справедливость или, наоборот, гедонист. Необходимо отметить, что писатель принадлежит к первому послевоенному поколению «детей», которое так ревностно обличало поколение «отцов», допустивших нацистские преступления или лично участвовавших в них. Сам Шлинка не выражает протестных мнений открыто и радикально, однако его герои настолько разные, что каждое новое произведение

писателя раскрывает отдельные периоды в истории Германии, начиная со второй половины XIX в. (напр., роман «Ольга», 2018) и заканчивая XXI в. (романы «Женщина на лестнице», 2014; Внучка, 2021).

Известно, что тему прошлого Шлинк выделяет как одну из основных в своих произведениях. Наглядно о РАФ и о молодом поколении, желавшем изменить современную им реальность, Шлинк рассказывает в романах «Три дня»¹ (*Das Wochenende*, 2008), «Женщина на лестнице»² (*Die Frau auf der Treppe*, 2014) и в вышедшем в Германии в 2021 г. романе «Внучка»³ (*Enkelin*, 2021). Стоит отметить, что романы Шлинка абсолютно созвучны душевным переживаниям немецкого общества, они передают сильнейшие эмоциональные реакции на происходящее в политической и общественной жизни страны.

Тема нацистского прошлого в творчестве Бернхарда Шлинка

На примере романа Б. Шлинка «Три дня» попытаемся проанализировать деятельность политической организации, рассмотрим судьбы конкретных персонажей, выясним истинные причины, «заставившие» их примкнуть к ультралевому террористическому движению.

Важно подчеркнуть, что раскрытие темы взаимоотношений между поколениями «отцов» и «детей» волнует Шлинка потому, что именно разность взглядов на жизнь в силу возраста, а также приобретённый опыт приводят к столкновению определённых мнений о важных общественных и политических событиях, произошедших в немецкой истории.

В произведениях Шлинка зачастую персонажи могут подвергаться «суду» представителями другого поколения. Это обусловлено тем, что происходящие исторические изменения отражаются и в обще-

ственном сознании, что служит основой для формирования стереотипов, неправильного трактования происходящего в глазах разных поколений. Нередко стереотипы, живущие в сознании «отцов», или не актуализируются в сознании «детей», или, наоборот, становятся объектом споров и разногласий.

Тема непонимания и конфликт между поколениями не утратили своей силы и в XX столетии, это связано с существованием диалектического закона отрицания.

Такого рода конфликт носит экзистенциальный характер и относится к вечным категориям человеческого бытия, истоки которого ведут во времена Аристотеля.

Первая половина XX в. была полна трагических событий: на смену первой мировой войне пришла вторая мировая, ещё более кровопролитная, это стало ударом для миллионов людей, причиной такой войны стал приход к власти в Германии национал-социалистов. На фоне военных событий особо остро актуализировалась тема «отцов» и «детей». Тема непонимания в европейской литературе известна давно, но назрела она именно после второй мировой войны, когда рушились старые ценности, происходило переосмысление прошлого, осознание свершившегося. В результате эта тема приобрела новый виток развития и обострения, а в период после 1945 г. конфликт «отцов» и «детей» получил особый исторический и морально-нравственный смысл [9]. Поэтому логично утверждать, что вслед за Г. Бёллем, З. Ленцем, В. Борхертом, Г. Грассом и другими Шлинку удалось нащупать «болезненные точки», которые требовали излечения.

Именно в период 1950–1970-х гг., когда память о фашизме и войне ещё была свежа, в сознании первого послевоенного поколения «детей» обретают «живую» актуальность острые темы и проблемы: истоки нацизма, развеивание нацистских «мифов», «непреодоленного прошлого», вина за совершённые преступления, опасность повторения, нравственно-этические проблемы в обществе «экономического чуда» [1;

¹ Шлинк Б. Три дня / пер. И. П. Стребловой. СПб.: Азбука, 2010. 256 с.

² Шлинк Б. Женщина на лестнице / пер. Б. Н. Хлебникова. СПб.: Азбука СПб, 2015. 256 с.

³ Шлинк Б. Внучка / пер. Р. С. Эйвадаса. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. 416 с.

2] – эти же темы были освещены и в художественной прозе. Важно отметить, что в новейшей немецкоязычной литературе писатели продолжают заострять внимание на военной тематике, однако раскрывают её иначе: о ней пишут представители первого, второго или даже третьего послевоенного поколения. Как отмечает Г. В. Кучумова, романы современных авторов похожи на «раскопки», когда обязательно открываются новые факты [6]. Примечательно, что в книге «Размышления о писательстве» (*Gedanken über das Schreiben*, 2011) Шлинк так определяет для себя цель своего обращения к историям о прошлом: рассказывать их подлинно («wahrhaftig zu erzählen») [10, s. 28]. По мнению писателя, «правда есть единственное обязательство», которое он «сам для себя видит» («Wahrheit ist die einzige Verpflichtung ... es ist die einzige Verpflichtung, die ich für mich selbst sehe») [10, s. 28–29]. Именно в русло этой традиции встраивается и Шлинк с политически острым романом «Три дня», в котором на глазах читателя совершается «суд».

В романе «Три дня» писатель рассказывает о выходе из тюрьмы после 24-летнего заключения немецкого террориста Йорга¹, одного из бывших лидеров ультралевого экстремистской организации «Фракция красной армии». Главный герой Йорг проводит первые три дня в окружении бывших единомышленников, стремящихся помочь ему адаптироваться к новой жизни. События разворачиваются в загородном доме его сестры.

Йорг, получивший пожизненный тюремный срок за похищения людей, убийства высокопоставленных чиновников, а также за попытки вызволить из тюрьмы товарищей-террористов, был помилован, но, выйдя из тюрьмы, продолжает отстаивать свои политические убеждения: он боролся с бывшими нацистами, стоявшими у власти уже новой Германии в 1960-е гг. В первый вечер на свободе Йорг в окружении старых друзей вспоминает: «Не бороться мы не могли. Наши родители *приспособи-*

лись и увильнули от сопротивления – мы не должны были этого повторить»² (курсив наш. – А. Г.). А в беседе с Марко, молодым человеком, приверженцем идеологии РАФ, он предостерегает: «Оттого проблемы возвращаются снова, что не были разрешены. И РАФ тоже вернётся. Иная, чем тогда. Но вернётся. А так как капитализм стал глобальным, то и борьба с ним будет вестись в глобальном масштабе – решительнее, чем прежде»³. Отметим, что перед читателем предстаёт биография не столько индивидуальная, сколько биография целого поколения молодых интеллектуалов, которые под влиянием обманчивых убеждений и стереотипов встали на путь терроризма и насилия.

Чтобы отчётливее понять идеологию РАФ, следует выяснить истинные цели, которые преследовали участники политического движения. «Фракция красной армии» провозгласила своей целью осуществление в стране пролетарской коммунистической революции, средством подготовки которой является развязанная в условиях города партизанская война [5]. Это была война против государственного аппарата, капитализма, милитаризма и нацистского прошлого⁴. В этой борьбе участвовали студенты, примечательно, что многие из них были детьми высокопоставленных чиновников, чья карьера не претерпела изменений после падения нацистского режима. Это и послужило началом молодёжных движений и студенческих протестов в 1960-е гг. [4]. Характеризуя главного героя романа, Шлинк изображает его фанатично верным своей борьбе. Находясь в тюрьме, он убеждён в необходимости уничтожения бывших нацистов. Йорг не только не признаёт своей вины, подавая прошения об освобождении, но с уверенностью расценивает свои поступки как правомерные, утверждая: «Я не молю о пощаде. Я во-

² Шлинк Б. Три дня / пер. И. П. Стребловой. СПб.: Азбука, 2010. С. 207

³ Там же. С. 210–211.

⁴ Женин И. Левый терроризм в Германии [Электронный ресурс] // Постнаука: [сайт]. URL: <https://postnauka.ru/video/42423> (дата обращения: 02.03.2022).

¹ Кристиан Клар – прототип главного героя Йорга в романе «Три дня».

евал с этим государством, и оно воевало со мной, так что мы с ним квиты, и никто никому ничем не обязан»¹. В его сознании продолжает развиваться идея, что с фашизмом, как со всяким злом, необходимо продолжать бороться. Но Йорг до конца не осознаёт, что жизнь изменилась. Его же товарищи, бывшие идейные соратники, уже не разделяют его фанатизма, они устали за эти годы, по их словам, «время ушло», они уже не молоды.

Интересным поворотом в сюжете становится неожиданное появление сына Йорга, молодого Фердинанда, который уже относится ко второму послевоенному поколению, поколению «внуков» нацистов. Молодой человек упрекает отца в том, что тот поступал с бывшими нацистами так же, как те обращались со своими жертвами. Вопрос о «правильности» такого суда и возникает у сына.

Состоявшаяся неожиданная встреча между отцом-террористом и его сыном определённо носила эмоционально-психологический характер и была наполнена обвинениями и упреками со стороны Фердинанда. Молодой человек взволнованно говорил о поступках Йорга и не боялся сравнивать его с нацистами, а его «городскую войну» – со второй мировой войной. Главный упрек Фердинанда сводился к отсутствию раскаяния в душе отца: отбыв тюремный срок, он даже «не понял, что натворил»².

К концу XX столетия национализм и фашизм были исследованы с разных сторон: исторической, социальной, психологической, нравственной и многих других.

Немецкая литература активно включилась в изучение и анализ произошедших событий и вместе с исторической наукой сделала многое для «преодоления» немецкого прошлого. В творчестве немецких писателей оно актуализировалось непосредственно перед объединением Германии.

Итак, обвиняя отца в преступлениях, совершённых против бывших нацистов,

Фердинанд рассуждает о произошедшем в ключе знаменитого «спора историков» (*Historikerstreit*), разгоревшегося в Германии в 1986 г. [7, с. 46–56]. Одна группа немцев во главе со знаменитым историком Ю. Хабермасом считала, что Германии необходимо преодолеть нацистское прошлое, однако нужно возложить ответственность за преступления нацизма и на потомков, по мнению учёного, нужно помнить о том, что преступления нацизма были беспрецедентны. Вторая группа учёных-историков во главе с Э. Нольтом считала недопустимым унижение национального величия и призывала не вспоминать ошибки прошлого. Обе группы отстаивали свою точку зрения и опровергали мнение оппонентов. Новая волна обсуждений была вызвана появлением книги американского политолога Д. Гольдхагена «Добровольные подручные Гитлера» (1996) [8, р. 157]. Ключевая мысль книги заключалась в том, что Холокост был «не только делом рук нацистских вождей, для его осуществления требовалась широкая сеть пособников и исполнителей» [3, с. 188–189]. По мнению учёного, главным мотивом Холокоста стала *готовность* большинства рядовых немцев не только терпеть, но и участвовать в преступлениях против евреев. Таким образом, книга «Добровольные подручные Гитлера» стала логичным продолжением знаменитого «спора историков». Многие немецкие учёные упрекали Гольдхагена в упрощении истории, в абсолютизации немецкой коллективной вины и демонизации немецкой нации [3, с. 190–192].

Возвращаясь к роману «Три дня» и к размышлениям Фердинанда, необходимо отметить его безоговорочное стремление записать отца в продолжатели нацистских преступлений. Йорг борется нацистскими же методами против бывших нацистов. Шлинк словно спрашивает, не означает ли это неизживаемость нацистской идеологии в сознании последующих поколений? Но наряду с историко-политическими размышлениями роману свой-

¹ Шлинк Б. Три дня / пер. И. П. Стребловой. СПб.: Азбука, 2010. С. 15.

² Там же. С. 164

ственен и психологический аспект¹. В большинстве диалогов даётся глубинная психологическая характеристика главного героя и других персонажей. Автор стремится показать степень ответственности и безответственности, лжи и правды, добра и зла, стремление к миру или новой войне.

Обвиняя отца, Фердинанд пытается понять, почему поколение его отца совершало те же самые ошибки, которые уже были совершены поколением нацистов, что и привело к мировой трагедии.

Существует определённая смысловая взаимосвязь между идеями в романе «Три дня» Шлинка и размышлениями Бёлля в романе «Бильярд в половине десятого» (1959). Следует отметить, что герои Бёлля также размышляют о нацистском прошлом, причём это делают представители сразу трёх поколений, в романе автор сопоставляет две формы реакции на проявление преступной идеологии – действие и бездействие. В «Бильярде в половине десятого» одна из героинь, Иоганна Фемель, находит свой радикальный способ отмщения тем, кто принял «причастие буйвола»² (тем, кто был виновен в гибели её сына). Проводя параллель между обоими романами, необходимо показать, что шлинковский Йорг так же примеряет на себя роль мстителя-судьи. В романе Бёлля представители поколения «внуков» Йозеф и Рут попадают в ситуацию символического выбора по отношению к событиям прошлого – восстанавливать ли аббатство, построенное дедом и взорванное отцом, или нет. И у Шлинка возникает похожая коллизия: представитель поколения «внуков» пытается оценить деяния «дедов» и понять мотивы поступков «отцов».

В начале романа «Три дня» возникают вопросы, касающиеся только межличностных отношений: «К чему же это приведёт? Что делать им обоим? Что нам делать?» – думает один из прежних това-

рищей отца³. Однако затем выясняется, что Фердинанд, обвиняя отца, разрушает ни много ни мало устойчивый миф, созданный предыдущим поколением. Самопрезентация Йорга и его товарищей как борцов с фашизмом фальшива, потому что из неё удалялись многие неудобные факты. Обратим внимание на диалог из главы «Суббота» (часть 13):

«Фердинанд по-прежнему смотрел на Йорга с выражением крайнего презрения: – Я не верю ни одному твоему слову. Всё, что тебе неудобно, ты выбрасываешь из памяти и придумываешь то, что хотел бы в ней держать. Очевидно, в убийстве председателя ты сыграл такую омерзительную роль, что не смог вынести этих воспоминаний. ...»

Фердинанд прервал свою речь; ему не хотелось произносить, кто такой его отец. Не захотел назвать его скотиной? Не захотел говорить о людях так, как говорил о них его отец?»⁴

Таким образом, читатель оказывается перед необходимостью ответить на сложный вопрос: почему после уничтожения нацистской идеологии в 1945 г. в Германии на смену пришёл неонацизм в 1960-е гг.? Имел ли Йорг право распоряжаться жизнью других людей? А кроме того, не он ли сам и ему подобные создавали очередной миф – о себе как о борцах с неонацистами?

Заключение

В романе «Три дня» Бернхарду Шлинку удалось показать сложную коллизию между «принятием» и «пониманием» истории, показать: «кто понимает, тот не осуждает, а кто осуждает, тот не понимает»⁵. Не случайно в жанровом отношении роман стали причислять к «просветительским»

¹ Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: учебное пособие. М.: Флинта, 2017. 173 с.

² Бёлль Г. Бильярд в половине десятого / пер. Л. Б. Чёрной. М.: АСТ, 2010. 360 с.

³ Шлинка Б. Три дня / пер. И. П. Стребловой. СПб.: Азбука, 2010. С. 165

⁴ Там же. С. 166.

⁵ Deißner D., Lindemann T. Ist "Der Vorleser" ein großer Roman? [Электронный ресурс] // Die Welt. 2007. 07. Okt. URL: <https://www.welt.de/kultur/article1241861/Ist-Der-Vorleser-ein-grosser-Roman.html> (дата обращения: 30.11.2022).

произведениям, в которых тонко изображены «чувства удовольствия, вины и стыда», взятые в перспективе немецкой послевоенной истории¹.

Именно поэтому немецкие литературные критики (Д. Дайснер, Т. Линдеман,

Р. Мориц) называют романы Шлинка «большой панорамой современной немецкой истории» (“ein grosses Panorama deutscher Gegenwartsgeschichte”)².

Статья поступила в редакцию 13.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борозняк А. И. Прошлое, которое не уходит: очерки истории историографии Германии XX в. Екатеринбург: Уральский университет, 2004. 329 с.
2. Зарицкий Б. Е. Людвиг Эрхард: секреты «экономического» чуда. М.: Бек, 1997. 289 с.
3. Кауганов Е. Л. «Спор Гольдхагена»: реактуализация проблемы вины в контексте национальной идентичности ФРГ в 1990-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 4 (31). С. 188–195.
4. Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и второй мировой войне в политическом сознании ФРГ [Электронный ресурс] / пер. Э. Каплуновской // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <http://www.zh-zal.ru/nz/2005/2/ke11.html> (дата обращения: 26.03.2023).
5. Кёнен Г. Веспер, Энслин, Баадер. Немецкий терроризм: начало спектакля / пер. А. Шавердяна. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2004. 480 с.
6. Кучумова Г. В. Немецкоязычный роман рубежа XX–XXI вв.: проблема Другого. Самара: Самара, 2019. 216 с.
7. Рулинский В. В. «Спор историков» в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления // Вестник славянских культур. 2013. № 1 (27). С. 46–56.
8. Goldhagen D. Hitlers willige Vollstrecker: Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin: Siedler Verlag, 1996. 728 s.
9. König M. Poetik des Terrors. Politisch motivierte Gewalt in der deutschen Gegenwartsliteratur. Bielefeld: Transcript, 2015. 508 s.
10. Schlink B. Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen. Zürich: Diogenes, 2011. 85 s.

REFERENCES

1. Boroznyak A. I. *Proshloe, kotoroe ne uhodit: ocherki istorii istoriografii Germanii XX v.* [The Past that does not Go Away: Essays on the History of Historiography in Germany in the 20th Century]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2004. 329 p.
2. Zaritsky B. E. *Ljudvig Erhard: sekrety “ekonomicheskogo” chuda* [Ludwig Erhard: Secrets of the “Economic” Miracle]. Moscow, Bek Publ., 1997. 289 p.
3. Kauganov E. L. [“Goldhagen’s Dispute”: Re-Actualization of the Guilt Problem in the Context of German National Identity in the 1990s]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Perm University. History], 2015, no. 4 (31), pp. 188–195.
4. König H. Das Erbe der Diktatur. Der Nationalsozialismus im politischen Bewußtsein der Bundesrepublik (Rus. ed.: Kaplunovskaya E., transl. *Pamyat’ o nacional-socializme, Holokoste i Vtoroj mirovoj vojne v politicheskom soznanii FRG*. In: *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency Reserve], 2005, no. 2–3. Available at: <http://www.zh-zal.ru/nz/2005/2/ke11.html> (accessed: 26.03.2023)).
5. Koenen G. Vesper, Enslin, Baader. Deutscher Terrorismus: Der Beginn des Stücks (Rus. ed.: Shaverdyan A., transl. *Vesper, Enslin, Baader. Nemeckij terrorizm: nachalo spektaklya*. Ekaterinburg, U’tra Publ., Kultura Publ., 2004. 480 p.).
6. Kuchumova G. V. *Nemeckoyazychnyj roman rubezha XX–XXI vv.: problema Drugogo* [German-Language Novel at the Turn of the 20th–21st Centuries: The Problem of the Other]. Samara, Samarama Publ., 2019. 216 p.
7. Rulinsky V. V. [“Dispute of Historians” in Germany: The Problem of Responsibility for Nazi Crimes]. In: *Vestnik slavyanskikh kul’tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2013, no. 1 (27), pp. 46–56.

¹ Gross R. Kitsch und Tod [Электронный ресурс] // Frankfurter Allgemeine. 2009. 08. April. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/schlinks-vorleser-kitsch-und-tod-1784197.html> (дата обращения: 27.12.2022).

² Moritz R. Bernhard Schlink lässt Bismarck in die Luft fliegen [Электронный ресурс] // Neue Zürcher Zeitung. 17.01.2018. URL: <https://www.nzz.ch/feuilleton/gesprengter-bismarck-ld.1347048> (дата обращения: 24.04.2023).

8. Goldhagen D. Hitlers willige Vollstrecker: Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin, Siedler Verlag Publ., 1996. 728 s.
9. König M. Poetik des Terrors. Politisch motivierte Gewalt in der deutschen Gegenwartsliteratur. Bielefeld, Transcript Publ., 2015. 508 s.
10. Schlink B. Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen. Zürich, Diogenes Publ., 2011. 85 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гущина Анна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного института международных отношений МИД России (Одинцовский филиал);

e-mail: anna-guschina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna I. Gushchina – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch);

e-mail: anna-guschina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гущина А. И. Поколение «отцов» vs поколение «детей» в современной литературе Германии (на примере романа Б. Шлинка «Три дня») // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 75–82.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-75-82

FOR CITATION

Gushchina A. I. Generation of “Fathers” vs Generation of “Children” in Modern German Literature (Using the Example of B. Schlink’s Novel “The Weekend”). In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2, pp. 75–82.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-75-82

УДК 821

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-83-93

МАТЕМАТИКА КАК ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ: К ВОПРОСУ О СООТВЕТСТВИЯХ МЕЖДУ РОМАНАМИ «ПЕТЕРБУРГ» А. БЕЛОГО И «МЫ» Е. ЗАМЯТИНА

Линьлин Чжан

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. В работе предпринимается попытка обнаружить общее в математико-литературных идеях двух авторов и понять, как математические алгоритмы воплощаются в структуре их романов.

Процедура и методы. С помощью различных способов анализа (герменевтического, сравнительно и культурно-исторического) доказываем, что в романах «Петербург» и «Мы» математика – как алгебра, так и геометрия – определяет способ восприятия мира авторами и их героями, вследствие чего особое внимание уделяется математике в контексте рассмотрения психологии и даже физиологии персонажей.

Результаты. Анализ показывает, что математика определяет способ ведения диалога Замятина с Белым, роман которого, безусловно, оказал влияние на мышление создателя «Мы».

Теоретическая и/или практическая значимость. Доказывается значение математики в прозе Белого и Замятина и на этой основе характеризуются особенности художественного мышления каждого писателя. Дальнейшее исследование их творчества в предложенном направлении поможет раскрыть философский смысл произведений, углубить понимание специфики психологизма двух авторов.

Ключевые слова: Белый, город, Замятин, математика, персонажи, «Петербург», «Мы»

MATHEMATICS AS THE PRINCIPLE OF ARTISTIC THINKING: ON THE QUESTION OF CORRESPONDENCES BETWEEN THE NOVELS "PETERSBURG" BY A. BELY AND "WE" BY E. ZAMYATIN

Linlin Zhang

*Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To find correspondences in the mathematical and literary ideas of the two authors and to understand how mathematical algorithms are embodied in the structure of their novels.

Methodology. By means of employing various modes of analysis (hermeneutical, comparative, and cultural-historical methods), it is shown that in the novels Petersburg and We mathematics, both algebra and geometry, determines the way the authors and their characters perceive the world, and, as a consequence, special attention is paid to mathematics in the context of considering the psychology and even physiology of the characters.

Results. The analysis shows that mathematics determines Zamyatin's way of conducting dialogue with Bely, whose novel undoubtedly influenced the thinking of the writer of *We*.

Research implications. The significance of mathematics in the prose of Bely and Zamyatin is proved, and on this basis the peculiarities of the artistic thinking of each writer are characterized. The further

study of their work in the proposed direction will help reveal the philosophical meaning of the works, to deepen understanding of the specifics of the psychologism of the two authors.

Keywords: Bely, city, Zamyatin, mathematics, characters, *Petersburg*, *We*

Введение

У А. Белого и Е. Замятина немало общего: интерес к наследию Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, эксперименту в сфере орнаментального и сказового слова. Но едва ли не главное, что объединяет двух писателей, – это математические основы художественного мышления (сын знаменитого профессора математики, ярчайшего представителя московской математической школы, А. Белый изучал математику и физику в Императорском Московском университете; Е. Замятин учился в Санкт-Петербургском политехническом институте, впоследствии преподавал там же, был математиком и кораблестроителем). В. Б. Шкловский отмечал: «Работы над образами у Замятина по характеру человека ближе всего к эпохе образа у Андрея Белого»¹.

По воспоминаниям Замятина, Белый как-то говорил ему о «кризисе культуры ... о теории “параллельных веков” и “спирального движения” человеческой истории»². Математика, безусловно, для обоих является способом постижения мира, в том числе истории, исторических процессов. Оба писателя осознали, что революция в научной мысли XX в. непосредственно приблизила математику к метафизике, оба видели в математике воплощение основ мироздания, что отвечало представлениям о мире, высказываемым в своё время ещё пифагорейцами. В тот период, который принято называть Серебряным веком, интерес к наследию пифагорейцев проявляли как учёные-математики, так и художники слова и философы, в том числе Вяч. Иванов, П. Флоренский. Сближению гуманитарной и научной мыс-

ли во многом способствовало учение отца А. Белого, профессора Н. Бугаева, дом которого часто посещали писатели, философы (Л. Толстой, К. Бальмонт, М. Волошин, В. Брюсов, Вяч. Иванов, Н. Веселовский). Как подчёркивает Л. Силард, «метаматематические идеи бугаевской школы сказались и на развитии целой линии русской прозы, так или иначе соотносившейся с символизмом или переработкой его наследия (А. Белый, Ф. Сологуб, Е. Замятин)» [5, с. 209].

Многие читатели романа «Мы» – в том числе писатели и литературоведы, такие как А. М. Ремизов, Ф. Винокуров, Н. Р. Курпякова, Е. Б. Скороспелова, М. П. Одесский, – обращали внимание на диалог Е. Замятина и А. Белого. Так, литературовед Н. З. Кольцова тонко подметила, что не только «Петербург», но и «Мы» является неотъемлемым элементом «Петербургского текста», и пришла к выводу, что «наиболее очевидным свидетельством “присутствия” романа А. Белого в тексте “Мы” являются всё же именно городская пейзаж и математическая символика» [3, с. 113]. Цель данной работы – обнаружить общее в математико-литературных идеях двух авторов и понять, как математические алгоритмы воплощаются в структуре их романов.

Математика как основа художественного мышления

В романах «Петербург» и «Мы» математика включает в себя алгебру и геометрию, формируя образы города и персонажей. Так, сенатор Аполлон Аполлонович взирает на мир сквозь призму математики, и «лишь любовь к государственной планиметрии облекала его в многогранность ответственного поста»³. Он мечтает о том, чтобы все социальные проблемы

¹ Шкловский В. Б. Гамбургский счёт: статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Советский писатель, 1990. С. 245.

² Замятин Е. И. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Мюнхен: Найманис, 1988. С. 181.

³ Белый А. Петербург. 2-е изд. СПб.: Наука, 2004. С. 21.

были переведены в область математики, а Петербург для него является воплощением порядка, симметричных и рациональных пропорций: «Более всего он любил прямолинейный проспект; этот проспект напоминал ему о течении времени между двух жизненных точек ... город Петербург ... там дома сливались кубами в планомерный, пятиэтажный ряд»¹.

В романе «Мы» город также отображается в геометрических формах: «линия Единого Государства – это прямая»², «Замятинский город-государство – это «непреложные прямые улицы»³, «параллелепипеды прозрачных жилищ»⁴, «площадь Куба»⁵, «аудиториум как полушар из стеклянных массивов»⁶. Н. З. Кольцова подчёркивает, что «создаваемый Замятинным город удивительным образом напоминает Петербург с его куполами и шпилями», с Петербургом прежде всего ассоциируется «геометрическая планировка проспектов и улиц – “линий”» [3, с. 99].

Гипертрофированная, доходящая до гротеска геометризация городского ландшафта в обоих текстах обусловлена ориентацией на точку зрения героев: «мозговая игра», положенная в основу романа А. Белого и поданная с помощью несобственно-прямой речи, у Замятина реализуется с помощью перволичного повествования. И если у Белого носителями математического «брёда» становятся разные персонажи (прежде всего отец и сын Аблеуховы), то у Замятина в центр выдвигается сознание одного героя – математика Д-503, образ которого вбирает в себя черты различных литературных прототипов, среди которых, вероятно, присутствуют герои не только Достоевского, но и Белого. Так, подобно Аполлону Аполлоновичу, герой Замятина взирает на мир сквозь призму математики и стремится к упрощению

сложных функций – не случайно его любимое слово «ясно».

Более того, математика для героев двух писателей – основа не только их мировидения, но и саморефлексии: Д-503, так же, как и герои А. Белого, постигает и выражает себя с помощью математических знаков и символов. «Математический метод» проявляет себя и в использовании писателями различных видов интроспекции – от краткой фиксации состояния героя до развёрнутого внутреннего монолога, раскрывающего воззрения героев на мир и его законы. Так, в вагоне подземной дороги Д-503 «закрывает глаза и мечтает формулами: ещё раз мысленно высчитывал, какая нужна начальная скорость, чтобы оторвать "Интеграл" от земли... Уравнение получалось очень сложное, с трансцендентными величинами»⁷. И выход (пусть даже в пространстве вычислений) за пределы мира действительных чисел порождает в нём состояние неуверенности. Он ощущает, что живёт «не в разумном мире, а в древнем, бредовом, в мире корней из минус-единицы»⁸. Дж. Дж. Уайт отмечает: «Квадратный корень из минус единицы приобретает для ранее рационально ориентированного Д-503 ... эмоциональное качество очень личного характера. Оно становится чем-то вне его сознательно управляемого образа мира. Возникает открытый конфликт с бывшим суперэго» [8, р. 74].

Но уже в романе А. Белого мы сталкиваемся с подобным типом мышления, когда «включаемся» в «мозговую игру» Аполлона Аполлоновича: «ему захотелось, чтоб вперёд пролетела карета, чтоб проспекты летели навстречу – за проспектом проспект ... чтобы вся, проспектами притиснутая земля ... в мировые бы ширилась бездны плоскостями квадратов и кубов»⁹. Мотив «мозговой игры» Аполлона Аполлоновича (и его сына Николая Аполлоновича) создаёт особое «астральное» измерение романа. По мнению

¹ Белый А. Петербург. 2-е изд. СПб.: Наука, 2004. С. 20.

² Замятин Е. Мы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 6.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 46.

⁸ Там же. С. 97.

⁹ Белый А. Петербург. 2-е изд. СПб.: Наука, 2004. С. 21.

Н. А. Бердяева, «А. Белый погружает человека в космическую безмерность, отдаёт его на растерзание космическим вихрям. Теряется граница ... Раскрывается астральный мир»¹. Выходом в «астральный мир» – пространство между духом и материей – становятся такие пространственные «точки», как голова сенатора, чёрный куб его кареты, кабинет высокого Учреждения и пр. Однако эти точки, или бесконечно малые величины, могут в любой момент обернуться бесконечностью, превратиться в безбрежность космоса: «черепная коробка его становилась чревом мысленных образов, воплощавшихся тотчас же в этот призрачный мир... ибо каждая праздная мысль развивалась упорно в пространственно-временной образ»².

В романе А. Белого «я» сенатора Аблеухова вбирает в себя пространства кареты-куба, комнаты и всего мироздания, а также миры двойников героя – зеркальных отражений. Паника, вызванная предощущением революции, становится причиной сна-бреда, в котором герой ведёт диалог со своим двойником. «Второе пространство» сенатора – мир зазеркалья – состоит из бесчисленных коридоров, ведущих в бездну: «Там Аполлон Аполлонович увидел круглую пробитую брешь в тёмно-лазурную даль (вместо темени) ... стало вытягивать сознание Аполлона Аполлоновича из-под крутня сверканий (сквозь теменную синюю брешь) в звёздную запредельность ... Аполлон Аполлонович вылетел через круглую брешь в синеву, в темноту, златоперой звездю»³. Итак, брешь представляет собой разлом пространства и «выворачивание» тела Аполлона Аполлоновича, или, в терминах П. Флоренского, «опрокидывание», своеобразное погружение в себя и выход в ноуменальный мир. Флоренский воспринимает мнимое пространство как поверхность эллиптического (неэвклидо-

вого) пространства: «Область мнимостей реальна... но переход от поверхности действительной к поверхности мнимой возможен только через разлом пространства и выворачивание тела через самого себя» [6, с. 51].

Итак, математика – как алгебра, так и геометрия – определяет способ восприятия мира как авторами, так и их героями. В «Петербурге» Николай Аполлонович видит своего отца Аполлона Аполлоновича так: «двухаршинное тельце родителя, составлявшее в окружности не более двенадцати с половиной вершков»⁴. Когда Аполлон Аполлонович страдает мигренью, он ощущает, «будто его голова в шесть раз больше, чем следует, и в двенадцать раз тяжелее, чем следует»⁵. После того, как Аполлон Аполлонович узнал, что его сын участвовал в революции, он «стал шестидесятилетний – тысячелетним каким-то»⁶.

«Количественный» подход к восприятию мира для героя Замятина также чрезвычайно важен, что подчёркивается самим названием романа: единица, с одной стороны, и сумма единиц с другой – для писателя и для его героя являются не только коррелятами индивидуального и общественного («я» и «мы»), но и математически, и физиологически телесно постигаемыми первоосновами мира. Так, когда миллионы «я» сливаются «в единое, миллионнорукое тело»⁷, Д-503 видит, что «мелькнуло рядом с R-13 чьё-то лицо – острый, чёрный треугольник»⁸; Д-503 сквозь какое-то толстое стекло видит «бесконечно огромное, и одновременно бесконечно малое, скорпионообразное, со спрятанным и всё время чувствуемым минусом-жалом: $\sqrt{-1}$ »⁹. Б. Кук утверждает: «математические понятия, такие как квадратный корень из минус единицы, стимулируют его память и его желание вступить в контакт со своим прошлым, тем самым

¹ Бердяев Н. А. Кризис искусства. Репринт. изд. М.: СП Интерпринт, 1990. С. 43.

² Белый А. Петербург. 2-е изд. СПб.: Наука, 2004. С. 34.

³ Там же. С. 140.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Там же. С. 341.

⁷ Замятин Е. Мы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 18.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С.126.

заставляя его углубляться в бесконечные просторы своего подсознания»¹ [7, p. 159].

Фрагменты романов Белого и Замятина, позволяющие читателю «прочувствовать» связь между математикой и телесными ощущениями, доказывают, что произведения двух авторов укладываются в особую модель художественной прозы, знакомую читателю по шедеврам русской и мировой литературы – прежде всего по знаменитой книге Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес», по книге, замысел которой неотделим от стремления автора облечь математические абстракции в метафорическую форму и тем самым вдохнуть в них жизнь. Так, во время падения в кроличью нору Алиса подвергается трансформациям: «Она попала из мира, управляемого логикой универсальной арифметики, в мир, где её размер может варьироваться от девяти футов до трёх дюймов»². Рост Алисы меняется несколько раз в день, что немислимо на Земле, но возможно в пространстве кроличьей норы – в мире, где действуют правила неевклидовой геометрии и высшей математики, где всё перевернуто, где «быстро» значит «медленно», а «вперёд» значит «назад». В зеркальном мире Королева говорит Алисе: «Чтобы оставаться на том же месте, нужно бежать изо всех сил. Если ты хочешь попасть куда-то ещё, ты должен бежать как минимум в два раза быстрее!»³ В сцене сна Алисы математические метафоры становятся ещё более волшебными и странными – и это далеко не случайно. Заметим, однако, что для автора «Алисы в стране чудес» на передний план выходит не проблема психологического состояния героини, но «игры разума» (и некая безэмоциональность холодноватой, с точки зрения русского читателя, сказки Кэрролла далеко не случайна), тогда как «Петербург», безусловно, сочетает в себе черты интеллектуального романа

и романа психологического: математика, как уже отмечалось, становится инструментом постижения человеческой души (отметим, что с подобным «математическим» психологизмом читатель встречается и в «Душевных смутах юного Терлеса» Р. Мюзилы, и в романе Е. Замятина «Мы»).

Двойственность, заложенная в образе (и характере) Аблеухова-старшего, предопределена рассогласованностью великого и ничтожного: сенатор Аполлон Аполлонович призван править огромными просторами России, но он же – жалкий и немощный старик – напоминает «ощипанного курёнка»⁴, и это несовпадение масштабов статуса и личности (фигуры) напоминает нам о финале «Шинели», когда двойником маленького человека Акакия Акакиевича оказывается призрак, отличающийся внушительными размерами и кулаком непомерной величины. Белый тонко улавливает механизм создания комического эффекта, заложенный в структуре «Шинели», и обнажает его с помощью математики: бесконечно большое и грандиозное соотносится с бесконечно малым и ничтожным. Для Замятина подобная связь так же несомненна и математически ясна: интеграл и дифференциал глубинно связаны друг с другом и не могут существовать независимо друг от друга. Д-503 видит странное сочетание на лице героини I-330: «высоко вздёрнутые у висков тёмные брови – насмешливый острый треугольник, обращённый вершиною вверх»⁵. Н. З. Кольцова подчёркивает, что «треугольник, при том, что это самостоятельная геометрическая фигура, в высшей математике обозначает операцию дифференцирования (знаком дифференциала является d или Δ – «дельта»), приблизительно так же соотносящуюся с процедурой интегрирования, как вычитание со сложением, деление с умножением» [3, с. 144].

Мы знаем, что независимая переменная в результате математических построений

¹ Ardis A. A. Zamyatin's We. A Collection of Critical Essays. Ann Arbor: Ardis, 1988. P. 159.

² Bayley M. Algebra in Wonderland. New York Times. March 7, 2010 (3). P. 3.

³ Lewis Carroll. Through the looking-glass, and what Alice found there. London: Macmillan and co. 1872. P. 42.

⁴ Белый А. Петербург. 2-е изд. СПб.: Наука, 2004. С. 138.

⁵ Замятин Е. Мы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 68.

изменяется, бесконечно большое и бесконечно малое обратны друг другу. У Белого Петербург – это бесконечно маленькая чёрная точка, из которой вырывается бесконечный циркуляр. У Замятина, когда I-330 хочет вывести Д-503 за Зелёную Стену, тот описывает себя как «бесконечно-малое, я – точка...»¹. Но эта точка бесконечна, потому что «в точке – больше всего неизвестностей; стоит ей двинуться, шевельнуться – и она может обратиться в тысячи разных кривых, сотни тел»². Изменения героев в романах «Петербург» и «Мы» подтверждают, что они, подобно героине Кэролла, попадают в «кроличью нору» (мнимый мир, пространство зазеркалья) – в область сновидений, душевных потрясений и прозрений, или тот же «астральный» (по Бердяеву) мир. М. А. Гранди и С. Тубер отмечают: «Переход, при котором главный герой перемещается из реального пространства повествования в пространство воображаемое. Усиление входа – психический переход из одного состояния в другое, которое и есть то переходное пространство, и есть аффективная окраска опыта... Дыра как средство перехода передаёт примитивные страхи безграничности, беспомощности и непредсказуемости. Эти примитивные страхи проявляются у Алисы в нарушении целостности тела, объектных отношений и символических процессов» [7, р. 274].

Когда герои романа «Петербург» испытывают невыносимую душевную боль, они предаются бессмысленным вычислениям. Так, Сергей Сергеевич считает секунды с момента ухода Софьи Петровны: «Шестидесятю сто двадцать? Дважды шесть – двенадцать; да один в уме: одинажды шесть – шесть; плюс – единица... Да ещё два нуля: итого – семь тысяч двести секунд... семь тысяч двести секунд пережил он, как семь тысяч лет»³. Психологическая достоверность данного фрагмента несомненна: в минуты душевной смуты чело-

век часто фокусируется на бессмысленных повторяющихся действиях, доходящих до автоматизма. Исчисляя страдание секундами, герой вытесняет его из сознания, тогда как Белый таким образом воздействует на читателя, предоставляя тому возможность разделить с героем тянущееся время ожидания как бы психологически увеличивая его продолжительность. Подобный приём передачи состояния героя и суггестии используется и в связи с Николаем Аполлоновичем, «романное» время которого хронометрируется тиканьем часового механизма, встроенного в самодельную бомбу. Когда Абреухов-младший поворачивает ключ в этой странной бомбе-сардиннице, он думает о том, что «безобразия длится сутки, то есть двадцать четыре часа, или – восемьдесят тысяч шестьсот стрекотавших в кармане секундочек: восемьдесят тысяч мгновений, то есть столько же точек во времени; но едва мгновение наступало и на него наступали, – секунда, мгновение, точка»⁴. И, когда душевная боль достигает предела, сознание героя «взрывается» – как бомба-сардинница.

В романе «Мы», когда герой Д-503 мечтает о встрече с I-330, время растягивается и в то же время «материализуется» в его бесконечных страданиях. Во время ожидания I-330, он «был – острая, дрожая секундная стрелка. Восемь, десять минут... Без трёх, без двух двенадцать...»⁵. Когда герой Д-503 входит в Древний Дом, время теряет всякое значение, символизируя путь в «иное измерение». Он «медленно, мягко поплыл куда-то вниз, в глазах потемнело, умер»⁶. Позже он определяет временные границы этой смерти: «скорее всего 5–10 секунд»⁷, до того момента, пока он не «воскрес» (примечательно, что столь же «кошунственно» подаются сакральные темы смерти и воскресения в романе Белого – и здесь на передний план выдвиг-

¹ Замятин Е. Мы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 126.

² Там же. С. 127.

³ Белый А. Петербург. 2-е изд. СПб.: Наука, 2004. С. 193.

⁴ Белый А. Петербург. 2-е изд. СПб.: Наука, 2004. С. 313.

⁵ Замятин Е. Мы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 90.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ Там же. С. 120.

гается образ Сергея Сергеевича Лихутина). В момент «воскресения» герой Замятина «слышал своё пунктирное, трясущееся дыхание. Минута, две, три»¹ [4, с. 120]. Теперь время «замедляется» – неспешно течёт в психологическом пространстве героя, напоминая ему, что он ещё жив.

Более того, замятинский герой, как и персонажи Белого, соотносит своё личное время с историческим временем – историей становления и развития человеческой цивилизации. Д-503 убеждён, что «человеческая история идёт вверх кругами – как аэро. Круги разные ... ». Кук убедительно доказывает, что в романе «Мы» воплощается важнейшая для автора концепция спиралевидного движения истории и развития индивидуальной человеческой мысли: когда Д-503 размышляет о законах развития человечества, траектория его мысли реализуется и его собственным перемещением в пространстве, т. е. «Д-503 связывает такую сверхпространственность со своим подсознанием»².

Герои Белого и герои Замятина, подобно Алисе Льюиса Кэролла, могут физиологически ощущать не только временную и пространственную протяжённость, но и сам мир чисел. Н. Салазар Сутил отмечает: «человеческое тело было не просто системой простого материалистического производства следов, а динамическим событием, которое могло включать в себя как “психическое выражение”, так и абстрактную “математику в движении» [9, р. 39]. Так, Николай Аполлонович признаётся Дудкину: «Будто какое-то откровение, что я – рос; рос я, знаете ли, в неизмеримость, преодолевая пространства ... в месте органов чувств ощущение было – “ноль” ощущением; а воспринималось нечто, что и не ноль, и не единица, а – менее чем единица. Вся нелепость была, может быть, только в том, что ощущение было – ощущением “ноль минус нечто”, хоть пять, например»³.

¹ Замятин Е. Мы. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2015. С. 120.

² Ardis A. A. Zamyatin's We. A Collection of Critical Essays. Ann Arbor: Ardis, 1988. P. 159.

³ Белый А. Петербург. 2-е изд. СПб.: Наука, 2004. С. 262.

В разговоре Николая с Дудкиным Белый поднимает вопрос не столько об отрицательных величинах в мире математики, сколько об абсурдном в самой жизни. Размышления героя А. Белого метафорически выражают идею «нереальности» человеческого существования, ключевую для понимания природы абсурда и занимающую и Замятина, в романе которого она соотнесена с миром мнимых величин. Когда Д-503 нужно как можно быстрее попасть в Медицинское Бюро и получить удостоверение, подтверждающее, что он болен, ему кажется, что он оказался в ином измерении: «Я покорно пошёл ... всё время шёл в диком, перевёрнутом вниз головой – мире: вот какие-то машины – фундаментом вверх, и антиподно приклеенные ногами к потолку люди, и ещё ниже – скованное толстым стеклом мостовой небо»⁴. Антимир, или, по Замятину, мир «антиподный», в «Мы» сравнивается с гигантским аквариумом (этот поистине интегральный образ сплетается из мотивов стекла, воды, рыб – прежде всего Ю с её щеками-жабрами), обнаруживая родство с миром лакированных и зеркальных поверхностей в романе «Петербург», а также с тем пространством «изнанки» бытия, о котором пишет П. Флоренский, рассматривающий путь героя «Божественной комедии» с точки зрения «земной» геометрии. Безусловно, в данном случае следует рассуждать не о генетических связях между текстами, но о конгенитальности авторов, наделённых «геометрическим» и в то же время художественным мышлением. Замятин, прибегая к языку математики, убедительно доказывает, что ирреальное, абсурдное укоренено в самой жизни, поскольку «каждой формуле» должно соответствовать некое тело.

Подобное сближение категорий абсурда и явлений математики лежит в основе сказки Кэролла, который не случайно обращается к английской традиции нонсенса. Так, М. Бэйли пишет: «более современный подход к алгебре, согласно которому любая

⁴ Замятин Е. Мы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 110.

процедура действительна, если она следует внутренней логике, позволил получить такие результаты, как извлечение квадратного корня из отрицательного числа, которое даже сам Де Морган назвал “неразборчивым” и “абсурдным” (поскольку все числа, возведённые в квадрат, дают положительные результаты)¹. Как подчёркивает В. Мاستихина, Кэрролл использует «многочисленные математические, лингвистические и философские шутки и иллюзии. Так называемые “бесмыслицы” Кэрролла, логические задачи, загадки и головоломки предвосхитили появление таких наук, как математическая логика, семиотика, лингвистический анализ» [4, с. 423].

Ещё раз подчеркнём: «фантасматическое» искривление времени и пространства в мире «зазеркалья» неоднократно становилось предметом размышлений художников слова и ранее (не случайно П. Флоренский в своей знаменитой книге «О мнимостях в геометрии» апеллирует к поэме Данте). Однако именно сказке Льюиса Кэрролла в силу её установки на развлекательность и доступность суждено было стать репрезентативным художественным воплощением «высшей математики», и именно потому все «взрослые» произведения мировой литературы, скроенные по математическим лекалам, в той или иной степени обнаруживают типологическое родство с этой «математической сказкой».

Итак, Белый, подобно своим великим предшественникам (но отнюдь не всегда «вслед за ними»), с помощью математики пытается постичь законы мироздания, а также организовать художественный текст на всех уровнях – от архитектоники (С. П. Ильев особое внимание уделяет членению романа «Петербург» на главы) до микропоэтики (язык «Петербурга» – это в значительной степени и пародия на научный «волапук» – достаточно вспомнить «Пролог»). Но и язык «Мы» вбирает в себя математические термины – «квадраты», «параллелепипеды», «кубы», «иксы», «треугольники».

¹ Bayley M. Algebra in Wonderland // New York Times. March 7, 2010 (3). P. 2.

Однако не следует забывать, что интерес А. Белого к математике неотделим от его увлечения философией. Герои Белого постоянно выходят за пределы собственного тела, и в этом проявляется влияние на мировоззрение писателя антропософии Р. Штейнера. Р. Штейнер полагает, что человек «принадлежит обоим мирам. Он ощущает мир чувств, как своего рода отражение мира духа; но отражение такое, в котором не только отражаются события и существа мира духа, но которое, оставаясь отражением, живёт, однако, в самом себе самостоятельную жизнь»².

Математика, пифагорейское и антропософское учение глубоко связаны в творчестве писателя, сосредоточенного на изучении связи между абстрактным и конкретным, отвлечёнными категориями и их земным и телесным воплощением, между алгеброй и геометрией – и предпосылками готовности к восприятию учения Штейнера, на наш взгляд, явились лекции отца А. Белого – профессора Бугаева. Не случайно другой ученик Н. В. Бугаева, П. Флоренский, особое внимание уделяет такому явлению, как «психофизиологическое пространство» личности: «Психофизиологическое пространство имеет центром самого человека, как область его жизни и его самораскрытия. Оно непременно соизмеримо с человеком, уютно и есть, в расширенном смысле, собственное его жильё»³. Таким «жилем» для героев А. Белого и Е. Замятина являются и их тела, и дома, комнаты. Так, одна из ключевых метафор (интегральных образов) Замятина – это глаза-окна. Д-503 утром на эллинге, где строится «Интеграл», «увидел станки: с закрытыми глазами, самозабвенно, кружились шары регуляторов; мотыли, сверкая, стибались вправо и влево; гордо покачивал плечами балансир; в такт неслышной музыки

² Штейнер Р. Порог духовного мира. Ереван: Ной, 1991. С. 17.

³ Флоренский П. А. История и философия искусства. М.: Академический проект, 2000. С. 286.

ке приседало долото долбёжного станка»¹. И сравнением «я как башня»² задан один из центральных метафорических сюжетов романа – строительство Вавилонской башни («Интеграла»).

Однако в своём стремлении обнаружить глубинную связь между психологическими процессами и законами Вселенной Белый (как, впрочем, и Замятин) развивает и идеи Достоевского, восставшего против идеи фатальной зависимости человека от обстоятельств и утверждавшего, что личность – в том числе нравственные установки – в свою очередь воздействует на состояние мира: «Достоевский был уверен, что на кривизну пространства влияет нравственное состояние человека. Идею связи между свойствами времени и пространства, зависимыми от нравственного статуса людей, своеобразную модель неэвклидовой геометрии, Достоевский реализовал в “Братьях Карамазовых”» [2, с. 141].

Математика, таким образом, «отвечает» и за нравственную проблематику произведений, и за интертекстуальный план повествования в романе А. Белого. Математическую огласовку идеи Достоевского получают и в романе Замятина: арифметический подход к проблемам нравственного порядка, свойственный Д-503, очевидно, основан на выкладках героев Достоевского. При первом ходе (выстреле) корабля погибает около десяти человек, оказавшихся под дулом двигателя. Для повествователя «десять нумеров – это едва ли одна стомиллионная часть массы Единого Государства, при практических расчётах – это бесконечно малая третьего порядка»³. Безусловно, такой «математический» подход к жизни человека и общества воспринимается как развитие темы «подлой арифметики» Достоевского и одновременно с этим пародийно соотносится с идеями пролетарских писателей и поэтов – современни-

ков Замятина, воспевающих государство, основанное на «новой» нравственности. Литературовед Н. З. Кольцова считает, что «личность так же крепко опутана тенетами закона в Едином Государстве, как члены ... уравнения проводимой над ними операцией умножения»⁴. Итак, математические выкладки и формулы (будь то « $2 \times 2 = 4$ » Достоевского или «бесконечно малая третьего порядка» в «Мы») подчёркивают протест героя автора и героя против низведения личности до «математической погрешности» в расчётах. Диалог с «Записками из подполья» ведёт и А. Белый. Так, Дудкин заявляет: «для нас агитационно настроенная и волнующая социальными инстинктами масса превращается в исполнительный аппарат, где люди – клавиатура, на которой пальцы пьаниста... септаккорд, то есть формула, термин»⁵. Здесь мы видим разные способы отношения личности («я») к обществу (миру – «мы»): «разрыв, отсылающий к обособлению «индивидуальной монады», и слияние «человеческих атомов» [1, с. 116].

Заключение

Итак, диалог Замятина с Белым подразумевает присутствие ещё одного «участника дискуссии» – Ф. М. Достоевского (при том, что важны и отсылки к творчеству Н. В. Гоголя и других классиков русской и мировой литературы), идеи и поэтику которого усвоили оба писателя. Гротескные, поистине фантазмагорические сцены в романе «Петербург» продолжают линию «фантастического реализма» Достоевского, развивая традиции «реализма в высшем смысле». Подобно своему великому предшественнику, А. Белый, исследуя душу человека, подчёркивает его динамическую связь со вселенной. Замятин не менее остро ощущает противоречия мироздания и человеческой психики, воссоздать которые, по его мнению, может лишь особый метод – неореализм, или «синтетизм», отличающийся от реализма классического образца

¹ Замятин Е. Мы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 9.

² Там же. С. 11.

³ Замятин Е. Мы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 134.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Белый А. Петербург. 2-е изд. СПб.: Наука, 2004. С. 85.

и вбирающий в себя достижения символизма. «Все реалистические формы – проектирование на неподвижные, плоские координаты Эвклидова мира. В природе этих координат нет, этого ограниченного, неподвижного мира нет... Реализм не примитивный, не *realia*, а *realiora*, – в сдвиге, в искажении, в кривизне, в необъективности»¹, – подчёркивает писатель.

Итак, Замятин, выступая в роли преемника А. Белого, в своём романе-антиуто-

пии раскрывает свою концепцию истории, обращается к математике как средству создания образа города, методу постижения психологии персонажей. Математика в «Мы», как и в «Петербург», «отвечает» и за интертекстуальный – и шире – неомифологический план.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов В. В. Дискретное и континуальное: перекличка поэзии и науки в культурном контексте // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 109–120.
2. Баршт К. А. Самоубийства и неэвклидово пространство в творчестве Фёдора Достоевского // Slavica Wratislaviensia. 2018. № 167. С. 133–146.
3. Кольцова Н. Творчество Е. Замятина: проблемы поэтики. М.: ЯСК, 2019. 176 с.
4. Мастихина А. В. Математика на страницах сказки «Алиса в стране чудес» // Международный школьный научный вестник. 2018. № 5. С. 422–429.
5. Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 325 с.
6. Флоренский П. А. Мнимости в геометрии. М.: Лазурь, 1991. 96 с.
7. Grandy M. A., Tuber S. Entry into Imaginary Space: Metaphors of Transition and Variations in the Affective Quality of Potential Space in Children's Literature // Psychoanalytic Psychology. 2009. Vol. 26 (3). P. 274–289.
8. John J. White. Mathematical Imagery in Musil's Young Törless and Zamyatin's We // Duke University Press on behalf of the University of Oregon. 1966. Vol. 18. P. 71–78.
9. Sutil N. S. Theaters of the Surd Mathematical Thinking and Its Influence on European Avant-Garde Theater (1890–1980). Goldsmiths: University of London, 2010. 200 p.

REFERENCES

1. Aristov V. V. [Discreteness and Continuity: a Dialogue between Poetry and Science in the Cultural Context]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2016, no. 10, pp. 109–120.
2. Barsht K. A. [The Theme of Suicide and the Non-Euclidean Space in the Works of Fyodor Dostoevsky]. In: *Slavica Wratislaviensia*, 2018, no. 167, pp. 133–146.
3. Koltsova N. *Tvorchestvo E. Zamyatina: problemy poetiki* [Creativity of E. Zamyatin: Problems of Poetics]. Moscow, YASK Publ., 2019. 176 p.
4. Mastihina A. V. [Mathematics on the Pages of the Fairy Tale "Alice in Wonderland"]. In: *Mezhdunarodnyj shkol'nyj nauchnyj vestnik* [International School Scientific Bulletin], 2018, no. 5, pp. 422–429.
5. Silard L. *Germetizm i germenevtika* [Hermeticism and Hermeneutics]. St. Petersburg, Ivan Limbah's Publ., 2002. 325 p.
6. Florensky P. A. *Mnimosti v Geometrii* [Imaginarities in Geometry]. Moscow, Lazur Publ., 1991. 96 p.
7. Grandy M. A., Tuber S. Entry into Imaginary Space: Metaphors of Transition and Variations in the Affective Quality of Potential Space in Children's Literature. In: *Psychoanalytic Psychology*, 2009, vol. 26 (3), pp. 274–289.
8. John J. White. Mathematical Imagery in Musil's Young Törless and Zamyatin's We. In: *Duke University Press on behalf of the University of Oregon*, 1966, vol. 18, pp. 71–78.
9. Sutil N. S. Theaters of the Surd Mathematical Thinking and Its Influence on European Avant-Garde Theater (1890–1980). Goldsmiths, University of London Publ., 2010. 200 p.

¹ Замятин Е. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Мюнхен: Найманис, 1988. С. 296.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Линьлинь Чжан – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: zllsaryy@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Linlin Zhang– Postgraduate Student , Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: zllsaryy@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Линьлинь Чжан. Математика как основа художественного мышления: к вопросу о соответствиях между романами «Петербург» А. Белого и «Мы» Е. Замятина // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 83–93.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-83-93

FOR CITATION

Linlin Zhang. Mathematics as the Principle of Artistic Thinking: On the Question of Correspondences between the Novels Petersburg by A. Bely and We by E. Zamyatin. In: *Russian Studies in Philology*, 2004, no. 2, pp. 83–93.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-83-93

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-94-102

ПЕРЕВЁРНУТЫЙ МИР ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ ПАЦИЕНТОВ В ИЗОБРАЖЕНИИ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ВРАЧЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА И ЛУ СИНЯ)

Нин Шилэй*Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне**518172, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюеюань, д. 1, Китайская Народная Республика**Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Сопоставление художественных средств изображения психически больных героев в произведениях русского писателя А. П. Чехова и китайского писателя Лу Синя для выявления типологии изображения искажённого мира больного сознания.

Процедура и методы. В работе рассматриваются художественные приёмы в текстах писателей-врачей. Мир психически больных пациентов считается важной темой в их творчестве. Анализируется роль опыта профессионального врача в создании образов психически больных героев. Для этого используются методы обобщения и поиска интертекстуальных связей с произведениями русской и китайской литературы.

Результаты. В текстах этих авторов сумасшествие считается видом психического заболевания, которое несовместимо с жизнью в обществе, кроме того, оно проявляется как «мания преследования», т. е. пациент напуган, взволнован и тревожен, он всегда настороже. Автор приходит к выводу, что профессиональные врачи описывают сумасшествие с точки зрения их уникального медицинского опыта, однако для писателей-гуманистов сумасшедшие оказываются разумными и честными людьми в «перевернутом мире», в котором добро и зло, разум и сумасшествие поменялись местами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обнаруженные данные позволяют расширить интертекстуальное поле произведения, включив в него некоторые медицинские темы, не учтённые предыдущими исследователями.

Ключевые слова: литература, пациент, перевернутый мир, писатель-врач, сумасшедший

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке стипендии Правительства Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

THE INVERTED WORLD OF MENTALLY ILL PATIENTS DEPICTED BY RUSSIAN AND CHINESE DOCTOR-WRITERS (BASED ON THE WORKS OF A. P. CHEKHOV AND LU XIN)

Ning Shilei*Shenzhen MSU-BIT University**Guojidaxueyuan 1, Shenzhen 518172, People's Republic of China**Lomonosov Moscow State University**Leninskye Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To compare artistic means of depicting mentally ill characters in the works of the Russian writer A. P. Chekhov and the Chinese writer Lu Xin to identify the typology of the image of the distorted world of a sick consciousness.

Methodology. The paper examines artistic techniques in the texts of doctor-writers. The world of mentally ill patients is considered an important topic in the work of doctor-writers. The role of the experience of a professional doctor in creating images of mentally ill heroes is analyzed. For this purpose, methods of generalization and search for intertextual links with works of Russian and Chinese literature are used.

Results. In the texts of these authors, insanity is considered a type of mental illness that is incompatible with life in society, in addition, it manifests itself as a “persecution mania”, that is, the patient is scared, agitated and anxious, he is always on guard. The author concludes that professional doctors describe madness from the viewpoint of their unique medical experience, but for humanist writers, crazy people turn out to be reasonable and honest people in an “inverted world” in which good and evil, reason and madness have reversed places.

Research implications. The discovered data make it possible to expand the intertextual field of the work by including some medical topics that were not considered by previous researchers.

Keywords: literature, patient, upside down world, writer-doctor, mentally ill

Acknowledgments: The study was supported by Shenzhen Municipal Government and Shenzhen MSU-BIT University.

Введение

Профессия всегда накладывает отпечаток на поведение человека, тем более профессия врача, не только потому, что доктор ежедневно имеет дело с жизнью и смертью, наблюдая зыбкую границу между ними, но и потому, что врач не может «закончить рабочий день», его могут вызвать к больному в любое время – ночью или днём, в жару и холод и т. п. Постоянное присутствие в профессии, требующей от врача сострадания и самоотдачи, влияет на человека, определяет его поведение и мировоззрение.

Известно много примеров того, как из среды врачей, т. е. лиц с медицинским образованием, вышли выдающиеся писатели (В. В. Вересаев, С. Я. Елпатьевский и др.)¹. В истории мировой литературы немало писателей – профессиональных врачей, на творчество которых профессия оказала большое влияние с точки зрения выбора темы, стилистики текста, внимания к деталям, беспристрастного и даже, как ка-

жется, отстранённого, безэмоционального описания и т. п.

Анализ литературного творчества писателей-врачей позволяет говорить об общей стилистике описания – неторопливой и как бы отстранённой, но глубоко гуманной, преисполненной сочувствием к страдающим людям. Тексты таких авторов характеризуются вниманием к деталям и объективностью изложения, ведь писатели-врачи анатомируют больной мир острым, как скальпель, пером.

Образы психически больных под пером А. П. Чехова

Писатели-врачи создают образы психически больных, опираясь на высокую профессиональную осведомлённость о болезнях, которая предоставляет им уникальную способность для описания психически больных пациентов как в психологическом, так и в социальном смысле. Под пером писателей-врачей анализируются возникновение и упадок «сумасшествия», столкновение больного с «цивилизацией», на фоне которой создаётся образ психически больных пациентов, чьё поведение об-

¹ Россолимо Г. И. Воспоминания о Чехове // Воспоминания современников об А. П. Чехове. М.: Nobel Press, 2015. С. 136.

нажает лицемерие и потерю ориентиров в культурном обществе.

Рассмотрим с этой точки зрения творчество А. П. Чехова – писателя и профессионального врача. Сам Чехов, серьёзно занимающийся литературным творчеством, считал профессию врача всё-таки более значимой для себя, определяющей мировоззрение и отношение к миру. В письме к В. В. Билибину в 1886 г. он писал: «Фамилию и свой фамильный герб я отдал медицине, с которой не расстанусь до гробовой доски. С литературой же мне рано или поздно придётся расстаться. ... Медицина, <кто>рая мнит себя быть серьёзной, и игра в литературу должны иметь различные клички...»¹. Внимательный к словам, Чехов считает, что медицина и литература кардинально отличаются, ведь литература оказывается всего лишь игрой, тогда как медицина, хоть и не всегда в состоянии помочь страдающему человеку, ни игрой, ни забавой названа быть не может.

Неудивительно, что на страницах своих произведений Чехов описывал поведение больных людей – профессия предоставляла ему нужную оптику, поэтому его описания хоть и не содержали профессиональных терминов и специальных подробностей (Чехов старался избегать врачебной терминологии в художественных текстах), изображали больного очень реалистично, без сентиментов и излишней чувствительности.

Например, Чехов изображает раннего студента-юриста Васильева в рассказе «Припадок» и страдающего психическим заболеванием магистра Коврина в рассказе «Чёрный монах», причём Чехов-врач описывает развитие болезни и влияние лечения на состояние больного, подчёркивая изменение в психическом и эмоциональном состоянии героя. Глубокий художественный образ умирающего от туберкулеза Павла Ивановича в рассказе «Гусев» передаёт физические и моральные страдания пациента, которые Чехову не раз приходилось наблюдать в своей врачеб-

ной практике. «Разумеется, изображение больной и здоровой психики или психически больных людей никогда не было для Чехова самоцелью: это только давало ему материал для изображения современной ему действительности» [4, с. 117].

Среди произведений А. П. Чехова о психически больных пациентах наиболее известна повесть «Палата № 6», написанная в 1892 г., в период формирования нового периода в творчестве писателя. Палата № 6 состояла из пяти пациентов, где двое были в здравом уме и заперты против своей воли [1, с. 23]. В диалогах двух главных героев повести пациента Ивана Дмитриевича Громова и врача Андрея Ефимовича Рагина, а также в процессе превращения врача Рагина в пациента палаты № 6 Чехов показывает и критикует жестокий и тёмный перевернутый мир царского самодержавия в России.

В повести «Палата № 6» описывается пациент Иван Дмитрич Громов, страдающий манией преследования, который постоянно переживает страх ареста: «Вечером он не зажигал у себя огня, а ночью не спал и всё думал о том, что его могут арестовать, заковать и посадить в тюрьму»². Во внешнем мире Громов довольно успешен и благополучен, он работал судебным приставом и губернским секретарём, но всегда был подозрителен и испытывал необъяснимое беспокойство: «Факты и здравая логика убеждали его, что все эти страхи – вздор и психопатия, что в аресте и тюрьме, если взглянуть на дело пошире, в сущности, нет ничего страшного, – была бы совесть спокойна; но чем умнее и логичнее он рассуждал, тем сильнее и мучительнее становилась душевная тревога»³. Громов не мог избавиться от навязчивых мыслей, мучивших его, поэтому был помещён в качестве пациента, нуждающегося в лечении, в палату № 6.

Громов – искренний и умный человек, его душа жаждет справедливости и гар-

¹ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974. С. 196.

² Чехов А. П. Палата № 6 // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 8. М.: Наука, 1977. С. 77.

³ Там же. С. 79.

монии, он не может принять жестокость и лицемерие окружающего его мира. Любой честный и благородный поступок в «перевёрнутом» обществе воспринимается как ошибочный, непонятный, свойственный только сумасшедшим людям, а жестокость и ложь оказываются нормой. Громов рассуждает: «Да и не смешно ли помышлять о справедливости, когда всякое насилие встречается обществом как разумная и целесообразная необходимость и всякий акт милосердия, например, оправдательный приговор, вызывает целый взрыв неудовлетворённого, мстительного чувства?»¹ Громов панически боится тюрьмы, но он уже в тюрьме – в большой, но тесной тюрьме царской России.

Другим героем повести «Палата № 6» является главный врач городской больницы Андрей Ефимыч Рагин – честный, думающий, тонкий и благородный человек, близко к сердцу принимающий душевные переживания своих пациентов. Интересно отметить, что на страницах чеховских книг неоднократно появляется образ врача – Чехов описывает себя и своих коллег, ставя проблему врачебного долга и ответственности врача перед обществом.

Рагин стремится помочь своим пациентам, но сталкивается с системой, целью которой не является исцеление людей и облегчение их страданий. Вся система медицинской помощи организована так, что реальные действия врача оказываются бесполезными. Врач не в состоянии изменить положение дел в больнице, у него опускаются руки, он начинает пренебрегать своей работой: «Класть же серьёзных больных в палаты и заниматься ими по правилам науки тоже нельзя, потому что правила есть, а науки нет; если же оставить философию и педантически следовать правилам, как прочие врачи, то для этого, прежде всего, нужны чистота и вентиляция, а не грязь, здоровая пища, а не щи из вонючей кислой капусты, и хорошие помощники, а не воры... Подавляемый такими

рассуждениями, Андрей Ефимыч опустил руки и стал ходить в больницу не каждый день»². Столкнувшись с мрачной реальностью, Рагин прибегает к самообману, идёт на компромисс со своей совестью.

Общение по долгу службы с пациентом Громовым пробуждает его совесть и разум: «Иван Дмитрич с блестящими глазами поднялся и, протягивая руки к окну, продолжал с волнением в голосе: – Из-за этих решёток благословляю вас! Да здравствует правда! Радуюсь!»³ Рагину было интересно и приятно общаться с Громовым, рассуждения человека, считавшегося официальной медициной сумасшедшим, занимали его. Коллеги-врачи сочли этот интерес и поддержку достаточными для того, чтобы объявить самого Рагина сумасшедшим и поместить в палату № 6.

Рагин рассуждает: «– Да, болен. Но ведь десятки, сотни сумасшедших гуляют на свободе, потому что ваше невежество неспособно отличить их от здоровых. Почему же я и вот эти несчастные должны сидеть тут за всех, как козлы отпущения? Вы, фельдшер, смотритель и вся ваша больничная сволочь в нравственном отношении неизмеримо ниже каждого из нас, почему же мы сидим, а вы нет? Где логика?»⁴ Нет справедливости, нет верно поставленного диагноза, миром правит случайность: «Кого посадили, тот сидит, а кого не посадили, тот гуляет, вот и всё. В том, что я доктор, а вы душевнобольной, нет ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность»⁵. Чехов подробно и детально описывает разговор между Громовым и Рагиным, чтобы показать, как думающий честный человек не находит оправдания и разумного основания устройства окружающего мира, разоблачает несправедливость, жестокость и уродливость общественного устройства, в результате чего его действия и слова воспринимаются как поведение безумного.

¹ Чехов А. П. Палата № 6 // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 8. М.: Наука, 1977. С. 78.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Там же.

В разговорах с пациентом Громовым Рагин приходит к выводу о несправедливости и лживости окружающего мира, в котором жизнь человека зависит от множества случайностей и может прекратиться в любой момент [5, с. 381]. «Перевернутый» мир оказывается враждебным мыслящему честному человеку, этот мир меняет местами разумных и сумасшедших, потому что безропотно принимающие его считаются здоровыми, а честные и сострадающие, жаждущие полезной осмысленной деятельности, выглядят безумными. Его сознание отказывается принять этот вывод, он не может найти объяснение и утешение.

В «перевернутом» социальном мире честные, деятельные и думающие люди воспринимаются сумасшедшими из-за нежелания приспособиться к уродливому общественному устройству. Сумасшествие становится единственно возможным способом существования порядочных людей. Глубоко сочувствующие люди с тонкой душевной организацией не могут приспособиться, пойти на сделку со своей совестью, их здравомыслие и душевная чуткость воспринимаются окружающими как безумие.

В произведении Чехова Иван Дмитрич Громов и Андрей Ефимыч Рагин – «психически-больные» пациенты – погибли в палате № 6, не выдержав условий жестокого мира. Их сумасшествие в условиях царской России стало показателем честности и чуткости, маркером стремления к справедливости, добру и правде. Французский философ Мишель Фуко писал в книге «Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху»: «безумие и безумец становятся важнейшими персонажами этой культуры – во всей своей двойственности: они несут в себе и угрозу, и насмешку, и головокружительную бессмыслицу мира, и смехотворное ничтожество человека» [6, с. 31].

Сумасшедшие герои в произведениях писателя-врача Лу Синя

Творчество Чехова хорошо известно читательской аудитории Поднебесной, его стилистика, манера описания жизненных

ситуаций, характеров героев и т. п. оказали глубокое влияние на многих китайских писателей-врачей. Именно таким автором – профессиональным врачом – является китайский писатель Лу Синь.

Лу Синь открыл дверь в огромный мир художественного описания человеческой природы и устройства общества в контексте вопросов жизни и смерти, страдания и сострадания. За всю свою долгую творческую жизнь Лу Синь написал 33 романа, 20 из которых были о болезни и смерти, о страданиях больных и о неравнодушном отношении, о сострадании к пациентам.

В рассказе «Клич» Лу Синь (1918–1922 гг.) писал: «Мечты мои были прекрасны: окончу институт, вернусь на родину и буду облегчать муки таких больных, как мой отец, страдавших от невежественных докторов, а в случае войны – пойду служить военным врачом. И ещё я мечтал распространить среди соотечественников веру в прогресс»¹. Писатель-врач вспоминал, как он с оптимизмом смотрел в будущее, выбирая профессию, навсегда предопределившую его судьбу, связанную с обязанностью помогать страждущим. «Больше всего Лу Синя поразила полная апатия китайских зрителей, и он осознал, что лечение “идеологических болезней” гораздо важнее, чем болезней телесных» [9, с. 23].

Профессия сформировала оптику писателя-врача: в прозе Лу Синя медицинская тема доминирует, среди героев его произведений часто встречаются врачи, пациенты или сострадающие им близкие – создаётся впечатление, как будто весь Китай превратился в большую больницу.

В своих произведениях Лу Синь создал образы людей с изменённым, поражённым болезнью сознанием. Например, сумасшедший в рассказе «Записки сумасшедшего» или сельская женщина с появившимся психическим расстройством Сян Линьсао в рассказе «Моление о счастье» и т. д. Лу Синь описывает страдания больных

¹ Лу Синь. Записки сумасшедшего // Лу Синь. Полное собрание сочинений (鲁迅文集): в 18 т. Т. 1. Пекин: Народная литература. 2005. С. 472.

людей, показывает, как переживание физической боли меняет людей, деформируя их психику и искажая болью весь окружающий их мир (произведения «Завтра», «Снадобье» и др.).

Часто герои Лу Синя не осознают свою болезнь, не считают, что нуждаются в медицинской помощи и стараются функционировать с изменённым больным сознанием в мире [7, с. 88].

Первый рассказ Лу Синя на разговорном языке (байхуа) – «Записки сумасшедшего» был опубликован в 1918 г. и считается одним из произведений, знаменующих начало современной китайской литературы. Главным героем выступает человек с психическим расстройством, и повествование развёртывается с точки зрения перевёрнутого мира больного человека: «Не то это собака со двора Чжао... Почему она смотрит на меня во все глаза?... Утром осторожно вышел за ворота. Выражение глаз Чжао Гуй-вэня было странным: то ли он боялся меня, то ли собирался меня погубить. Ещё человек семь-восемь перешёптывались между собою обо мне, но в то же время все они боялись, как бы я не заметил этого. И все, кого только я встречал по дороге, вели себя подобным образом. Один из них был особенно злым; увидев меня, он рассмеялся во весь рот. Меня с головы до пят пронизала холодная дрожь...»¹. Искажённый мир глазами психически больного человека, конечно, оформляется в художественном тексте сообразно псевдологике, однако за хаотично скачущей мыслью сумасшедшего скрывается смысл. Если сравнить описание мышления сумасшедшего у Лу Синя с произведением Гоголя (с тем же названием «Записки сумасшедшего»), можно понять, что герой Гоголя – Аксентий Иванович Поприщин – маленький человек, мечты которого разбиваются о грубую реальность. Он не может сопротивляться обществу, не может принять отношения в обществе и сходит с ума. А персонаж Лу Синя – интеллекту-

ал, который протестует против «заветов феодализма», против традиционных ненавистных ему нравственных понятий и устоев, не может противостоять общепринятым нормам и сходит с ума [8, с. 11].

Душевнобольной герой опасается людоедов, которые, как ему кажется, окружают его повсюду. Его могут уничтожить не только физически, но и морально – на уровне убийства личности. Он рассуждает о людях: «Раз они могут есть людей, значит, могут съесть и меня. Подумайте только! Крик женщины «искусаю тебя», хохот людей с тёмными лицами и оскаленными клыками, разговор арендатора с братом – неспроста всё это. Слова женщины – яд, хохот людей – ножи, зубы у них белые, острые, хищно оскаленные, будто нарочно приспособленные, чтобы есть людей»². В его «перевёрнутом» мире люди преследуют друг друга, нападают, желая уничтожить тело и душу человека.

По мнению автора, именно сумасшедший своим искажённым зрением может увидеть истинную природу жестоких людей, их желание «есть людей», поэтому душевнобольной герой опасается внешнего мира, видя в окружающих постоянную угрозу. «Любое дело начинаешь понимать, лишь когда его всесторонне изучишь. В старину часто ели людей: это я помнил из истории, правда, смутно. Чтобы убедиться, раскрыл книгу по истории, в книге не было дат, зато каждая страница изобилвала словами «гуманность», «справедливость», «мораль» и «добродетель». Уснуть я всё равно не мог и глубоко за полночь очень внимательно читал книгу, как вдруг увидел, что между строками вся она испещрена одним словом – “людоедство”»³. Наносной гуманизм и доброта лживого мира исчезают под пристальным взглядом «сумасшедшего», сквозь строчки проявляется истинная сущность мира – людоедство. Безумец Лу Синя – не настоящий сумасшедший, т. е. не безумец с точки зрения психиатрии [3, с. 91]. «Безумие» героя возникает из-за пробуждения сознания, он начинает понимать

¹ Лу Синь. Записки сумасшедшего // Лу Синь. Полное собрание сочинений (鲁迅文集): в 18 т. Т. 1. Пекин: Народная литература. 2005. С. 516.

² Там же. С. 471.

³ Там же. С. 516.

истинную суть вещей, истинную природу людей, и это прозрение выглядит со стороны странно, окружающими он воспринимается как сумасшедший.

В начале рассказа «Записки сумасшедшего» автор пишет: «Повествование было весьма путаное, отсутствовала последовательность в изложении, встречалось множество бессвязных слов; не были проставлены ни месяцы, ни число, и только по разнице в цвете туши, по почерку можно было заключить, что дневник написан не в один раз»¹. Окружающие люди постепенно убеждаются в его безумии, проводя границу между миром здоровых людей и перевёрнутым миром психически больного пациента. А когда сумасшедший раскрывает жестокую правду о «людоедстве» как истинной природе людей, противоречие между двумя мирами достигает кульминации.

Когда старший брат пригласил доктора Хэ осмотреть больного, сумасшедший воспринял этот визит как угрозу, приход врача, казалось ему, подтверждал его догадку о всеобщем «людоедстве». Противоречие между двумя мирами формируется на уровне: «есть людей или быть съеденным», но на самом деле это моральный конфликт «перевёрнутого» мира.

Заключение

Тема изображения состояния психически больных пациентов в произведениях русских и китайских писателей-врачей исследована недостаточно полно, однако она заслуживает особого внимания, ведь взгляд психически больного на окружающий мир позволяет автору подчеркнуть уродливое, бесчеловечное устройство мира реального.

Среди существующих научных исследований творчества А. П. Чехова и Лу Синя тема изображения перевёрнутого мира психически больных не часто оказывалась в центре внимания учёных, ведь отсутствие медицинского образования не позволяло

понять и достаточно полно проанализировать поведение и внутреннее состояние сумасшедших. Однако представляется, что в творчестве писателей-врачей тема изображения психически больного героя очень важна, ведь его деформированное сознание становится зеркалом, отражающим человеческие отношения, меру людского сострадания к близким и чужим, попытку человека найти гармонию с собой и окружающими людьми.

Метафора сумасшествия и противопоставление двух миров – естественного и «перевёрнутого» – в произведениях писателей-врачей Чехова «Палата № 6» и Лу Синя «Записки сумасшедшего» посредством изображения психики больных пациентов помогает показать уродливое устройство окружающего мира. Чехов и Лу Синь – писатели-реалисты, но их профессиональный интерес к психическому состоянию человека на грани нормы и безумия позволяет раскрыть острые социальные проблемы, разоблачить уродливый реальный мир в сравнении с перевёрнутым миром сумасшедшего.

В повести «Палата № 6» Чехов использует метафору: вся Россия – больница для душевнобольных, в которой честные и умные люди оказываются сумасшедшими, а в рассказе «Записки сумасшедшего» Лу Синь использует метафору «людоедство» для описания моральных норм, принятых в человеческом обществе. Оба героя вовсе не сумасшедшие, но добрые и тонко чувствующие люди, их безумие – бунт против враждебного человеку мира.

Две разные эпохи создали двух великих писателей-врачей с похожими профессиональным взглядом на жизнь и литературное творчество, «оба писателя используют свои медицинские знания как инструмент, это помогает им и при художественном изображении действительности» [2, с. 201]. Однако между ними существует много различий – Чехов внимательно наблюдает за обществом и анализирует жизнь с точки зрения врача, а Лу Синь использует литературу как способ пробуждения спящих и покорных китайцев во времена войны,

¹ Лу Синь Записки сумасшедшего // Лу Синь. Полное собрание сочинений (鲁迅文集): в 18 т. Т. 1. Пекин: Народная литература, 2005. С. 432.

критикуя яркие черты национального характера и мечтая о возрождении Китая.

Таким образом, в творчестве писателей-врачей можно выделить общие типологические черты: опыт изучения медицины и профессиональная врачебная практика влияют на выбор тем художественных произведений и на стилистические приёмы. Профессиональный опыт позволяет с удивительным правдоподобием изображать искажённое сознание больных лю-

дей, перевернутый мир деформированного сознания, подчёркивая призрачную грань здоровья и болезни, жизни и смерти. Описания страданий больных людей и выполняющих свой долг профессиональных врачей позволили писателям поставить острые социальные вопросы в контексте гуманизма и сострадания, внимания к ценности хрупкой человеческой жизни.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берковский Н. Я. Чехов. От рассказов и повестей к драматургии // Русская литература. 1965. № 4. С. 21–63.
2. Жоу Ши. Тема медицины в творчестве А. П. Чехова и Лу Синя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 191–201.
3. Ли Аньци. Образ сумасшедшего в творчестве Н. В. Гоголя и Лу Синя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 3. С. 85–93.
4. Мирский М. Б. Доктор Чехов. М.: Наука, 2003. 238 с.
5. Скафтымов А. П. О повестях А. П. Чехова «Палата № 6» и «Моя жизнь» // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М.: Художественная литература, 1972. С. 381–404.
6. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. И. К. Стаф. М.: АСТ, 2019. 698 с.
7. 王明睿: 《《狂人日记》的语言及其颠倒空间》, 鲁迅研究月刊, 2018年第11期, 第 87–92 页。(Ван Минжуй. Язык «Записок сумасшедшего» и пространство его «обращения» // Ежемесячный журнал исследования творчества Лу Синя. 2018. №11. С. 87–92).
8. 华浩波: 《鲁迅《狂人日记》受外来影响及创新》, 文教资料, 2010年第4期, 第11–13 页。(Хуа Хаобо. Об инновации и влиянии иностранных литератур на «Записки сумасшедшего» Лу Синя // Культурно-просветительный материал. 2010. № 4. С. 11–13).
9. 董炳月: 《鲁迅留日时代的俄国投影》, 鲁迅研究月刊, 2009年第12期, 第19–30页。(Дун Биньюэ. Русские впечатления Лу Синя во время пребывания в Японии // Ежемесячный журнал исследований творчества Лу Синя. 2009. № 12. С. 19–30).

REFERENCES

1. Berkovsky N. Ya. [Chekhov. From Stories and Novellas to Dramaturgy]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1965, no. 4, pp. 21–63.
2. Zhou Shi. [The Theme of Medicine in the Works of A. P. Chekhov and Lu Xun]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2015, no. 4, pp. 191–201.
3. Li Anqi. [Image of Madman in N. V. Gogol's and Lu Xun's Works]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2020, no. 3, pp. 85–93.
4. Mirsky M. B. *Doktor Chekhov* [Doctor Chekhov]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 238 p.
5. Skaftymov A. P. [About the Stories of A. P. Chekhov “Ward no. 6” and “My Life”]. In: Skaftymov A. P. *Nravstvennye iskaniya russkikh pisatelej* [Moral Quests of Russian Writers]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1972, pp. 381–404.
6. Foucault M. *Histoire de la folie à l'âge classique* (Rus. ed.: Staf I. K., transl. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epohu*. Moscow, AST Publ., 2019. 698 p.).
7. 王明睿: 《《狂人日记》的语言及其颠倒空间》, 鲁迅研究月刊, 2018年第11期, 第87–92 页。[Van Miniui. The Language of “Notes of a Madman” and the Space of Its “Treatment”. In: *The monthly survey of Lu Xun' works*, 2018, no. 11, pp. 87–92].
8. 华浩波: 《鲁迅《狂人日记》受外来影响及创新》, 文教资料, 2010年第4期, 第11–13 页。[Hua Haobo. About Innovation and the Influence of Foreign Literatures on “Notes of a Madman” of Lu Xun. In: *Cultural and educational material*, 2010, no. 4, pp. 11–13].

9. 董炳月：《鲁迅留日时代的俄国投影》，鲁迅研究月刊，2009年第12期，第19–30页。[Dong Binh. Lu Xin's Russian Impressions During His Stay in Japan. In: *The monthly survey of Lu Xin's works*, 2009, no. 12, pp. 19–30].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нин Шилэй – аспирант по совместной подготовке Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне и МГУ; аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: ningshilei91@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ning Shilei – Postgraduate Student, Joint program of Shenzhen MSU-BIT University and MSU; Postgraduate Student, Department of the History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: ningshilei91@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нин Шилэй. Перевернутый мир психически больных пациентов в изображении русских и китайских писателей-врачей (на материале произведений А. П. Чехова и Лу Синя) // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 94–102.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-94-102

FOR CITATION

Ning Shilei. The Inverted World of Mentally Ill Patients Depicted by Russian and Chinese Doctor-Writers (Based on the Works of A. P. Chekhov and Lu Xin). In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2. pp. 94–102.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-94-102

УДК 821-161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-103-109

ДУЭЛЬ ПЕЧОРИНА С ГРУШНИЦКИМ В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА “ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ” КАК СУД ГЛАВНОГО ГЕРОЯ НАД МИРОМ

Чжан Явень

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить суть и значение дуэли как смысловой составляющей сюжетных линий в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Процедура и методы. Основными исследовательскими методами являются культурно-исторический, психологический и аксиологический. Проведён анализ личности главного героя Печорина и его внутренних мотивов поведения, осуществлены наблюдения над динамикой развития конфликта между дуэлянтами.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о том, что дуэль и её кровавый исход представляют собой личный выбор принципиального характера для обеих сторон, особенно для Печорина, эту дуэль можно понимать как художественную метафору суда главного героя над миром.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в тщательном изучении личности и внутреннего мира главного героя, на основе которого оформлено многоуровневое истолкование сути и значения дуэли.

Ключевые слова: дуэль, мир, правда, Печорин, самопознание, суд

THE DUEL BETWEEN PECHORIN AND GRUSHNITSKY AS PROTAGONIST'S JUDGEMENT OVER THE WORLD IN THE NOVEL “A HERO OF OUR TIME” BY MIKHAIL LERMONTOV

Zhang Yawen

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the essence and meaning of the duel as a semantic component for the plot of the named novel.

Methodology. The research is based on the cultural-historical, psychological and axiological methods. The author analyzed the personality of the novel's protagonist Pechorin, as well as his inner motives for his actions. The development of the conflict between the duelists has been observed.

Results. Based on the study results, the author made a conclusion that the duel and its final bloody outcome represent a principal choice from both sides, especially for the main hero. This duel may be interpreted as an artistic metaphor for Pechorin's trial over the world.

Research implications. The study revealed a multilevel interpretation of the essence and meaning of the duel between heroes based on a thorough research on the personality and inner psychological characteristics of Pechorin.

Keywords: duel, trial, Pechorin, self-knowledge, truth, world

Введение

Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» состоит из 5 повестей с переставленными во времени событиями, в единстве которых представлен жизненный и духовный путь главного героя к обретению смысла человеческого существования, а также двух предисловий, дающих авторскую оценку содержания повестей. Согласно нарративной стратегии, основным композиционным приёмом в романе является смена повествователей, образ Печорина последовательно раскрывается по мере углубления его сути [2, с. 24]. В повести «Княжна Мери» происходит наиболее активное взаимодействие героя с окружающим миром, Печорин всячески пытается включиться в реальность внешнего мира, однако все обстоятельства приводят к поражению его стремлений, и среди них дуэль с Грушницким – событие кульминационное и наиболее значимое для понимания смысла повести. На тему дуэли как отдельный аспект изучения обращали внимание такие учёные, как Ю. М. Лотман, Я. Гордин, А. Востриков, А. В. Кацура, И. Рейфман. Теоретическая значимость данной статьи заключается в самой постановке проблемы исследования, позволяющей сделать важные наблюдения относительно аксиологической содержательности романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». При анализе материала уместны культурно-исторический, психологический, аксиологический методы.

В «Журнале» главного героя раскрываются самые интимные подробности его замкнутой души, через анализ которых можно предположить, что в отличие от вынужденного поединка в «Евгении Онегине», уступившего деспотии обычая, дуэль в «Герое нашего времени» устроена на иных сложных и глубоких основаниях: на самом деле, она не касается дела чести, а устроена как подлый фарс со стороны Грушницкого, подстрекаемого демоническим драгунским капитаном, и выступает как своего рода суд Печорина над всем миром, и прежде всего над самим собой.

Дуэль, как и другие *поворотные* поступки Печорина, имеют «аксиологическую основу» и проистекают «соответственно масштабу и глубине проблемы – принимать или не принимать этот мир, в котором человек не может обрести счастье» [6, с. 153].

Дуэль как национальный феномен в русской культуре: ритуал или суррогат самоубийства

При истолковании сути и смысла дуэли безусловную актуальность приобретает анализ личности Печорина и его внутренних мотивов поведения. Так, Ирина Рейфман в своей книге «Ритуализованная агрессия. Дуэль в русской культуре и литературе» выдвинула гипотезу: «Дуэль и самоубийство могли быть культурно и психологически взаимозаменяемы. Дуэль могла служить суррогатом самоубийства для тех, кто почему-либо скрывал свои суицидальные намерения» [9, с. 20]. За последнее время на гипотезу Рейфман откликнулись другие учёные: «Дуэль ... в начале XIX века (и особенно в русской литературе) признаётся способом физического и нравственного самоуничтожения (сам же герой постепенно становится из “нашего” человека человеком “лишним”» [5, с. 516]; для Печорина, «фактически, участие в дуэли с Грушницким можно рассматривать как усложнённую попытку самоубийства» [8, с. 83]. Действительно, если проследить состояние Печорина до самого начала поединка, то найдутся веские основания для сомнения в том, что у него было бессознательное желание смерти, которое в первую очередь связано с утратой очарования жизнью; тем не менее, состояние героя осложняется удручающими открытиями и глубоким разочарованием. Так, ещё накануне поединка герой обнаруживает жестокою для себя правду: «Было мне назначение высокое ... но утратил навеки пыл благородных стремлений, – лучший цвет жизни»¹. С другой стороны, нельзя исключать того, что

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Проза, письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 321.

спокойствие главного героя в начале дуэли основано не столько на уверенности в своей победе, сколько на готовности к возможной смерти, т. е. он предоставляет свою судьбу слепому жребию. Последнее замечание подтверждается воспоминанием Печорина о своём восприятии природы перед дуэлью: «Я не помню утра более голубого и свежего!»¹ – природа для героя как будто стала выражением последней привязанности к этому миру, поэтоу он и наблюдал её так «любопытно» и «жадно».

В «Княжне Мери» образ Печорина показан, прежде всего, крайне противоречивым – как результат сложного взаимодействия активной мыслящей личности и внешнего мира: с одной стороны, герой страдает от окружающей пошлости жизни, ему дано полное её видение, ему «скучно», он презирает и её, и самого себя; а с другой – он всячески пытается включиться в эту реальность, гонится за возможными новыми впечатлениями, в процессе чего делает себя любопытнейшим предметом беспощадного наблюдения: «Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия»². Заметим, что в «Княжне Мери» интерес героя к жизни не столько эмоциональный и чувственный, сколько познавательный, и, пожалуй, это объяснимо: герой, *переживший* волнения обычной жизни, не принимая обычного бытового представления о счастье и любви и не находя «генерализирующей цели в жизни», он всё-таки может стремиться к одной из целей – «постижению природы и возможностей человека» [10, с. 82]. Все увлеченные в реальности детали как будто становятся «посылаемыми судьбою знаками», которыми «Печорин старается не пренебрегать ... но внимательно читать их и расшифровывать» [4, с. 115]. Именно эта высокая потребность ума связывает все его внутренние мотивы поведения в повести «Княжне Мери»: он проверяет нравствен-

ность Грушницкого, *сеет зерно* настоящей, а не иллюзорной любви в княжне Мери, а самое главное – через всё это утверждает возможность достижения «высшего состояния самопознания», при котором «человек может оценить правосудие божие»³.

Дело в том, что после сцены со стаканом в записи от 11-го мая перед главным героем представлена *искажённая правда*, которую нужно исправить, к чему он немедленно приступает: «Если б был тут сторож, то он сделал бы то же самое, и ещё поспешнее ... Впрочем, очень понятно, что ей стало тебя жалко»⁴, – но Грушницкий, казалось бы, эту правду проигнорировал. После начала «комедии» Печорин второй раз попытался подсказать ему правду, чтобы остановить смешной спектакль: «Да солдатская шинель в глазах всякой чувствительной барышни тебя делает героем и страдальцем», однако молодой юнкер или не понял, или не готов её принимать, – он «самодовольно улыбнулся»⁵ и погрузился в свою романтическую фантазию. По мере развёртывания спектакля (несмотря на внутренние колебания, которые проявились в записи 16-го мая: «Я чувствовал необходимость излить свои мысли в дружеском разговоре... но с кем?»⁶) у Печорина уже не было третьей попытки примирения конфликта, этого не позволили бы самолюбие и постепенно углубляющееся презрение к Грушницкому, а также опасение показаться «смешным самому себе»⁷.

Амбивалентность устремлений Печорина: от презрения и злости к «высшему состоянию самопознания»

Настоящий поворот сюжета, который существенно изменил характер конфликта для обеих сторон, выразился в двух случайных подслушиваниях главного героя в Кисловодске, особенно в первом (вечером 12-го июня), когда он узнал о злобном умысле драгунского капитана устро-

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Проза, письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 323.

² Там же. С. 324.

³ Там же. С. 294.

⁴ Там же. С. 267.

⁵ Там же. С. 275.

⁶ Там же. С. 283.

⁷ Там же. С. 313.

ить дуэль на незаряженных пистолетах. Вернувшегося домой Печорина всю ночь волновали два различные чувства: «грусть» и «ядовитая злость», «за что они все меня ненавидят? ... Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?»¹ В этой связи С. И. Кормилов предлагает своё суждение о социально-политическом характере печоринского замечания: по мнению исследователя, после восстания декабристов 1825 г. власти невзлюбили не только аристократов, ставших «вдохновителем и организатором более “демократической”, охлократической реакции», для них и «человек, который держится с достоинством, в самом деле одним своим видом “порождал недоброжелательство»» [3, с. 20–21]. Враждебное отношение окружающих вызвало у героя глубокое недоумение и возмущение, однако он не смог понять свою ошибку: он ставил себя выше других, выступал режиссёром в их жизни, как бы своевольно манипулируя ими, не имея на это нравственного права. Он восклицает: «Берегитесь, господин Грушницкий! ... Я вам не игрушка!»², – присоединение бывшего приятеля к *злой силе* породило в его душе злость, эгоцентричный Печорин не умел поставить себя на место другого, совсем забывая, что сам Грушницкий был для него игрушкой.

«Я иногда себя презираю.. не оттого ли я презираю и других?..»³, – печоринское презрение представляет собой искажённое выражение недовольства самой жизнью и неполное постижение своей возможной роли в ней, что обусловлено двойственностью личности героя при взаимодействии с миром. Так, после разговора с Грушницким герой признаётся: «Я лгал. Но мне хотелось его побесить. У меня врождённая страсть противуречить»⁴. Г. В. Москвин замечает, что со слов «я лгал» уже начинается «вну-

тренняя дуэль» и «спектакль Печорина, распространяющийся в произведении во взаимодействии двух линий: “Печорин в себе” и “Печорин для остальных”» [6, с. 143]. Эволюция «внутренней дуэли» Печорина вместе с развитием событий ярче всего наблюдается в двух записях: от 3-го июня и накануне поединка.

Запись 3-го июня – не просто беспощадное разоблачение героем собственных слабостей и пороков, хотя его в какой-то степени можно считать и самооправданием, которое оказало глубокое влияние на динамику развития событий. Дума героя начинается с загадочного вопроса: «Зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь?»⁵ и заканчивается суждением: «Душа, страдая и наслаждаясь, даёт во всём себе строгий отчёт и убеждается в том, что так должно»⁶. «Личность и поведение Печорина представляют собой единство особого качества, т. е. ни в одном из сюжетных эпизодов героиней не действует “несогласно с собой” ... с принципами, убеждениями, натурой и т. д.» [7, с. 63]. «Так должно» и быть – отсюда те решительность, трезвость, жестокость и жертвенность, проявленные Печориным особенно при решении судьбы Грушницкого и княжны Мери. Однако накануне поединка героиней обнаруживает жестокую для себя правду: «Было мне назначение высокое ... но утратил навеки пыл благородных стремлений, – лучший цвет жизни»⁷. Перед возможной смертью героиней не оставляет завещания наследникам, у него нет друзей, которым он хотел бы «послать своё последнее прости», и нет женщины, которой хотел бы «оставить что-нибудь на память»⁸. «Что ж? умереть, так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно. Я – как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что ещё нет его

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Проза, письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 312.

² Там же. С. 312.

³ Там же. С. 313.

⁴ Там же. С. 267.

⁵ Там же. С. 293.

⁶ Там же. С. 295.

⁷ Там же. С. 321.

⁸ Там же. С. 324.

кареты. Но карета готова... прощайте!...»¹. В результате «внутренней дуэли» герой отдал себя слепому жребию – это его суд над самим собой ещё перед поединком.

Исход дуэли как итог нравственного выбора Печорина

В отношении к Грушницкому, по сути, на всём протяжении схватки (как во время вызова, так и во время самой дуэли) Печорин побуждал его сделать нравственный выбор, пытался найти в душе противника проблески благородства. До последнего момента, до выстрела, видя сильную внутреннюю борьбу, которая происходила в Грушницком, Печорин был убеждён в том, что противник выстрелит на воздух. Действительно, Грушницкий сначала целился «прямо в лоб», затем, казалось, что он, было, передумал («Вдруг он опустил дуло пистолета»²), но когда драгунский капитан обозвал его трусом, он всё-таки выстрелил в безоружного Печорина (хотя уже не в лоб, а в ногу), и пуля оцарапала колено противника. Возможно, это было результатом колебаний Грушницкого, однако в условиях той дуэли его выстрел можно трактовать как покушение на убийство. Э. Герштейн замечает, что на самом деле «не “судьба помилвала” Печорина (возможность, которую он сам допускал), а его умелое поведение на месте поединка и хладнокровие перед лицом задуманного против него преступления» [1, с. 55], ведь Печорин принял свои меры – он стоял на углу площадки, «крепко упершись левой ногою в камень и наклонясь немного наперёд, чтобы в случае лёгкой раны не опрокинуться назад»³. Видя, что его противник уходил всё дальше от своей совести и душевного благородства, Печорин принял свою последнюю, жесточайшую меру – разоблачил замысел противников и потребовал заново зарядить пистолеты. Таким образом, он поставил Грушницкого перед

выбором: если тот не откажется от своей клеветы, он будет приговорён героем к смертной казни. Именно в это время дуэль превратилась в настоящий суд Печорина над Грушницким, только в последнюю минуту жизни молодой юнкер постиг правду о себе и осознал, что оказался низким и жалким перед Печориным. Не справившийся с крахом своего мира, он выбрал смерть с ненавистью к Печорину, но и одновременно с презрением к себе.

Таким образом, финал «сценария» Печорина, казалось бы, воплотил его начальное предвидение в действительности («Я его также не люблю. Я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнёмся на узкой дороге, и одному из нас не сдобровать»⁴. И. С. Юхнова замечает, что «под влиянием иррациональных импульсов лермонтовские герои выстраивают свою систему ценностей, формируют свои “табу” и ограничения» [12, с. 278]. Действительно, так и поступил Печорин в дуэли с Грушницким. Однако неужели он поистине верил, что «так должно»⁵ было быть? После убийства герою пришло настоящее осознание произошедшего: у него было тяжело на душе, окровавленный труп Грушницкого напоминал о том, что это далеко не та “*fnita la comedia*”, которую он предполагал, и она превратилась в истинную трагедию для обеих сторон – «Я невольно закрыл глаза ... У меня на сердце был камень. Солнце казалось мне тускло, лучи его меня не грели ... Вид человека был бы мне тягостен: я хотел быть один»⁶.

Заключение

В начале «Княжны Мери» Печорин с сокровенной надеждой и ожиданием входит в этот «светский» мир, пытается найти душевное общение и любовь, без которых нет полноценной жизни, однако с развитием сюжета все исходные цели героя искажаются. Рассмотрение проблемы дуэли в «Княжне Мери» позволяет сделать вывод

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Проза, письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 321.

² Там же. С. 329.

³ Там же. С. 329.

⁴ Там же. С. 263.

⁵ Там же. С. 295.

⁶ Там же. С. 331.

относительно того, какой *жестокый* факт в судьбе Печорина раскрывается после кровавой дуэли как его суда над миром: бесконечное одиночество и обречённость на отчуждение от общества людей: «Печорин один и только один принципиально. Но он не хочет и не может быть один» [3, с. 13]. В этом заключается суть его трагедии, и, вероятно, сам Печорин так её и понимал. Именно на этой основе связываются события в «Фаталисте», наполненные философскими рассуждениями о судьбе человека; в «Бэле» Печорин с таким же разочарованием отказывался от возвращения в «свет»: «Мне осталось одно средство: путешествовать ... только не в Европу, избави боже!»¹

Это происходило у него, по замечанию Т. К. Черной, «в силу того разочарования в жизни, которое появилось как результат глубокого анализа не только окружающей действительности, но и своего места в ней, следовательно, как результат высокой степени и нравственного, и интеллектуального развития» [11, с. 360]. Печорин понял, что не может принимать этот мир, породивший его как составную свою часть, однако не насытивший душу. Вечное отдаление от жизни всех и есть его вечный суд над этим миром.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герштейн Э. Г. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М.: Художественная литература, 1976. 125 с.
2. Дурьин С. Н. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М.: Учпедгиз, 1940. 256 с.
3. Кормилов С. И. Роман о преходящем и вечном: социально-историческое и общечеловеческое в «Герой нашего времени». Статья первая // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2014. № 5. С. 7–32.
4. Кривонос В. Ш. Текст судьбы в «Герое нашего времени» Лермонтова // Новый филологический вестник. 2018. № 3 (46). С. 109–123.
5. Лулудова Е. М. Дуэль и её составляющие в русской литературе начала XIX века: психоаналитический аспект // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 515–518.
6. Москвин Г. В. Смысл романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М.: МАКС Пресс, 2007. 203 с.
7. Москвин Г. В. Духовные константы личности главного героя как основа идейной структуры романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (Чем не может поступиться Печорин) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 5. С. 62–68.
8. Мысовских Л. О. Григорий Александрович Печорин – лишний человек или русский экзистенциальный герой? // Культура и текст. 2022. № 2 (49). С. 77–85.
9. Рейфман И. Ритуализированная агрессия: дуэль в русской культуре и литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 327 с.
10. Удодов Б. Т. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М.: Просвещение, 1989. 188 с.
11. Черная Т. К. Русская литература XIX века. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2004. 623 с.
12. Юхнова И. С. Иррациональное и мистическое в творчестве М. Ю. Лермонтова (проблема разграничения) // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX–XXI вв.: коллективная монография. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2019. С. 275–282.

REFERENCES

1. Gershtein E. G. "Geroj nashogo vremeni" M. Yu. Lermontova ["Hero of Our Time" of M. Yu. Lermontov]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1976. 125 p.
2. Durylin S. N. "Geroj nashogo vremeni" M. Yu. Lermontova ["Hero of Our Time" by M. Yu. Lermontov]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1940. 256 p.

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Проза, письма. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 232.

3. Kormilov S. I. [A Novel about the Transient and the Eternal: Of Social History and General Humanity in 'A Hero of Our Time'. Article 1]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology], 2014, no. 5, pp. 7–32.
4. Krivonos V. Sh. [The Text of Destiny in "The Hero of Our Time" by Lermontov]. In: *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Bulletin], 2018, no. 3 (46), pp. 109–123.
5. Luludova E. M. [Duel and Its Components in Russian Literature of the Early 19th Century: Psychoanalytic Aspect]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2019, no. 6 (79), pp. 515–518.
6. Moskvina G. V. *Smysl romana M. Yu. Lermontova "Geroj nashogo vremeni"* [The Meaning of M. Yu. Lermontov's Novel "A Hero of Our Time"]. Moscow, MAKS Press Publ., 2007. 203 p.
7. Moskvina G. V. [Spiritual Traits of the Title Hero as a Blueprint for the Ideological Structure of the Novel "A Hero of Our Time" by Mikhail Lermontov (What Pechorin Would not Forego)]. In: *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2018, vol. 77, no. 5, pp. 62–68.
8. Mysovskikh L. O. [Grigory Aleksandrovich Pechorin – A Superfluous Man or a Russian Existential Hero?], 2022, no. 2 (49), pp. 77–85.
9. Rejzman I. *Ritualizirovannaya agressiya: duel' v russkoj kul'ture i literature* [Ritualized Aggression: A Duel in Russian Culture and Literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 327 p.
10. Udodov B. T. *Roman M. Yu. Lermontova "Geroj nashogo vremeni"* [Roman M. Yu. Lermontov "Hero of our Time"]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989. 188 p.
11. Chernaya T. K. *Russkaya literatura XIX veka* [Russian literature of the 19th Century]. Stavropol, Stavropol State University Publ., 2004. 623 p.
12. Yuhnova I. S. [Irrational and Mystical in the Works of M. Yu. Lermontov (The Problem of Differentiation)]. In: *Paradigmy perekhodnosti i obrazy fantasticheskogo mira v hudozhestvennom prostranstve XIX–XXI vv.* [Paradigms of Transition and Images of the Fantastic World in the Artistic Space of the 19th–21st Centuries]. Nizhny Novgorod, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky Publ., 2019, pp. 275–282.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжан Явень – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: daniazhang317@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhang Yawen – Postgraduate Student, Department of the History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: daniazhang317@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чжан Явень. Дуэль Печорина с Грушницким в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» как суд главного героя над миром // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 103–109.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-103-109

FOR CITATION

Zhang Yawen. The Duel Between Pechorin and Grushnitsky as Protagonists's Judgement over the World in the Novel "A Hero of Our Time" by Mikhail Lermontov. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2, pp. 103–109.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-103-109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «VI СМИРНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Климчукова В. Н.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “VI SMIRNOV’S READINGS”

V. Klimchukova

University of Education

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014 Moscow Region, Russian Federation

В рамках IX Международного фестиваля в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Государственный университет просвещения» на факультете русской филологии 8–9 февраля 2024 г. прошла Международная конференция «Проблемы преемственности в словесном искусстве Серебряного века и Русского зарубежья» (**VI Смирновские чтения**).

Это знаменательное как для литературоведческого мира, так и широкой общественности событие посвящено памяти Людмилы Алексеевны Смирновой (1932–2008), заслуженного деятеля науки, доктора филологических наук, профессора, почётного профессора МГОУ, члена редколлегии «Литературоведческого журнала», эксперта Российского гуманитарного научного фонда, автора более 300 научных работ, в том числе монографий по литературе Серебряного века и Русского зарубежья, создателя учебников для средней школы, нескольких вариантов учебников и учебных пособий для университетов по русской литературе конца XIX–начала XX вв.

Людмила Алексеевна Смирнова всю свою жизнь служила литературоведению. Она воспитала несколько поколений студентов-гуманитариев, бесценно работая в МОПИ–МПУ–МГОУ. Под её научным руководством состоялись защиты 52 кандидатских и 9 докторских диссертаций. По инициативе Людмилы Алексеевны Смирновой в учебный план факультета были включены два новых курса: «Литература Русского зарубежья» и «Литературоведческий анализ художественного текста».

Будучи ведущим специалистом по литературе конца XIX – начала XX вв., Людмила Алексеевна Смирнова развивала в своих трудах методологию исследования литературы Серебряного века. Феномен этого периода до сих пор вызывает дискуссии в исследовательских кругах. Но никто не может опровергнуть исключительность и своеобычность этого процесса, его влияние на последующее развитие не только литературы, а культуры и искусства в целом.

Людмила Алексеевна Смирнова создала важное направление в современном литературоведении – лабораторию Русского зарубежья, благодаря которой студенты факультета русской филологии не только знакомились с трудами великих классиков: И. А. Бунина, А. И. Куприна, И.С. Шмелёва, А. М. Ремизова, Б. К. Зайцева и многих других писателей как первого, так и второго ряда, а также представителей так называемого «потерянного» или «незамеченного» поколения: Г. И. Газданова, Б. Ю. Поплавского, А. С. Штейгера, М. А. Алданова, Н. Н. Берберовой, Ю. К. Терапиано и др.

Мемориальный характер «Смирновских чтений», актуальные проблемы, заявленные тематикой, обеспечили необычайную научную значимость форума. По сути, проводимая на факультете русской филологии конференция – единственная в своём роде, где обсуждаются вопросы, связанные с неповторимыми явлениями в русской литературе. Ученики Людмилы Алексеевны трудятся во всех уголках нашей Родины. В двухдневной плодотворной работе сотрудничали 83 участника из России и зарубежья, включая большие и малые города, сельские и городские образования и поселения. География конференции необычайно широка: Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Саратов, Благовещенск, Курск, Нижневартовск, Тамбов, Ставрополь, Новосибирск, Томск, село Молочное Вологодской области и др. Из зарубежных стран в конференции приняли участие учёные из Беларуси, Узбекистана, Казахстана, Китая, Испании, Северной Македонии и Румынии.

Декан факультета русской филологии, д-р филол. наук, профессор Ольга Викторовна Шаталова, открывая конференцию, поздравила собравшихся со знаменательным событием и, прежде всего, подчеркнула важность сохранения традиций и памяти о наших учителях, пожелав всем научных открытий.

На пленарном заседании выступили ведущие исследователи русской литературы, среди которых д-р филол. наук **Алексей Маркович Любомудров**, ведущий сотрудник Пушкинского Дома (Санкт-Петербург), публицист, исследователь, историк религии, член Союза писателей России; ведущий научный сотрудник РГГУ, д-р филол. наук **Юрий Борисович Орлицкий**; завкафедрой русской литературы XX и XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук Воронежского государственного университета, д-р филол. наук, профессор **Ольга Анатольевна Бердникова**; д-р филол. наук, профессор МГУ–ППИ в Шэньчжэне (КНР) **Наталья Леонидовна Блищ**; д-р филол. наук, профессор Московского международного универси-

тета **Ярослава Олеговна Гудзова**; д-р филол. наук, профессор кафедры славянской и греческой филологии Гранадского университета, переводчик **Рафаэль Гусман Тирадо** (Испания); научный сотрудник отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, д-р филол. наук **Инесса Николаевна Коржова** и одна из организаторов нынешней конференции, стоящая у истоков создания первых Смирновских чтений, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения, ученица Л. А. Смирновой **Любовь Фёдоровна Алексеева**.

Необычайно широкий спектр научных изысканий, представленный учёными на данной конференции, показал, что внимание исследователей привлекли труды не только известных художников: А. Блока, Н. Гумилёва, М. Цветаевой, В. Маяковского, В. Брюсова, Ин. Анненского, А. Куприна, Ив. Бунина, Л. Андреева, А. Н. Толстого, В. Каверина, Ив. Шмелёва, Б. Зайцева, В. Распутина, В. Высоцкого, но и творчество тех, имена которых ещё требуют основательного изучения: В. Сумбатова (доклад **Л. Ф. Алексеевой** «Поэтическое переложение Василием Сумбатовым Священного текста Нагорной проповеди Господа нашего Иисуса Христа»), В. Лихоносова (доклад **А. М. Любомудрова** «Свыше дарованное – пронести через жизнь в свободе и независимости»). Виктор Лихоносов и его парижские корреспонденты»), В. Шуфа (доклад **Н. С. Титовой** «Особенности композиционной структуры романа в стихах В. А. Шуфа “Сварогов” в контексте традиций А. С. Пушкина», Р. Ивнева (доклад **В. П. Кучина** «Рюрик Ивнев и Иннокентий Анненский: общность творческих концепций»), Л. Ржевского (доклад **Е. А. Бульба** «Онтологические категории в очерках Л. Ржевского “Три темы по Достоевскому”»), В. Арэнс (доклад **О. Ф. Ладохиной** «Военная тема в стихах Веры Арэнс»), Ю. Иваска (доклад **А. А. Семиной** «Юрий Иваск и “париж-

ская нота”: к проблеме преемственности»), Г. Гора (доклад **Н. А. Левитской** «Словесная живопись Геннадия Гора») и многих других.

Отдельного внимания заслуживают доклады учёных о современном состоянии литературы, о творческих индивидуальностях XXI в.: Я. Шипове (доклад **А. А. Борисовой** «Мотив чуда в современной жизни и его религиозно-философская трактовка в сборнике Я. Шипова “Тоскующие по небесам”»), Е. Водолазкине (доклад **С. В. Овсянниковой** «Архитектоника романа Евгения Водолазкина “Чагин”»), А. Варламове (доклад **И. И. Матвеевой** «Фольклорный код в романе А. Варламова “Душа моя Павел”»), Л. Бородине (доклад **Ю. А. Еремеевой** «Поэма Л. И. Бородина “Вольный изгой”: историко-литературный контекст»), Ю. Мамлееве (**А. В. Карпенко** «Фольклорные аллюзии в сказке Ю. Мамлеева “Ерема-дурак и смерть”»), Е. Посвятовской (доклад **С. В. Крыловой** «Портрет блуждающего поколения на страницах романа Елены Посвятовской “Важенка”») и др.

Пять научных секций, предложенных организаторами, были насыщены докладами специалистов по изучению наследия творческих индивидуальностей, языка художественных произведений, прояснению культурологических и философских вопросов.

Исследование проблем русской литературы XX–XXI вв., выдвигавшей на передний план преемственность как предмет художественного постижения писателями соотношения традиций и новых идей, осмысление социальных, нравственно-этических вопросов и запросов эпохи средствами искусства слова, на сегодняшний день видится особенно актуальным. Отсюда такое внимание современных учёных к наследию классиков: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского... Их влияние на развитие литературы нельзя переоценить. Об этом свидетельствовали доклады **Н. М. Малыгиной, Т. С. Карпачевой, Н. В. Мокиной, Ю. А. Алексеевой, Е. Д. Гиге, К. А. Землянской, Я. А. Шуловой, К. Б. Уразаевой, Сунь Вэньцзюнь, Н. В. Новиковой** и др.

Вопросы экфрасиса, синтеза искусств, включения чужого слова в художественный текст поднимались в докладах **Ю. Б. Орлицкого** «У истоков нового русского верлибра: опыт Александра Добролюбова»; **Рафаэля Гусман Тирадо (Rafael Guzmán Tirado)** «Образы Кармен и Дон-Жуана в литературе Серебряного века»; **Н. Л. Блиц** «Поэтика экфрасиса в литературе первой половины XX века: проблема интермедияльного диалога», **Н. Н. Шаховской** «Отблески поэзии Серебряного века на страницах поэзии Александра Кушнера», **Г. В. Эфендиевой** «Синтез культурных традиций в творчестве поэтессы русского Харбина Лариссы Андерсен», **Коста Эрика** «Образ Италии в записных книжках М. И. Цветаевой», **Е. М. Каминской** «Экфрасис в русской прозе начала XX века: к вопросу о художественном своеобразии рассказа Н. Гумилёва “Скрипка Страдивариуса”», **Чень Ци** «Роль литературы и изобразительного искусства в художественном мире А. Ремизова и М. Шагала» и др.

Истолкование новых граней в проблеме ориентированности писателей на традиции определённых эпох литературного процесса или наиболее близких отдельным творческим индивидуальностям предшественников по мироощущению и эстетическому осмыслению действительности проводилось не только на уровне жанровых переключек как, например, в докладе **И. Н. Коржовой** «Диалог с поэзией на страницах “Книги скитаний” (“На медленном огне”) К. Г. Паустовского (на материале неопубликованной машинописи), но и на уровне поэтики конкретных произведений, как, например, в сообщениях **Т. А. Алпатовой** «Диалог старого и нового в “коде пищи” романов В. Каверина (“Два капитана”, “Открытая книга”») и **А. О. Тихомировой** «Синтез видов комического в рассказах Михаила Осоргина».

Этика, эстетика и идейные акценты представителей славной плеяды художников Серебряного века и Русского зарубежья также стали предметом ярких научных дискуссий, о чём свидетельствует

научная полемика, заявленная в докладах **В. Т. Захаровой** «Художественное осмысление творческого дара в прозе русского Зарубежья (И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, Нина Федорова (А. Ф. Рязановская)», **Т. Д. Беловой** «М. Горький и Л. Каменев о Н. Г. Чернышевском: в контексте исторического времени и нашей историко-литературной повседневности», **А. И. Ванюкова** «“Юнкера” А. И. Куприна: поэтика заглавий и композиция романа», **Биляны Мирчевской Бошевы (Biljana Mirchevska Bosheva)** «Отработка эмотивной лексики поэтов Серебряного века на занятиях по русскому языку как иностранному (на примере любовной лирики Сергея Есенина)», **О. С. Тульской** «Тема музыки в письмах И. А. Ильина Н. К. Метнеру», **М. В. Силаевой** «Концептуальное значение образа слезы в творчестве В. Маяковского и Б. Рыжего», **А. А. Денисова** «Мотив катастрофы в поэтике В. Брюсова», **Н. В. Мокиной** «Гофмановские мотивы и образы в романе Андрея Белого “Серебряный голубь”», **А. В. Науменко-Порохиной** «Концепция Человека-творца в эссе “Человек” А. М. Горького» и мн. др.

Особенно следует подчеркнуть интерес исследователей к духовным основам русской литературы. Широко были представлены на конференции доклады о христианских основах нравственно-эстетической концепции многих русских писателей, об истоках религиозной символики в художественных произведениях, о роли образа храма в литературном процессе. Об этом свидетельствуют сообщения **Ю. А. Еремеевой**, **Л. И. Бронской**, **И. П. Михайловой**, **О. А. Бердниковой**, **Я. О. Гудзовой**, **О. В. Быстровой**, **Е. О. Козловой**, **М. А. Котовой**, **К. В. Санатова**, **С. Н. Сороки**, **С. М. Червоненко**, **А. А. Пяtkовой** и др.

Вызвали несомненный интерес доклады о непростых взаимоотношениях российской и зарубежной литературы и культуры. **Е. А. Куренковой** «Поэзия Серебряного века в отражении музыкальной культуры современности», **О. А. Бердниковой** «...Прекрасный пейзаж в Петровом окне»

(Ф. Степун): европейский дискурс в литературе и философии Русского зарубежья» и **М. В. Яковлева** «Образ храма в поэзии Серебряного века и в русском историко-литературном контексте».

Не забыты и юбилеи этого года: 160-летие со дня рождения Е. Н. Чирикова отмечено в докладе **В. Б. Белуковой** «“Жизнь Тарханова” Е. Н. Чирикова как роман воспитания», а в преддверии 100-летия со дня рождения В. П. Астафьева (1 мая 2024 г.) на конференции прозвучало сразу несколько докладов о творчестве и личности великого, самобытного, равнодушного к проблемам родной страны сибирского писателя: **Н. М. Щедриной** «100-летний юбилей Виктора Астафьева», **В. Н. Климчуковой** «Эстетическое восприятие мира героями повести В. П. Астафьева “Последний поклон”» и др.

Очень важным для организаторов симпозиума стало участие в научной конференции школьных учителей, молодых преподавателей колледжей, лицеев и институтов, многие из которых не так уж и давно были нашими студентами. В процессе обсуждения поднимались теоретические, методологические вопросы, проблемы преподавания, изучения художественного творчества, о чём свидетельствуют сообщения **Е. О. Козловой** «Хронотоп видения в паломнической прозе И. С. Шмелёва и Б. К. Зайцева», **М. А. Котовой** «“Человек облагороженного образа” в поэзии Д. Л. Андреева», **Д. А. Новичковой** «Викентий Вересаев о живой жизни Пушкина», **О. С. Ращупкиной** «Осмысление судьбы крестьян периода гражданской войны в рассказах И. М. Касаткина», **О. И. Саловой** «Музыкальная доминанта образа женщины (к опыту анализа рассказа Сергея Довлатова “Блюз для Натэллы”».

Хочется особо отметить, что всех участников этого научного собрания объединила не только любовь к литературе, но и совместная приверженность делу, настойчивое желание разобраться в сложных процессах, нашедших отражение в творчестве самобытных творческих индивидуальностей.

За долгие годы под руководством Л. А. Смирновой на факультете русской филологии проведены десятки научных конференций, она всегда давала возможность молодым, начинающим учёным испытать восторг открытия, радость исследовательского труда, значимость их вклада в развитие науки. Отрадно, что участие в настоящей конференции приняли 7 студентов, 5 магистрантов, 11 аспирантов, т. е. те, кто продолжает дело своих учителей.

Было приятно слушать доклады молодых исследователей, показавших как глубокое проникновение в творчество писателя, так и своё умение ставить проблемные вопросы и предлагать приемлемые ответы. Хочется отметить выступления **А. А. Пятаковой, К. А. Антоновой, Е. В. Щединой, М. И. Шапкиной, Я. О. Милосердовой, И. Р. Мухамеджановой, С. В. Гордовой, А. Н. Чекановой.**

Проведение международной конференции в реальном времени и в онлайн-режиме позволило принять участие в «VI Смирновских чтениях» большому количеству участников, которые продемонстрировали необычайную многогранность и масштабность проблематики проводимого мероприятия.

Много добрых слов прозвучало в адрес организаторов международной конференции. Участники и гости отметили её

весомый вклад в развитие отечественной литературоведческой науки. Думается, слова доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной филологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, ученицы и доброго друга Л. А. Смирновой Виктории Трофимовны Захаровой отражают общее настроение участников проводимого праздника науки: «Людмила Алексеевна Смирнова развивала в своих трудах методологию исследования литературы Серебряного века и Русского зарубежья как части общенационального культурного достояния.

Сегодня очевидно, насколько продуктивной оказалась эта направленность. Свидетельством тому являются и прошедшие Чтения. ... Организация мероприятия была безупречна, особенно важным было то тепло, с которым вы её осуществляли».

Организаторы Международной научной конференции «VI Смирновские чтения» искренне благодарят всех участников конференции за напряжённую двухдневную работу, за обнародованную яркость открытий, научную значимость докладов, разнообразные формы подачи материала, равнодушное отношение к общему для нас делу. Ждём новых встреч!

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Климчукова Вера Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: klim.vn@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera N. Klimchukova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Docent of the Department of Russian and Foreign Literature of State University of Education;
e-mail: klim.vn@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Климчукова В. Н. Международная научная конференция «VI Смирновские чтения» // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 110–114.

FOR CITATION

Klimchukova V. N. International Scientific Conference “VI Smirnov’s Readings”. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2. pp. 110–114.

РЕЦЕНЗИИ

ЗАПЕЧАТЛЁННЫЕ ОБРАЗЫ ПУШКИНОГОРЬЯ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КОЗМИН Б. М. МИРАЖИ ПАМЯТИ. ВЕЛИКИЕ ЛУКИ: ВЕЛИКОЛУКСКАЯ ТИПОГРАФИЯ, 2020. 492 С.

Никитин О. В.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

CAPTURED IMAGES OF PUSHKINOGORYE. BOOK REVIEW: KOZMIN B. M. MIRAGES OF MEMORY. VELIKIYE LUKI, VELIKIYE LUKI PUBL., 2020. 492 P.

O. Nikitin

State University of Education

ul. Vera Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Я держу в руках редкую, удивительную книгу большого, почти альбомного формата. И не потому, что тираж её невелик. В ней значимо всё: от обложки и силуэтов до текста и иллюстраций, сопровождающих одно большое поколение пушкинистов-музееведов Козминых – наследников традиции легендарного директора музея-заповедника «Михайловское» С. С. Гейченко. Он, как магнит, притягивал к себе ярких, неординарных личностей, умел разглядывать в людях красоту и обеспокоенность, душевную чистоту и тягу к природному ландшафту, влюблённость в художественную стихию и высокую нравственность. Вокруг С. С. Гейченко все были подвижниками, а он, как Кот учёный, «всё ходит по цепи кругом»...

Уже много лет нет на земле Семёна Сергеевича Гейченко, а его дело живёт стараниями тех невидимых и часто непубличных героев, которые по сей день исполняют долг поколений – хранят память о ПУШКИНЕ в науке, искусстве, в деревьях и цветниках, в воссозданных из пепла времени усадьбах, в акварелях и просто в духе тех мест, которые очаровывают даже самых праздных посетителей Тригорского, Михайловского, Петровского.

Борис Михайлович Козмин, автор этой книги, талантливый живописец, литератор, мастер на все руки, долгие годы был главным хранителем музея-усадьбы «Петровское». Регалии этого человека-труженика позволяют понять его путь: от восторженного обозжателя Пушкиногорья и его главного окурмителя С. С. Гейченко до тесной работы с ним, воссоздания утраченной усадьбы. С 1970-х гг. Б. М. Козмин и потаённое Пушкиногорье слились воедино и до сих пор неразлучны. Борис Михайлович – член Союза писателей России (1998), член Союза художников России (2000), заслуженный работник культуры России (1999), лауреат Государственной премии России в области литературы и искусства (2002). Его перу принадлежат книги «Из рода Ганнибалов» (М., 1997), «Родом, я нижайший из Африки...» (М., 2001). В 2022 г. отмечалось 85-летие Мастера. К этой дате Пушкинский Заповедник устроил выставку, в анонсе которой говорилось:

«Б. Козмин родился в сибирском посёлке Ирша (в 1937 г. – О. Н.), в 160 километрах от Красноярска, учился в Красноярской художественной школе при мемориальном музее В. И. Сурикова, в Иркутском художественном училище.

В 1963 году Борис Михайлович впервые посетил Пушкинский Заповедник, познакомился с его директором С. С. Гейченко. Особая привязанность к этим местам вызвала желание остаться здесь навсегда. Оно исполнилось в 1974 году, который оказался для мастера судьбоносным: он заочно окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина и был принят на должность заведующего филиалом Музея-заповедника А. С. Пушкина «Петровское».

Б. М. Козмину было доверено восстановление мемориальной усадьбы Ганнибалов. Предстояло не только возвести усадебный дом, создать экспозицию, рассказывающую о предках Пушкина, но расчистить, исследовать и сохранить фундаменты усадебных строений и парк, созданный ещё в XVIII столетии. Уже в 1977 году, в дни XI Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии, возрождённая усадьба приняла первых посетителей.

Этот опыт очень пригодился и был реализован в новом проекте реставрации и реконструкции усадебных объектов. В рамках правительственной программы по подготовке и проведению 200-летнего юбилея А. С. Пушкина в Петровском был воссоздан Дом-музей А. П. Ганнибала – «Арапа Петра Великого».

Борис Михайлович Козмин талантливый художник. В музейных фондах хранится обширная коллекция работ мастера. Его первая персональная выставка живописи в Пушкинском Заповеднике состоялась ещё в 1988 году. С тех пор полотна художника живут очень насыщенной жизнью, принимая активное участие в выставочных проектах музея. В 2007 году в серии «Святогорская галерея» заповедником был выпущен альбом «Борис Козмин. Живопись», посвящённый 70-летию автора.

Произведения мастера находятся в государственных и частных коллекциях в России и за рубежом – в Австрии, Англии, Великобритании, Венгрии, Германии, Голландии, Греции, Италии, Латвии, Польши, США, Японии и др.»¹.

¹ Борис Михайлович Козмин. Жизнь, творчество, судьба... [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pushkinland.ru/2018/exh/exh22/exhf167.php?ysclid=lv732icz9199980179> (дата обращения: 12.04.2024).

Длинный, необычайно интересный творческий путь Б. М. Козмина начинался в красноярской глубинке, но Божий промысел словно шептал ему будущее предназначение. Вот как он об этом вспоминал: «Мы сибирского происхождения, пришли из тех мест, которые волею судьбы прошёл Ганнибал, – он строил российско-китайскую оборонительную систему на Селенге. Впервые я узнал о нём ещё в детском возрасте: местная краевая газета дала заметку, что через наши края проезжал прадед Пушкина, знаменитый арап Петра Великого»².

Новая книга Б. М. Козьмина тоже о Пушкиногорье. Но не только о нём. Это книга-размышление, книга-мемуары, книга-наблюдение и в то же время самопознание и погружение в стихию любви к искусству, поэзии, людям. Это рассказ о многочисленных незабываемых встречах и личных открытиях автора, о его семье и жизненных ценностях. Как мало таких книг мы читали! Да и писать их уже почти некому...

Борис Михайлович проникновенно и с добром рассказывает о своём военном детстве, незабвенных голосах Руслановой и Козловского, «неистовом карикатуристе» Борисе Ефимове, отроческих боевых игривых, друзьях молодости, о том, как зародилась в юном мальчике тайная мечта стать художником³. Зарисовки провинциального быта перекликаются с событиями времени, вдохновенным творчеством и поиском своего пути. Первые восторги от картин Сурикова и позже открытие Третьяковки... «Очарованным странником бродил по залам Третьяковской галереи. Затаив дыхание с трепетом созерцал шедевры Александра Иванова, его дивные итальянские этюды-картины как вспомогательный материал в процессе создания грандиозной картины «Явление Мессии». Чудо! – самая народная

www.pushkinland.ru/2018/exh/exh22/exhf167.php?ysclid=lv732icz9199980179 (дата обращения: 12.04.2024).

² Михеев В. Наше все. Как советская интеллигенция придумала пушкинский заповедник [Электронный ресурс]. https://zapovednik.space/material/nashe_vse (дата обращения: 12.04.2024).

³ Козмин Б. М. Миражи памяти. Великие Луки: Великолукская типография, 2020. С. 70–81 и далее.

картина в русском искусстве, по определению И. Е. Репина. Глазам не верилось, что такой творческий подвиг мог сотворить человек»¹. Эта часть книги подобна автобиографической повести о жизни.

И где-то возле самого сердца у Бориса Михайловича всегда горело желание быть подле Пушкина... «Тогда через приятелей своих искал любой повод, чтобы зацепиться, если уж не в Михайловском, то хотя бы где-то рядом, но, чтобы чаще, чем раз в год иметь возможность посещать дорогие места, постоять у гробницы поэта, побывать в Михайловском, в Тригорском, навещиваться в Петровский парк, на Воронич, с которого началось моё сумасшествие по Пушкинским местам, в Савкино. Поиски меня даже чуть не привели в среднюю школу в пос. Ямм. Но до “Ямы” дело не дошло, слава богу!»²

Первая встреча с С. С. Гейченко и неожиданная для директора Заповедника просьба от незнакомца поработать в музее. «После короткой паузы... он протяжно, как запев, потянул: “Ну-у-у, ещё один соискатель явился”...

Выдержав паузу побольше первой, он, задав вопрос: “А откуда вы взялись?”, – начал сверлить меня своим пронизательным взглядом с головы до ног. Был я тогда кудлатый, с чёрными бакенбардами... Внутренне почувствовав, что это всё-таки не есть отлуп окончательный и бесповоротный, начал повесть своих житейских коловращений, и, что выше и прекраснее поэзии Пушкина для меня ничего нет. “Ну, так уже и нет?”, – поддразнил Гейченко меня.

Такова была первая встреча. На моих глазах впоследствии этот могучий богатырь поднялся во весь свой исполинский рост, первым из музейщиков стал Героем Соцтруда, лауреатом Государственной премии. Но к моменту моего с ним знакомства он уже основательно утвердился как “домовой”, неустанными трудами восприняв это реноме будто бы от самого Пушкина...»³.

¹ Козмин Б. М. Миражи памяти. Великие Луки: Великолукская типография, 2020. С. 151.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 178–179.

С теплотой преданного сына Борис Михайлович рассказывает и о своих родителях, которые приезжали в Пушкинские Горы, наблюдая, как поднимался и мужал новый поселенец этих мест. Одно из напутствий отца так трогательно и нас влюбляет в душевные переживания Бориса и его супруги Любы: «Хочется дожить, – писал он, – когда сможем прочесть написанную тобой, Боря, историю о предках Пушкина[,] в частности Абрама Петровича Ганнибала, музей которого создавался на Ваших глазах и с Вашим участием, и с любовью Вами охраняется. Тропа к нему всегда будет проторённой не только нашим народом, но и народами других стран. Твой труд и в литературе, и в живописи, прославляющий и воспевающий святыне пушкинские места, будет достойно оценён и надолго сохранится в народной памяти. Михаил Козмин. 14 сентября 1990 г.»⁴.

Книга Б. М. Козьмина – своеобразный портрет времени (а оно особое в Пушкинском Заповеднике), через которое проходят нетривиальные лица и события. Вот, например, такой сюжет: «Сергей Александрович Фомичёв, учёный секретарь Пушкинской комиссии Института русской литературы Академии наук... с самого начала прикипел и к нам, и к нашей ганнибальщине. Именно он первый раз ввёл в наш дом незабываемого японского профессора, предварительно обратив его в истинно русскую веру... Каждый раз по истечении контракта, означенного срока чтения лекций в Ленинградском университете, перед отлётом на родину экзальтированно стонал: “Я не хочу Япония! Я хочу Россия... Я по натуре бродяга... Япония маленькая, Россия большая, не хочу Япония!”»⁵

Отдельный раздел «Зарисовки о незабвенных встречах» повествует о героях того времени, чьи имена прославляли Пушкина, кто склонялся перед ним и был неизменным помощником и пропагандистом его наследия. Это – Д. С. Лихачёв, И. Л. Андроников, И. С. Козловский, Г. В. Свиридов, М. А. Ульянов, М. А. Дудин, Р. А. Быков, потомки Пушкина...

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Там же. С. 17.

О Дмитрие Сергеевиче Б. М. Козмин вспоминал так: «Он был непримиримым противником тех, с позволения сказать, создателей на ниве садово-парковой архитектуры, которые склонны были без меры орудовать топорами и пилами в велико-возрастных старинных садах и парках»¹.

Об И. Л. Андроникове, мастере устных рассказов и тонком литературоведе, председателе всеозонных пушкинских праздников поэзии, говорил как о бессменном, незаменимом... С ним приезжали Пабло Неруда, Юрий Рытхэу, Максим Танк, Мустай Карим, Юрий Нагибин, Роберт Рождественский, Сергей Михалков, Юлия Друнина, Владимир Солоухин и многие другие. «Вся поэтическая поляна, казалось, была наэлектризована радостным энтузиазмом...»².

И. С. Козловского Б. М. Козмин слушал с детства. И вот он, «поющий ангел», появился на празднике в Петровском... «Иван Семёнович подходит к камину, постукивает слегка как в камертон и слышит картонный отзвук. Затем все слышат его малороссийский говорок: “Какой же это, к чёрту, парадный зал, когда в нём не разведёшь огня и не выпьешь перед камином доброго вина!” Все расхохотались, а Гейченко ему на это: “У меня всё впрок заготовлено, да не всё сразу!”»³

Можно сказать, что «Миражи памяти» – это документально-художественная биография Пушкинского Заповедника периода его расцвета, когда работали бок о бок одержимые духовной связью с русским гением люди. Их силуэты Б. М. Козмин рисует с неповторимой писательской интонацией доверительности и безмерного уважения. Не раз на страницах книги он упоминал хранителя музея «Святогорский монастырь» М. Е. Васильева, заместителя директора Пушкинского Заповедника В. С. Бозырева и других тружеников гнезда Гейченко. Их покровительство и доброе расположение очень помогли Б. М. Козмину в его странствиях по Русской земле, которые наконец-то обрели

опору здесь, в Пушкиногорье. Вот как он описывал одну из первых запомнившихся молодому художнику экскурсий в исполнении М. Е. Васильева: «Постепенно в состоянии взаимного благорасположения наша маленькая группка приблизилась к келье Пимена. Выдержав паузу, Ефимыч с глубоким проникновением, как будто он всамделишный летописец, произнёс изумительные строки из пушкинской трагедии: “Ещё одно, последнее сказанье – / И летопись окончена моя, / Исполнен долг, завещанный от Бога / Мне, грешному. Недаром многих лет / Свидетелем Господь меня поставил / И книжному искусству вразумил...”. Слова эти, казалось, оседали на самое дно души, заставляя по-особенному дышать»⁴.

О запечатлённых образах Пушкиногорья в изображении Б. М. Козмина можно говорить без умолку. Здесь каждый сюжет – событие высокого духовно-исторического масштаба. Непростая эпоха словно оживает под пером пронизательного летописца, бывшего свидетелем исторического возрождения главного музея Псковской земли. Вечер С. С. Гейченко в Останкине, экскурсия Расулу Гамзатову, МХАТовские беседы... Каждый раздел книги – исповедь автора без тени тщеславия и воображаемого величия (и это в окружении таких-то имён!). Б. М. Козмин перенял у своего учителя С. С. Гейченко народную черту: величие в простоте, в гармонии с миром и людьми, в том, как ты проживаешь каждый день и чем его наполняешь...

Мы не обо всём написали в коротком обзоре-рецензии. И рекомендовали бы нынешним музейным работникам и филологам ознакомиться с разделом «Из записной книжки хранителя». Он о том, как оживало Петровское, как менялся его облик, где всё и сейчас дышит ганнибаловской стариной.

В книге немало и других ярких самонаблюдений Б. М. Козмина: «Размышления над пушкинскими страницами» (раздел V), «Вечные спутники – раздумья о художни-

¹ Козмин Б. М. Миражи памяти. Великие Луки: Великолукская типография, 2020. С. 242.

² Там же. С. 245.

³ Там же. С. 247.

⁴ Там же. С. 217.

ках» (раздел VI), «Некоторые зарисовки из моих путешествий» (раздел VII). А ещё бесконечно живые, красочные, эмоционально насыщенные репродукции акварелей Б. М. Козмина, фотографии полувековой истории Пушкиногорья, в которых воскресает мир Пушкина глазами, разумом и душой продолжателя дела С. С. Гейченко.

Вся книга пронизана любовью к пушкинским местам, его хранителям и гостям Заповедника – всем, кто встречался Б. М. Козмину на жизненном пути: от простых деревенских баб до именитых филологов, поэтов и писателей, историков, государственных и театральных деятелей, радевших за Пушкина. Рядом с Б. М. Козминым незаметно присутствует и фигура его жены – Любви Владимировны, в настоящее время хозяйки-хранительницы «Петровского». Сколько чуткости, мудрости, терпения и вдохновения она отдала этим местам. Заботливая, строгая в делах, искренняя в поступках и потрясающе талантливая во всём. Именно её трудам «Петровское» обязано своему возвышению. А какие экскурсии она проводит! Кому довелось их слушать, не забудут никогда!..

О чём бы ни писал Борис Михайлович, в самом центре всё равно стоит фигура С. С. Гейченко – бога Пушкиногорья и обычного живого человека со своими

странностями, безмерным человеколюбием, огромной жизненной силой и верой в высокое предназначение СЛОВА (у меня хранится дома старый, пожелтевший от времени номер роман-газеты за 1987 год, в котором было опубликовано его знаменитое «Пушкиногорье» – какой неистёртый язык, живой литературный слог, вплетённый в исторические картины быта тех мест, каждодневные открытия... Эта душевная повесть стала отражением золотого века музееведения и визитной карточкой одного из его лучших представителей). Здесь, в бывших дворянских усадьбах Михайловское, Тригорское, Петровское, всё пропитано им, прошепчено и освящено. А недалеко заброшенное в лесах Воскресенское..., заросшее по-над Соротью Дериглазово... И туда смотрело беспокойное сердце С. С. Гейченко... Последняя его мечта (по счастью, воплощённая) – музейная деревня Бугрово – скрипит своей мельницей, поблёскивает на солнце соломой и удивляет городских туристов тем, что есть иная жизнь. Кажется, что и Пушкин совсем рядом – идёт по михайловским рощам, вдоль Маленца, подбрасывает вверх свою трость, сочиняя стихи и пугая продерзостями крестьян. Он поэт вечности. С ним обитали и сейчас живут такие же вечные странники, поцелованные Богом, как Борис Михайлович Козмин.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Slavonic Studies, General Linguistics and Culture of Communication of State University of Education;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитин О. В. Запечатлённые образы Пушкиногорья. Рецензия на книгу: Козмин Б. М. Миражи памяти. Великие Луки: Великолукская типография, 2020. 492 с. // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 115–119.

FOR CITATION

Nikitin O. V. Captured Images of Pushkinogorye. Book Review: Kozmin B. M. Mirages of Memory. Velikiye Luki, Velikiye Luki Publ., 2020. 492 p. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2. pp. 115–119.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

2024. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик А. Ю. Назарова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Глузунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.philologymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,5, уч.-изд. л. 11,5.

Подписано в печать: 30.04.2024 г. Дата выхода в свет: 15.05.2024 г. Заказ № 2024/05-05.

Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А